

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 20. № 6

2021

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Лингвистические корпуса: проблемы составления и возможности использования»

“Linguistic Corpora: Compilation Challenges and Capabilities”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 20. No. 6

2021

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021

Том 20. № 6

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2021

Volume 20. No. 6

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2021. Vol. 20. No. 6

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Mainstream issue:

“Linguistic Corpora: Compilation Challenges and Capabilities”

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *S. Vögeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *D. Vöyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editor, Proofreader *I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, E.A. Agarkova*

Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing November 14, 2021.

Date of publication: Febr. 24, 2022. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 16.1. Published pages 17.3.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–31).

Order 13. «C» 42.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021. Т. 20. № 6

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Главная тема номера:

«Лингвистические корпуса: проблемы составления и возможности использования»

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохватилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редактор, корректор *И.В. Сметанина*

Редакторы английских текстов:

О.С. Волкова, Е.А. Агаркова

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 14.11 2021 г.

Дата выхода в свет: 24.02 2022 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,1.

Уч.-изд. л. 17,3. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31).

Заказ 13. «С» 42.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

Баранов В.А. Параллельный корпус списков славянского паримейника: состав, структура, аналитическая разметка 6

Новак М.О. Названия музыкальных инструментов в древнерусских паримейниках XII–XIV вв. (на материале исторического корпуса «Манускрипт») 18

Матыцина М.С., Григорянова Т. Англоязычный дискурс иммиграции в аспекте корпусной лингвистики 29

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Зыкова И.В., Киосе М.И. Лингвокреативная специфика кинодискурса и дискурса детской литературы: лексический уровень 42

Дмитриева Е.Г. Лексика эмоций в житиях святых для детей: функциональный аспект 56

Сафонова И.А. Глагольные средства выражения восприятия «незримого» в агиографических текстах XX–XXI веков 65

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Тупикова Н.А. Отражая перспективы и развивая традиции... Польский взгляд на современные проблемы восточнославянского языкознания 78

Соколова Н.В. Машинный перевод vs перевод, выполненный человеком, в синергетическом переводческом пространстве [На англ. яз.] 89

Плахова О.А. Лингвосемиотическое воплощение концепта «shape shifting / оборотничество» в английской народной культуре (на материале сказочного дискурса) 99

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Королева И.А. Региональная ономастическая лексика в лингвокультурологическом освещении 111

Воронина Л.В. Структурно-смысловая организация antecedentно-анафорического комплекса с семантикой цели: когнитивный и функциональный аспекты 122

Волкова О.С. Лингвопрагматика английских заимствований в русскоязычном дискурсе массовой коммуникации (на материале названий обуви) 134

ДИСКУССИИ

Шарандин А.Л. Категория репрезентации числительного 146

Шкапенко Т.М., Ваулина С.С. Роль контекста в процессе семантических преобразований лексической единицы 158

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

Baranov V.A. Parallel Corpus of the Slavonic Parimejnik Copies: Composition, Structure, Analytical Markup 6

Novak M.O. Names of Musical Instruments in Old East Slavonic Parimejniks from the 12th – 14th Centuries (On “Manuscript” Corpus Materials) 18

Matytcina M.S., Grigoryanova T. English Discourse of Immigration in the Aspect of Corpus Linguistics 29

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Zykova I.V., Kiose M.I. Linguistic Creativity in Cinematic Discourse and Discourse of Children’s Literature: Lexical Level 42

Dmitrieva E.G. Vocabulary of Emotions in Hagiographies for Children: Functional Aspect 56

Safonova I.A. Verbal Means Expressing the Comprehension of “Invisible” in Hagiographic Texts of the 20th – 21st Centuries 65

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

Tupikova N.A. Reflecting Perspectives and Developing Traditions... Polish View on Modern Problems of East Slavic Linguistics 78

Sokolova N.V. Machine vs Human Translation in the Synergetic Translation Space 89

Plakhova O.A. Linguosemiotic Realization of the Concept *Shape Shifting* in the English Folk Culture (Based on the Folk Tale Discourse) 99

MATERIALS AND REPORTS

Koroleva I.A. Regional Onomastic Vocabulary in Linguaculturological Studies 111

<i>Voronina L.V.</i> Structural-and-Semantic Organization of Antecedent-Anaphoric Complex with Purpose Semantics: Cognitive and Functional Aspects	122
<i>Volkova O.S.</i> Linguistic Pragmatics of English Borrowings in Russian Mass Communication Discourse	134

DISCUSSIONS

<i>Sharandin A.L.</i> The Category of Representation of the Numeral	146
<i>Shkapenko T.M., Vaulina S.S.</i> The Role of Context in the Process of Semantic Transformations of a Lexical Unit	158

www.volsu.ru

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.1>

UDC 811.161.1'04
LBC 81.411.2-03

Submitted: 07.07.2021
Accepted: 30.09.2021

PARALLEL CORPUS OF *THE SLAVONIC PARIMEJNIK* COPIES: COMPOSITION, STRUCTURE, ANALYTICAL MARKUP¹

Victor A. Baranov

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia

Abstract. The article gives grounds for marking up machine-readable transcriptions of medieval Slavic manuscripts, which serve as textual material for the historical corpora, the excerpts are viewed as possessing valuable codicological or textological characteristics. Composition analysis of four manuscripts from *the Slavonic Parimejnik* (12th – 14th cc.) and modeling their structure with application of generally accepted tools of linguistic analysis have enabled solving the following tasks: analytical units identification, text format elaboration and search process algorithmization based on the natural language units characteristics. A suggested format of lectionaries description includes data on the section (sub-section) of the liturgical year, the number of the lectionary in this section, textual composition in relation to the texts of the Bible, the topic. The format of dates, days and time of lectionaries reading throughout the year includes data on the section (sub-section), the date of the fixed calendar or the week and the day within the section (sub-section) of the nonfixed calendar, the time of the church service, the event to which the service is devoted. The markup of the Parimejnik texts included indication of the excerpts boundaries and determination of their relations with the dictionary unit with the aim to ensure the parallel corpus of four Slavic manuscripts of the Parimejnik with ranging the corresponding excerpts at the level of the lectionaries and Bible verses within the corpus “Manuscript” (manuscripts.ru).

Key words: Medieval Slavonic manuscripts, Parimejnik (Old Testament lectionary), structure and composition, markup, parallel corpus.

Citation. Baranov V.A. Parallel Corpus of *the Slavonic Parimejnik* Copies: Composition, Structure, Analytical Markup. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 6-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.1>

УДК 811.161.1'04
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 07.07.2021
Дата принятия статьи: 30.09.2021

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ КОРПУС СПИСКОВ СЛАВЯНСКОГО ПАРИМЕЙНИКА: СОСТАВ, СТРУКТУРА, АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАЗМЕТКА¹

Виктор Аркадьевич Баранов

Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, г. Ижевск, Россия

Аннотация. Обоснована необходимость разметки машиночитаемых транскрипций средневековых славянских рукописей, являющихся текстовым материалом исторических корпусов, на уровне аналитических фрагментов – частей, обладающих кодикологически или текстологически значимыми характеристиками. На примере анализа состава четырех рукописей славянского паримейника (XII–XIV вв.) и разра-

ботки его структурной модели продемонстрировано решение задач идентификации аналитических единиц, сохранения традиций их описания, создания условных форматов, обеспечения поиска и представления их характеристик с помощью естественного языка. Предложен формат описания паримий, включающий сведения об отделе (подотделе) церковного года, номере паримии в этом отделе, текстовом составе в его отношении с текстами Библии, теме. Разработан формат описания дат, дней и времени чтения паримий в течение года, который включает сведения об отделе (подотделе), дате по неподвижному или неделе и дне в пределах отдела (подотдела) по подвижному календарю, о времени церковной службы, о событии, которому посвящена служба. Разметка списков паримейника (указание границ каждого фрагмента, установление связи фрагмента со словарной единицей) позволяет демонстрировать в корпусе «Манускрипт» (manuscripts.ru) параллельный корпус четырех славянских списков паримейника, выровненных по паримиям и стихам Библии.

Ключевые слова: средневековые славянские рукописи, паримейник, структура и состав, разметка, параллельный корпус.

Цитирование. Баранов В. А. Параллельный корпус списков славянского паримейника: состав, структура, аналитическая разметка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.1>

Введение

Исследователи исторических текстовых источников всегда исходили из понимания ограниченности анализируемого материала, обусловленной количеством рукописей, которые сохранились и доступны для анализа. Поэтому отношение текстологов и лингвистов к данным средневековых рукописей и текстов особое: важны все факты изучаемого явления в их соотношении, в том числе и количественном, друг с другом и в противопоставлении фактам альтернативного способа выражения или альтернативного значения. Это позволяет говорить о том, что традиционный исторический метод лингвистического анализа средневековых рукописных источников использует по сути корпусные методики извлечения и систематизации лингвистических данных [Баранов, 2015], а корпусное понимание текста как единственно доступного нам объекта наблюдения и изучения имеет ту же методологическую основу, что и база историко-лингвистических исследований, опирающаяся на факты дошедших до нас письменных источников.

Сегодня корпусные методы, использующие в первую очередь автоматизированные способы и приемы извлечения, количественного сопоставления и статистической оценки лингвистических форм, конструкций и их значений, активно применяются не только для решения прикладных задач поиска и анализа текстов (контекстов), их генерации, создания систем взаимодействия человека и машины на естественном языке, но и для научных це-

лей – оценки текстов с точки зрения близости и контрастности, подтверждения лингвистических гипотез, нахождения в текстах неизвестных закономерностей и многих других.

До недавнего времени применение корпусных методов в работе со средневековыми славянскими рукописями было невозможным: отсутствовали машиночитаемые текстовые ресурсы достаточного объема. Но за последние десять – пятнадцать лет ситуация несколько (пока, наверно, рано использовать слова *существенно, принципиально, кардинально*) изменилась: у отдельных исследователей и коллективов появились достаточно большие коллекции наборных копий (транскрипций) средневековых текстов (рукописей), которые позволяют или применить к ним простейшие автоматизированные приемы выборки, счета, сортировки, предоставляемые, в частности, текстовыми процессорами и электронными таблицами, или осуществить их обработку с помощью специализированных программ, например AntConc, Voyant, Gephy и др., для подготовки конкордансов, получения количественных и статистических сведений, визуализации текстовых закономерностей, или, создав на основе транскрипций корпус, использовать возможности корпусных менеджеров для поиска, выборки, демонстрации и анализа лингвистической информации².

Как известно, анализ лингвистических единиц включает в себя в том числе и этап их сопоставления друг с другом по каким-либо формальным и содержательным признакам: от текстовых (время, автор, стиль и жанр) до

собственно речевых и языковых (позиция, грамматическая форма, семантика). Поэтому основой любой коллекции и корпуса является разметка – метаразметка текстов, частеречная и морфологическая разметка лингвистических единиц, синтаксическая (их грамматических связей), тематическая, семантическая (отношений слов с другими словами) и др. Наличие разметки позволяет не только найти в большой коллекции единицы с необходимыми значениями, но и сформировать выборки, единицы которых обладают наборами идентичных (аналогичных) или противопоставленных форм или значений.

В настоящее время для любой коллекции или корпуса базовыми являются мета- и грамматическая разметки. Дополнительные зависят от направленности проекта, исследовательских задач, которые решает коллектив, от наличия инструментария, позволяющего в автоматическом или автоматизированном режиме осуществлять разметку, и, конечно, от самого текстового материала.

Если для современных корпусов с их огромным количеством данных значимые наблюдения успешно осуществляются на основе временных, жанровых, авторских, гендерных, возрастных и под. противопоставлений, то для существенно меньших по объему средневековых коллекций при сохранении значимости временных и жанровых характеристик особое внимание при анализе речевых и языковых особенностей уделяется свойствам отдельных частей рукописей и текстов. Понятно, например, что при выборке данных из кодекса, переписанного несколькими писцами, необходимо предоставить пользователю возможность получить сведения о каждой из частей отдельно³, при наличии в рукописи нескольких текстов анализ должен осуществляться с учетом того, что лингвистические единицы принадлежат разным текстам⁴, а следовательно, их границы должны быть указаны. При компилятивном характере текста информация о текстологически важных фрагментах должна быть внесена в машиночитаемую копию⁵. Таким образом, учет текстологических, кодикологических и лингвистических особенностей средневековых письменных памятников при их исследовании с помощью корпусных методов должен быть обеспечен соответствующей разметкой. И чем

более детальной она будет, тем больше возможностей для сопоставления материала будет предоставлено лингвисту.

Данная работа посвящена демонстрации способов решения прикладной текстологической задачи – представления структуры и состава средневекового славянского паримейника в виде модели и в виде разметки четырех славянских списков XII–XIV вв. в базе данных исторического корпуса «Манускрипт»⁶.

Наличие в базе данных корпуса структурированных сведений о фрагментах списков позволяет формировать выборки лингвистического материала с учетом значений их частей: а) создавать подкорпусы из фрагментов одной рукописи с разными аналитическими характеристиками⁷ и подкорпусы из фрагментов разных списков с идентичными значениями; б) сопоставлять подкорпусы с помощью инструментов, анализирующих количественные характеристики их лингвистических единиц; в) представлять на экране соответствующие друг другу части рукописей в виде параллельного корпуса списков одного текста.

Материал и методы

Рукописи паримейника в корпусе

Как известно, паримейник (в греческой традиции – профитологий) – сборник избранных чтений в основном из Ветхого Завета. Паримии читаются в дни Великого поста, на Страстной неделе, в дни праздников и памятных событий [Алексеев, 2008, с. 161–162]. Паримии содержат тексты, в той или иной степени соотносимые с поминаемым в этот день событием [Алексеев, 2008, с. 163 и др.] и сгруппированные в три отдела – Рождественско-Богоявленский, Триодный и Месяцесловный, а также указания на чтения, исполняющиеся во время службы до, между или после паримий.

В настоящее время в корпусе «Манускрипт» имеется четыре списка паримейника: Лазаревский (Сковородский), XII в. (РГАДА 1988, с. 119–121; СК 2002, с. 641–643), Захарьинский 1271 г. (СК 1984, с. 205–206), Федоровский, XIII в. (СК 1984, с. 310–311) и Троицкий, XIV в. (ПС 1966, с. 229; ОР 1878, с. 3) (см. список источников; далее – Лаз, Зах, Фед, Тр соответственно)⁸.

Рукописи в разной степени сохранности. Наименьшее количество утрат в Зах: утраты между 15 и 16 листами (нет одной паримии на Богоявление и конца предыдущей паримии и начала следующей) и между 195 и 196 листами (отсутствует несколько паримий Страстной пятницы и Страстной субботы) (СК 1984, с. 206). Наибольшее – в Фед: большие утраты во всех отделах – нет нескольких Рождественских паримий, паримий на Богоявление и Водосвятие, отсутствуют паримии первой недели поста и понедельника и вторника второй недели и мн. др. (СК 1984, с. 311).

Две рукописи Лаз и Зах созданы несколькими писцами. Текст Зах переписан попом церкви Св. Дмитрия в Новгороде Захарией, его сыном Олуферием и еще двумя писцами (СК 1984, с. 205–206), текст Лаз – тремя, вторым из которых был поп новгородского монастыря Св. Лазаря Домка, переписавший также большую часть Милятина евангелия (РНБ, Ф.п.1.7) [Михеев, 2019, с. 27–37; Мольков, 2020, с. 35; и др.].

Установление состава и структуры рукописей

Паримии и их идентификация

В печатных изданиях паримейников традиционно принято в качестве идентифицирующего признака паримии указывать ее номер. Так, в [Monumenta..., 1939, р. 600–604; 1980–1981, р. 163–170] дана сквозная нумерация паримий в 71-й греческой рукописи IX–XIV вв. (сведения о количестве по: [Алексеев, 2008, с. 160]) от L1a до L76c (L – лат. lectio ‘чтение’). Один и тот же номер арабскими цифрами присвоен нескольким паримиям, читающимся в течение одной службы или на нескольких службах одного дня: восемь паримий навечерия Рождества имеют номер L1, две паримии, читающиеся в Сырную среду, – номер L3 и т. д.; литерная нумерация используется для идентификации паримий внутри службы или дня: восемь паримий Рождества последовательно пронумерованы от L1a до L1h, паримия на 6-м часе имеет номер L3a, на вечерне – L3b и т. д.

Несколько иным способом паримии идентифицированы в обобщающем труде [Алексеев, 2008, с. 234–245]. А.А. Алексеев

использует различные приемы: а) указание на службу определенного дня неподвижного или подвижного календаря или комментарий; б) нумерация; в) указание на соотношение с чтениями Библии; г) тема паримии. В перечне паримий указываются отделы (Рождественско-Богоявленский, Триодный, Месяцесловный), подотделы (например, Великий пост, Лазарева суббота и Страстная неделя), день (например, Страстной понедельник, Страстной вторник и др.) и служба (например, на вечерне, на всенощном бдении, на 6-м часе и др.). Паримии на Рождество, Богоявление, Водосвятие и на вечерне Страстной субботы нумеруются по порядку следования. В другие дни идентификация осуществляется с помощью указания на стихи Библии и темы. См., например, три паримии на Вознесение:

Ис. 2.2-11 Суд Господень

Ис. 62.10-63.3-9 Не ангел, но сам Господь спас их

Зах. 14.1-11 Живые воды потекут из Иерусалима.

А также с помощью комментария о службе паримии в 1-й Понедельник Великопоста:

Ис. 1.1-20 Омойтесь, очиститесь

Быт. 1.1-13 Три дня творения

Притч. 1.1-20 Начало премудрости – страх Господень («Прим. 1. В течение шести недель Великопоста Ис читается на 6-м часе, Быт и Притч – на вечерне» [Алексеев, 2008, с. 235]).

Удобство представления состава паримейников в обоих случаях бесспорно: в первом случае каждая паримия имеет уникальный номер, позволяющий соотносить ее со службой и местом в службе, во втором – паримия имеет несколько характеристик, позволяющих установить в том числе и их значение.

В то же время и тот, и другой способ обладают недостатками с точки зрения идентификации паримий: в первом – нет указания на то, что некоторые паримии читаются несколько раз в году (для этого используются дополнительные таблицы соответствий), во втором – отсутствует единый способ обозначения паримий.

Разметка машиночитаемой транскрипции предполагает указание объекта (в данном случае – границ фрагмента) и приписывание ему значений, которые могут быть как уникальными, альтернативными, так и неуникальными, совпадающими со значениями других объектов идентичного типа. В любом случае необходим перечень параметров, значения которых позволяют: а) однозначно указать каждый из объектов; б) описать его существенные характеристики. При разработке компьютерных систем еще одно условие должно быть учтено – необходимость автоматической обработки значений, что возможно при наличии формализованных значений объектов.

Понятно, что при разметке паримий желательно сохранить связь с печатной традицией: для соотнесения пользователем результатов работы в корпусе с имеющейся в литературе информацией о составе паримейников необходимо присвоить фрагментам значения, позволяющие осуществлять поиск и формирование подкорпусов на основе идентичных и альтернативных значений, и обеспечить возможность автоматического упорядочения при выводе на экран.

В настоящее время для разметки паримейников в базе данных «Манускрипт» используются следующие параметры: номер паримии, сведения о соотношении текста с текстом Библии, тема паримии, дата и время ее чтения.

Основным параметром является номер, включающий по традиции указание на тип фрагмента (Р – паримия), номер отдела / подотдела / дня (цифровая нумерация), порядок следования в течение дня (литерная нумерация), альтернативные паримии (дополнительная литерная нумерация), а кроме того, номер другого отдела (как отсылка к той же паримии, читающейся на другой службе):

Р7а = Р42аа,

где Р – паримия, 7 – 1-я Среда Великого поста, а – первая паримия Среды, = – паримия читается также на другой службе, 42 – служба на праздник Преполовления, аа – паримия, альтернативная паримии 42а.

Дополнительные параметры соотносят каждую паримию с текстами Библии и содержанием перикопы, которые даны в [Алексеев, 2008, с. 234–245]:

Р7а = Р42аа Ис. 2.3-11 «Перекуют мечи на орала»,

Р42аа = Р7а Ис. 2.3-11 «Перекуют мечи на орала».

В теме, вслед за А.А. Алексеевым, в квадратных скобках «приводится содержание некоторых опущенных пассажей книг Бытия и Притч» [Алексеев, 2008, с. 236]: Р13b Быт. 5.1-24 «Родословие Адама [Рождение Ноя]», а в случае различных формулировок темы одной паримии – обе формулировки: Р2i = Р37b Исх. 2.5–10 «Обретение Моисея на Ниле = Дочь фараона находит Моисея».

Имеются случаи, требующие уточнения предложенной системы идентификации паримий: а) вариативность текстов паримий; б) наличие в рукописи нескольких паримий, соответствующих по тексту одной в другом списке.

В первом случае различаем:

а) содержательную вариативность, при которой (частично) меняется тема текста, ср.: Р1а = Р2а = Р5b Быт. 1.1–13 «Три дня творения» и Р41b Быт. 1.1–5 «Первый день творения». Соответственно, паримии квалифицируются как разные;

б) формальную вариативность, при которой содержание не меняется, ср. отсутствие контекста, соответствующего стиху Пр. 5.7, в списке Тр (20b–21b) в паримии Р11с Пр. 5.1–15 «Не приближайся к дверям блудницы», или наличие дополнительных контекстов в конце паримии Р14с Пр. 6.20 – 7.1а «Опасность прелюбодеяния [Опасность от блудницы]» в Зах (68а – 69а) и др. Соответственно, признается наличие в списках одной и той же паримии;

в) отсылочную вариативность, при которой в рукописи выписывается лишь заголовок и начало паримии, а также дается отсылка к полному тексту. См. 3-ю паримию на Воздвижение креста (14 сентября) Р51с Ис. 60.11–16 «Будешь насыщаться молоком народов», в которой приводится только начало 11-го стиха и отсылается ко второй части второй паримии на вечерне Страстной субботы Р41с Ис. 60.1–16 «Светися, / Иерусалиме, слава Господня на тебе возсияла»:

чтѣ · г · ѿ пррѣ ісѣі / тако глѣть гь ѿверьста / будутъ
врата твоѣ крѣпче · писѣ · въ вели ісѣ · вечеръ · втораго
чтѣ · / ѿ полу · (Тр 116d)

22 марта и 25 апреля по Юлианскому календарю. Аналогичны и различия в пределах суток: ср. 24-часовой отсчет современных суток, которые начинаются в полночь, и порядок следования служб в течение суток церковного календаря, в котором новый день начинается вечером, до полуночи, каждая служба имеет свое наименование (1-й час, 3-й час и т. д., вечерня, повечерие, утреня и др.) и не привязана точно к конкретному часу (например, служба 1-го часа начинается около 7 часов утра, вечеря – около 9 часов вечера и др.), а первой службой нового дня является вечерня.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что разметка богослужебного текста с указанием дня и времени чтения не может быть единообразной: разметка должна содержать сведения о двух годовых циклах – неподвижном и подвижном.

Согласно действующему стандарту представления дат и времени [ГОСТ Р 7.0.64-2018], идентификация дней может быть сделана на основе как календарных, так порядковых дат. В первом случае используется порядковый номер месяца в году и порядковый номер дня в календарном месяце, во втором – может быть использован порядковый номер недели и порядковый номер дня в неделе.

Расширенный формат календарной даты, предписываемый стандартом, – YYYY-MM-DD, порядковой даты – YYYY-Www-D, где YYYY – номер года, MM – номер месяца в году, DD – номер дня в месяце, Www – порядковый номер недели, D – номер дня в неделе (1 – понедельник и т. д.). Расширенный формат времени – T_{hh}:mm:ss, где T – метка области времени: часы, минуты, секунды. Стандарт предусматривает возможность модификаций форматов по соглашению сторон, обменивающихся информацией.

Современный стандарт может быть использован для разметки текстов паримейников (шире – любых богослужебных текстов) с некоторыми дополнениями и соглашениями. Так, для разметки средневековых славянских текстов целесообразно: а) использовать Юлианский календарь современного православного богослужения (при необходимости даты могут быть переведены в даты современного Григорианского календаря по новому сти-

лю); б) учитывать разделение Пасхального года на отделы, подотделы (циклы, подциклы); в) порядковый номер недели исчислять от первой недели каждого из отделов и подотделов; г) начало служб условно соотнести с тем или иным временем (часом) суток; д) службы, посвященные одному событию, размечать как службы одного определенного дня (вечерняя служба Рождества Христова, совершаемая вечером 24 декабря, в связи с тем, что новый день начинается до полуночи, должна получить дату 25 декабря); е) использовать современную терминологию для обозначения церковных понятий *седмица* и *неделя*, а именно: *неделя* и *воскресенье*. Эти соглашения позволяют использовать форматы стандарта и его терминологию, иметь уникальное значение текстов с точки зрения времени их чтения в течение года, увеличивать количество уникальных значений в случае необходимости (например, использовать аналогичную разметку для других служебных текстов), осуществлять поиск текстов на основе их временных значений и др.

Проиллюстрируем сказанное примерами. Значения даты и времени:

1) текстов, читающихся на службе Рождества Христова: **Ch|--12-25T21|**-, где обозначение отдела (цикла) – **Ch** = Christmas = Рождество; указание на дату по неподвижному календарю – **|--12-25** = любой год-декабрь-25; сведения о службе – **T21** = вечерня; указание на день по подвижному календарю – **|** = значение отсутствует;

2) текстов, читающихся на одной из служб Великого поста: **GL|--W01-1T12**, где **GL** = Great Lent = Великий пост, **|** – дата по неподвижному календарю отсутствует, **|--01-1** – понедельник 1-й недели, **T12** – служба 6-го часа.

Из примеров видно, что формат имеет три части:

Div|--MM-DDT_{hh}|--Www-dT_{hh},

где Div – отдел или подотдел: Рождество (Ch – Christmas), Богоявление (Ep – Epiphany), Водосвятие (BoW – Blessing of Water), Недели перед Великим постом (PWL – Preparatory Weeks for Lent), Великий пост (GL – Great Lent), Страстная неделя (HW – Holy Week), Пентекостарий (Pnt – Pentecost), Недели после Пятидесятницы (WaP – Weeks after Pentecost), Месяцеслов (Mnl – Menologium);

|--MM-DDThh – формат даты и службы неподвижного календаря;

|--Www-dThh – формат дня и службы подвижного календаря, где Www – аббревиатура и номер недели от начала отдела, d – номер дня недели, Thh – идентификатор службы: 21 – вечерня, 22 – повечерие, 23 – всенощная, 24 – полунощница, 02 – утренняя, 07 – 1-й час, 09 – 3-й час, 12 – 6-й час, 13 – литургия, 15 – 9-й час.

Таким образом, каждая служба кодируется уникальным идентификатором, присваиваемым словарной единице словаря фрагментов по времени чтения, с которыми связываются соответствующие друг другу фрагменты разных списков.

Важным условием, также определяющим точность и функциональность разметки, является необходимость указания не только дат и времени служб, но и событий, которым они посвящены. Предложенный комбинированный формат содержит сведения о некоторых праздниках, Страстной неделе, некоторых памятных событиях, но он является условной машиночитаемой аббревиатурой и не позволяет без специальной обработки предоставить пользователю возможность осуществлять поиск данных на естественном языке и выводить на экран необходимые для понимания фрагментов сведения.

В настоящее время каждая единица словаря, обеспечивающего разметку рукописей в соответствии с датой и временем чтения фрагмента, снабжается кратким комментарием, содержащим словесную информацию об отделе (подотделе), дате, времени и событии:

Ch|--12-25T21|-, комментарий: Рождество. 25 декабря. Вечерня;

GL|--W01-1T12, комментарий: Великий пост. 1-я неделя. Понедельник. 6-й час;

GL|--W06-6T23, комментарий: Великий пост. 6-я неделя. Лазарева суббота. Всенощное бдение; Pnt|--W06-4T21, комментарий: Пентекостарий. Вознесение. 6-я неделя. Четверг. Вечерня;

WaP|--W01-7T21, комментарий: Недели после Пятидесятницы. 1-я неделя. Воскресенье. Неделя Всех Святых. Вечерня;

Mn|--09-08T21|-, комментарий: Месяцеслов. 8 сентября. Рождество Богородицы. Вечерня и др.

Дублирование информации в двух способах идентификации каждой словарной едини-

цы позволяет обеспечить на данном этапе поиск и демонстрацию фрагментов без создания специальных процедур перевода одного обозначения в другой. Кроме того, немаловажным является удобство поиска и редактирования словарных единиц при наличии значений в словесной форме.

Результаты и обсуждение

Применение корпусных методов для изучения славянских письменных памятников невозможно без подготовки исторических корпусов, тремя базовыми составляющими которых являются: машиночитаемые тексты, их разметка и средства обработки, поиска, демонстрации и анализа лингвистических данных.

И подготовка транскрипций, максимально близких к оригиналу, и создание лингвистической разметки предполагают создание необходимых форматов, средств и инструментов, которые позволяют передать графические, орфографические, грамматические составляющие средневекового текста в соответствии с его особенностями.

Необходимость исследовать рукописи как объекты, состоящие из частей с разными кодикологическими (например, разные писцы) и текстологическими (например, тексты разных жанров и назначения) характеристиками, без учета которых анализ лингвистических данных будет усредненным, неточным, заставляет решать задачи моделирования и разметки аналитической структуры рукописей и текстов.

Разметка списков паримейника как текстовых структур, состоящих из фрагментов с различными характеристиками, требует решения нескольких задач:

а) идентификация каждой аналитической единицы;

б) сохранение связи традиций их описания с машиночитаемым представлением характеристик;

в) создание идентифицирующих форматов;

г) обеспечение поиска и демонстрации характеристик фрагментов с помощью естественного языка.

Предложенные решения разметки паримей, их составных частей, комментариев, а

также дат и времени чтения фрагментов обеспечивают идентификацию каждой из аналитических единиц с помощью нескольких параметров: границ в пределах списка, связью с единицами словаря, идентифицирующего формализованного значения, дополнительных характеристик.

Так, значения единицы **P9c = P50b** Пр. 3.19–34 «Смирным дает благодать» указывают на ее место в традиционно принятом в паримейнике ряду паримий – это третья (с) паримия (**P**) службы в пятницу 1-й недели Великого поста (**9**), на ее текстовый состав, соответствующий 19–34-му стихам 3-й главы книги Притч, на ее тему и на то, что эта же паримия является вторым чтением (**b**) на службе 13 сентября (**50**).

При решении задачи идентификации фрагментов, читающихся в различные дни года и на различных службах: а) предложены решения, сохраняющие традицию; б) использованы действующие стандартные соглашения, определяющие даты и время событий; в) разработан машиночитаемый формат, совмещающий неподвижный и подвижный календари; г) применяются значения словарных единиц, обеспечивающие поиск и демонстрацию данных, понятные пользователю.

Так, идентификационное значение словарной единицы словаря дат и времени **GL|–W01-5T21** указывает на исполнение текста на вечерне (**T21**) в пятницу (**-5**) первой недели (**-W01**) Великого поста (**GL**), а значение **Mnl|–09-08T21|–** – на чтение текста на вечерне (**T21**) 8-го (**-08**) сентября (**-09**) по неподвижному календарю (**Mnl**).

Выводы

Анализ сложных по структуре и составу текстов, разработка модели разметки данных в соответствии с особенностями текстов, а также с требованиями, которые предъявляются к формализованным описаниям, обеспечивающим обработку, поиск и демонстрацию данных, являются необходимым этапом при создании глубоко размеченных машиночитаемых текстовых ресурсов на основе средневековых славянских рукописей.

Аналитическая разметка позволяет расширить условия подготовки запросов и учиты-

вать при поиске лингвистических данных в том числе и характеристики кодикологически и текстологически важных фрагментов, что обеспечивает дифференцированный анализ речевых форм и значений в пределах рукописи.

Значения единиц, выделенных при разметке, дают возможность осуществлять поиск соответствующих друг другу фрагментов различных списков, создавать выборки, обладающие идентичными или противопоставленными значениями, упорядочивать единицы выборок, выводить результаты на экран.

Наличие у аналитических фрагментов соответствующих друг другу значений позволяет выровнять их при демонстрации и предоставить пользователю возможность одновременного просмотра на уровне наиболее крупных (дата, день и время), крупных (паримии) и небольших (стихи) фрагментов, возможность сопоставления их места в списках, обнаружения лингвистических разночтений.

Вместе с подготовкой транскрипции и разработки процедур и программ поиска и демонстрации данных описание частей рукописей и аналитическая разметка являются составными этапами создания параллельного корпуса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-512-18001 «Средневековые тексты в современном контексте (новые методы и принципы представления средневековых текстов сегодняшним пользователям)».

The reported study was funded by RFBR, project no. 20-512-18001 “Medieval Texts in the Contemporary Context (Modern Methods and Principles of Presentation of Medieval Texts to the Nowadays Users)”.

² См., например, функциональные возможности исторических корпусов НКРЯ (ruscorpora.ru), диакронического корпуса Чешского национального корпуса (<https://www.korpus.cz/>), корпуса «Великие миеи-четыре» (<http://www.vmc.uni-freiburg.de/Mens/>), проекта «The Russian Diachronic Online Corpus» (<https://www.slawistik.hu-berlin.de/de/member/meyerrol/subjekte/trudi>), корпуса «The TOROT Treebank» (<https://torotreebank.github.io/>), Санкт-Петербургского корпуса агиографических текстов (<http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=project>), исторического корпуса «Манускрипт» (manuscript.ru) и некоторых других.

³ См., например, работу [Гиппиус, 1989], в которой дан анализ причастных форм, местоимений и имен в разных почерках Захарьинского паримейника.

⁴ См., например, лингвостатистический анализ анонимных текстов Толстовского сборника на фоне авторских в [Zholobov, Baranov, Novak, 2020; Баранов, Жолобов, 2021].

⁵ См. постановку задачи в: [Baranov, Zuga, 2021].

⁶ Данная работа является продолжением публикации [Баранов, 2021], в которой показаны результаты подготовительных работ по созданию параллельного корпуса списков славянского паримейника.

⁷ Под аналитическими характеристиками понимаются характеристики составных частей текста и/или рукописи, обладающие кодикологически и текстологически значимыми особенностями. Под аналитической разметкой – указание границ составных частей текста и/или рукописи и их индивидуальных или совпадающих с другими частями значений.

⁸ Машиночитаемые копии рукописей подготовлены в разное время А.И. Кузовенковой, А.О. Штатновой (Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г.А. Мольковым (Институт лингвистических исследований РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН), загрузка в корпус «Манускрипт» осуществлена В.А. Барановым (Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова) и Р.М. Гнутиковым (Удмуртский государственный университет), сверка с оригиналом – О.Ф. Жолобовым (Казанский (Приволжский) федеральный университет) и М.О. Новак (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН), корректура транскрипций – М.О. Новак и В.А. Барановым (см.: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. А., 2008. Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий. СПб. : Нестор-История. 268 с.
- Баранов В. А., 2015. Исторический корпус как цель и инструмент корпусной палеославистики // *Scripta & e-Scripta*. Vol. 14/15. P. 39–62.
- Баранов В. А., 2021. Параллельный корпус славянских списков паримейника: материал и постановка задачи // *Корпусная лингвистика – 2021*. (В печати).
- Баранов В. А., Жолобов О. Ф., 2021. Лингвостатистический анализ древнерусской антологии (РНБ, Ф.п.1. 39) // *Социально-экономическое управление: теория и практика*. № 2 (45). С. 50–60. DOI: 10.22213/2618-9763-2021-2-50-60.

Гиппиус А. А., 1989. Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения // *Вопросы языкознания*. № 2. С. 93–110.

ГОСТ Р 7.0.64-2018. Представление дат и времени. Общие требования. М. : Стандартинформ. 40 с. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200159341> (дата обращения: 01.06.2021).

Михеев С. М., 2019. Минеи двух Домок: еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // *Слов'яне = Slovĕne*. Vol. 8, № 2. С. 7–56. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.1.

Мольков Г. А., 2020. Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI – начала XIII века : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. 494 с. URL: <https://iling.spb.ru/diss/theses/molkov/thesis.pdf> (дата обращения: 01.06.2021).

Baranov V. A., Zuga O. V., 2021. Correlation and Cluster Analysis of Fragments of the Earliest Slavonic Gospels // *El'Manuscript 2021. 8th International Conference on Textual Heritage and Information Technologies (Freiburg im Breisgau, Germany, 12.04.2021–15.04.2021)* : booklet of abstracts / ed. by J. Besters-Dilger, A. Rabus. Freiburg im Breisgau : Albert-Ludwigs-Universität Freiburg. P. 11–12.

Monumenta Musicae Byzantinae. Lectionaria. Vol. I. Prophetologium. Pars. I. Lectiones Nativitatis et Epiphaniae, 1939 / Edd. C. Höeg, G. Zuntz. Copenhagen : Hauniae : Levin & Munksgaard. 612 p.

Monumenta Musicae Byzantinae. Lectionaria Vol. I. Prophetologium. Pars. II. Lectiones anni Immobilis, 1980–1981 / Edd. G. Engberg. Copenhagen : Hauniae : Levin & Munksgaard. 314 p.

Zholobov O. F., Baranov V. A., Novak M. O., 2020. Anonymous vs. Attributed: Cluster Analysis of Tolstovskii Sbornik Texts and Its Interpretation in Terms of Cultural Heritage // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 13 (12). P. 2056–2081. DOI: 10.17516/1997-1370-0704.

ИСТОЧНИКИ

- Зах* – Захарьинский паримейник 1271 г. // РНБ. Ф.п.1.13. 264 л.
- Лаз* – Лазаревский (Сковородский) паримейник, XII в. // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Тип. 50. 126 л.
- Тр* – Троицкий паримейник, XIV в. // РГБ. Ф. 304/1. № 4. 142 л.
- Фед* – Федоровский II паримейник, XIII в. // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Тип. 60. 107 л.

**КАТАЛОГИ И ОПИСАНИЯ
РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЙ**

- ОР 1878* – Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Ч. 1. Священное писание. №4 (2005). М.: [б. и.], 1878. 830 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/434785> (дата обращения: 01.06.2021).
- ПС 1966* – Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно») // Археографический ежегодник за 1965 г. М.: [б. и.], 1966. С. 177–273.
- РГАДА 1988* – Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. Ч. 1 / О. А. Князевская [и др.]. М.: [б. и.], 1988. 123 с.
- СК 1984* – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. 406 с.
- СК 2002* – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская / редкол.: О. А. Князевская [и др.]. М.: Индрик, 2002. 768 с.

REFERENCES

- Alekseev A.A., 2008. *Bibliya v bogoslužhenii. Vizantiysko-slavyanskiy leksionariy* [Bible in Worship. Byzantine-Slavic Lectionary]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 268 p.
- Baranov V.A., 2015. Istoricheskiy korpus kak tsel i instrument korpusnoy paleoslavistiki [The Historical Corpus As the Target and Tool of Corpus Paleoslavistics]. *Scripta & e-Scripta*, vol. 14/15, pp. 39–62.
- Baranov V.A., 2021. Parallelnyy korpus slavyanskikh spiskov parimeynika: material i postanovka zadachi [Parallel Corpus of Slavonic Parimejnik Manuscripts: Material and Problem Statement]. *Korpusnaya lingvistika – 2021*. (In press).
- Baranov V.A., Zholobov O.F., 2021. Lingvostatisticheskiy analiz drevnerusskoy antologii (RNB, F.p.I. 39) [Lingvo-Statistical Analysis of the Old Russian Anthology (RNL, F.p.I. 39)]. *Sotsialno-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika*, no. 2 (45), pp. 50–60. DOI: 10.22213/2618-9763-2021-2-50-60.
- Gippius A.A., 1989. Sistema formalnykh priznakov yazyka drevnerusskoy pismennosti kak predmet lingvisticheskogo izucheniya [The System of Formal Features of the Language of

Ancient Russian Writing As a Subject of Linguistic Study]. *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 2, pp. 93–110.

- GOST R 7.0.64-2018. *Predstavlenie dat i vremeni. Obshchie trebovaniya* [GOST R 7.0.64-2018. Representation of Dates and Times. General Requirements]. Moscow, Standartinform Publ. 40 p. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200159341> (accessed 1 June 2021).
- Mikheev S.M., 2019. Minei dvuh Domok: eshhe raz o pistsah sluzhebnykh minej iz novgorodskogo Lazareva monastyrja [The Menia of Two Domkas: Once More on the Scribes of the Menaia from the Novgorod Convent of St. Lazarus]. *Slověne*, vol. 8, no. 2, pp. 7–56. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.1.
- Molkov G.A., 2020. *Formirovanie orfograficheskikh sistem v drevnerusskoy pismennosti XI – nachala XIII veka: dis. ... d-ra filol. nauk* [Formation of Spelling Systems in Old Russian Writing of the 11th – Early 13th Centuries. Dr. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 494 p. URL: <https://iling.spb.ru/diss/theses/molkov/thesis.pdf> (accessed 1 June 2021).
- Baranov V.A., Zuga O.V., 2021. Correlation and Cluster Analysis of Fragments of the Earliest Slavonic Gospels. Besters-Dilger J., Rabus A., eds. *El'Manuscript 2021. 8th International Conference on Textual Heritage and Information Technologies (Freiburg im Breisgau, Germany, 12.04.2021–15.04.2021). Booklet of Abstracts*. Freiburg im Breisgau, Albert-Ludwigs-Universität Freiburg, pp. 11–12.
- Höeg C., Zuntz G., eds., 1939. *Monumenta Musicae Byzantinae. Lectionaria. Vol. 1. Prophetologium. Pars. 1. Lectiones Nativitatis et Epiphaniae*. Copenhagen, Haunia, Levin & Munksgaard. 612 p.
- Engberg G., ed., 1980–1981. *Monumenta Musicae Byzantinae. Lectionaria Vol. 1. Prophetologium. Pars. 2. Lectiones anni Immobilis*. Copenhagen, Haunia, Levin & Munksgaard. 314 p.
- Zholobov O.F., Baranov V.A., Novak M.O., 2020. Anonymous vs. Attributed: Cluster Analysis of Tolstovskii Sbornik Texts and Its Interpretation in Terms of Cultural Heritage. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13 (12), pp. 2056–2081. DOI: 10.17516/1997-1370-0704.
- SOURCES**
- Zakhar'inskiy parimeynik 1271 g. [Zacharia's Parimejnik, 1271]. *RNB* [National Library of Russia], Q.p.I.13. 264 l.

- Lazarevskiy (Skovorodskiy) parimeynik, XII v. [Lazar's Parimejnik, 12th Century]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 381, inv. 1, tip. 50. 126l.
- Troitskiy parimeynik, XIV v. [Troitsa Parimejnik, 14th Century]. *RGB* [Russian State Library], f. 304/I, no. 4. 142l.
- Fedorovskiy II parimeynik, XIII v. [Fyodor II Parimejnik, 13th Century]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 381, inv. 1, tip. 60. 107l.

CATALOGUES AND DESCRIPTIONS OF HANDWRITTEN COLLECTIONS

- Opisanie slavjanskih rukopisej biblioteki Svjato-Troickoj Sergievoj Lavry. Ch. 1. Svjashhennoe pisanie. № 4 (2005)* [Description of Slavic Manuscripts of the Library of the Holy Trinity Sergius Lavra. Part 1. Holy Scripture. No. 4 (2005)]. Moscow, s. n., 1878. 830 p. URL: <https://www.prlib.ru/item/434785> (accessed 1 June 2021).
- Predvaritel'nyj spisok slavjano-russkih rukopisej XI–XIV vv., khranyashchikhsya v SSSR (dlja «Svodnogo kataloga rukopisej, khranyashchikhsya v SSSR, do konca XIV v. vkljuchitel'no») [Preliminary List of Slavic-Russian Manuscripts of the 11th – 14th Centuries Stored in the USSR (For the

“Consolidated Catalog of Manuscripts Stored in the USSR Until the End of the 14th Century Inclusive”)]. *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1965 g.* [Archaeographic Yearbook for 1965]. Moscow, s. n., 1966, pp. 177-273.

- Knjazevskaja O.A., Koval' N.S., Kosheleva O.E., Moshkova L.V. *Katalog slavjano-russkih rukopisnyh knig XI–XIV vv., khranyashchikhsya v TsGADA SSSR Ch. 1* [Catalog of Slavic-Russian Handwritten Books of the 11th – 14th Centuries Stored in the Central State Archive of Ancient Acts of the USSR. Part 1]. Moscow, s. n., 1988. 123 p.
- Svodnyj katalog slavjano-russkih rukopisnyh knig, khranyashchikhsya v SSSR. XI–XIII vv.* [Consolidated Catalog of Slavic-Russian Handwritten Books Stored in the USSR. The 11th – 13th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 406 p.
- Knjazevskaja O.A., Kobyak N.A., Lifshits A.L., Tikhomirov N.B., Turilov A.A., Shelamanov N.B., eds. *Svodnyj katalog slavjano-russkih rukopisnyh knig, khranyashchikhsya v Rossii, stranah SNG i Baltii. XIV vek. Вып. 1. Apokalipsis – Letopis' Lavrent'evskaja* [Consolidated Catalog of Slavic-Russian Handwritten Books Stored in Russia, CIS and Baltic Countries. The 14th Century. Iss. 1. Apocalypse – Lavrentiev Chronicle]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 768 p.

Information About the Author

Victor A. Baranov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Linguistics, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Studencheskaya St, 7, 426069 Izhevsk, Russia, victor.a.baranov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1730-6359>

Информация об авторе

Виктор Аркадьевич Баранов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики, Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, ул. Студенческая, 7, 426069 г. Ижевск, Россия, victor.a.baranov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1730-6359>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.2>UDC 811.161.1'04
LBC 81.411.2-03Submitted: 31.07.2021
Accepted: 30.09.2021

**NAMES OF MUSICAL INSTRUMENTS
IN OLD EAST SLAVONIC PARIMEJNIKS FROM THE 12th – 14th CENTURIES
(ON “MANUSCRIPT” CORPUS MATERIALS)¹**

Maria O. Novak

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes names of musical instruments, a thematic group significant for the biblical tradition, in four Old East Slavonic manuscripts from the 12th – 14th centuries, which are part of the Parimejnik subcorpus in the historical corpus “Manuscript” and belong to different textological groups. The author claims the advantages of electronic publication of sources, which provide new opportunities for searching, comparing, and analyzing data. Two types of contexts containing relevant lexical units are considered: readings with singular references and readings with multiple references to musical instruments. Stable Greek-Slavonic correlations and factors of variation are revealed, including the influence of the continuous Old Testament text on Parimejnik readings and dependence on various types of the Greek text. There is a connection between the context use of musical instruments names and the textological grouping of sources. The morphosyntactic positions of lexical units in several readings demonstrate not only the ratio of archaic and innovative methods of transmitting individual grammemes but also cases of occasional reinterpretation of syntactic connections. The analysis of the Parimejnik lexical usage is based on the data of historical lexicography, which allows concluding about the ways traditional translation strategies and methods typical for the translated Old Slavonic Christian literature reflect in the sources.

Key words: Old East Slavonic Parimejniks, historical corpus, names of musical instruments, translation, Greek-Slavonic correlations.

Citation. Novak M.O. Names of Musical Instruments in Old East Slavonic Parimejniks from the 12th – 14th Centuries (On “Manuscript” Corpus Materials). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 18-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.2>

УДК 811.161.1'04
ББК 81.411.2-03Дата поступления статьи: 31.07.2021
Дата принятия статьи: 30.09.2021

**НАЗВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ
В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАРИМЕЙНИКАХ XII–XIV ВВ.
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОРПУСА «МАНУСКРИПТ»)¹**

Мария Олеговна Новак

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье проанализированы наименования музыкальных инструментов – значимая для библейской традиции лексико-тематическая группа – в четырех древнерусских рукописях XII–XIV вв., входящих в состав подкорпуса Паримейника исторического корпуса «Манускрипт» и принадлежащих к текстологически различным группам. Обоснованы преимущества электронной публикации источников, предоставляющей новые возможности поиска, сопоставления и анализа данных. Показаны два типа контекстов, содержащих релевантные лексические единицы: чтения с единичными и чтения с множественными упоминаниями музыкальных инструментов. Выявлены устойчивые греко-славянские параллели и факторы варьирования, среди которых влияние четьюго текста на паримейный и зависимость от различных типов греческого текста. Установлена связь между употреблением названий музыкальных инструментов в контексте и текстологической группировкой источников. Описаны морфосинтаксические позиции лексических единиц в ряде

чтений, демонстрирующие не только соотношение архаичных и инновационных приемов передачи отдельных граммем, но и случаи окказионального переосмысления синтаксических связей. Лексический узус Паримейника рассмотрен с опорой на данные исторической лексикографии, что позволяет сделать вывод об отражении в источниках традиционных стратегий и приемов перевода, имеющих системный характер в переводной древнеславянской книжности.

Ключевые слова: древнерусские паримейники, исторический корпус, названия музыкальных инструментов, перевод, греко-славянские параллели.

Цитирование. Новак М. О. Названия музыкальных инструментов в древнерусских паримейниках XII–XIV вв. (на материале исторического корпуса «Манускрипт») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 18–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.2>

Введение: характеристика исследовательского проекта

Статья представляет результаты исследования в рамках международного проекта, посвященного электронной публикации и комплексному лингвотекстологическому изучению древнерусских Паримейников XII–XIV веков. Среди его целей – пополнение электронного исторического корпуса «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/>) двумя машиночитаемыми копиями малоизученных списков Паримейника и расширение подкорпуса памятника (к началу проекта на портале «Манускрипт» уже были опубликованы два источника).

Значение Паримейника (богослужебного сборника, включавшего великопостные и праздничные чтения из Ветхого Завета) для истории древнеславянской книжности трудно переоценить. Его перевод появился столь же рано, как и переводы новозаветных книг, Евангелия и Апостола, в русле деятельности Кирилла и Мефодия, заложив основы общеславянского литературного языка и дав импульс развитию оригинальных литератур южных и восточных славян.

Существует обширная научная литература, посвященная текстологии и языку древнеславянского Паримейника, в том числе несколько изданий южнославянских источников (см.: [Рибарова, Хауптова, 1998], (Јовановић-Стипчевић, 2005)), а также отдельных библейских книг в составе памятника (детальный библиографический обзор см. в: [Šerák, 2008]). Интернет-издание рукописей, однако, имеет серьезные преимущества перед традиционными публикациями: в нем предусмотрены различные способы визуализации текстов, а машиночитаемые транскрипции источников

сопровождаются различного рода метаданными, лингвистической разметкой и аналитическими модулями, что открывает исследователям богатые возможности поиска и сопоставления данных на разных уровнях текста (обзор функций исторического корпуса см. в: [Баранов, 2015]).

Источники и задачи исследования

Принципиально важно то, что в состав подкорпуса Паримейника впервые вводится самый старший из известных на данный момент списков Паримейника – древнерусский Лазаревский (Сковородский) паримейник из собрания РГАДА (ф. 381, оп. 1, Тип. 50, 126 л.; далее – Лаз), датируемый первой третью либо серединой XII в. [Князевская, 1999; Михеев, 2019; Мольков, 2020] и «опережающий» в этом отношении среднеболгарский Григоровичев паримейник XII–XIII вв., который долгое время считался наиболее древним и лексика которого была включена в многотомный «Slovník jazyka staroslověnského» Пражской академии наук (SJS).

Новой для подкорпуса является транскрипция Федоровского II паримейника (РГАДА, ф. 381, оп. 1, тип. 60, 107 л.; далее – Фед) – также малоизученной рукописи XIII века.

Кроме того, ранее в состав подкорпуса уже были введены известный Захарьинский паримейник 1271 г. (РНБ, Q.п.I.13, 264 л.; далее – Зах) и паримейник XIV в. из собрания Троице-Сергиевой лавры (РГБ, ф. 304/I, № 4, 142 л.; далее – Тр4).

Согласно текстологическому исследованию, выполненному А.А. Пичхадзе на материале паримейных чтений книги Исход [Пичхадзе, 1991], Лаз принадлежит к древ-

нейшей группе списков, транслирующих кирилло-мефодиевскую традицию перевода. Зах возглавляет Захарьинскую группу, Фед входит в Козминскую, Тр4 – в Семеновскую; все три группы занимают «промежуточное положение между паримейниками Древнейшего типа и Поздней редакции» [Пичхадзе, 1991, с. 150]. При этом инновации Захарьинской и Козминской групп возникали, по мнению А.А. Пичхадзе, стихийно, при копировании текста, тогда как протограф Семеновской группы был целенаправленно отредактирован по греческому оригиналу [Пичхадзе, 1991, с. 152–153].

Таким образом, все вовлеченные в наше исследование источники имеют разнообразные текстологические «вводные», что позволяет ожидать нетривиальных результатов. Наша задача – оценка семантического соотношения славянских эквивалентов и их греческих коррелятов и поиск факторов варьирования лексических единиц. Данные перечисленных выше восточнославянских рукописей будут анализироваться на фоне древнееврейских параллелей, Септуагинты – греческого перевода Библии (по мультязычному ресурсу (Bible Hub)), и сопоставляться с доступными нам опубликованными южнославянскими списками Паримейника (Јовановић-Стипчевић, 2005), четырьмя книгами Геннадиевской Библии 1499 г. (ГИМ, Син. 915, 1002 л.; далее – ГБ), как некоторого итога рукописной традиции, а также с материалами исторической лексикографии – чтобы представить узус Паримейника в контексте древнеславянской книжности в целом. Анализ лексического материала естественным образом влечет за собой ряд грамматических комментариев, поскольку словоформы не функционируют изолированно.

Данные для сопоставления извлекались из четырех источников, чьи машиночитаемые копии размещены в историческом корпусе «Манускрипт», двумя способами: либо путем поиска отдельных лексем в многотекстовой запросной форме (http://manuscripts.ru/mns/srch.simple?p_ed_id=94052725), либо путем вывода на страницу поиска паримейных чтений в параллельном корпусе списков Паримейника (<http://manuscripts.ru/mns/cred.cred?koll=94052725>), с последующей проверкой по фо-

токопиям рукописей на сайтах Троице-Сергиевой лавры (<https://lib-fond.ru/>), РНБ (<http://nlr.ru/>) и РГАДА (<http://rgada.info/>). Местонахождение лексических единиц в библейских книгах определялось с помощью указателей в [Алексеев, 2008; Коляда, 2004]. Интерпретация семантики греческих параллелей осуществлялась с помощью «Древнегреческо-русского словаря» И.Х. Дворецкого (Alpha).

Фокус исследования:
лексико-тематическая группа
«музыкальные инструменты»

На первом этапе изучения лексики древнерусских паримейников в качестве объекта анализа выбраны наименования музыкальных инструментов – по причине исключительной значимости инструментальной музыки в Библии. Как отмечено в исследованиях Е.И. Коляды, в 25 из 30 книг Ветхого Завета упомянуто 29 различных музыкальных инструментов – духовых, струнных и ударных; 21 наименование более или менее точно атрибутировано [Коляда, 1998; 2004, с. 8]. Уже в начале книги Бытия (4:21) один из отдаленных потомков Адама, Иувал, назван отцом «всех играющих на гусях и свирели» (греч. ψαλτήριον καὶ κίθάρων) и упомянут наряду с кочевником-скотоводом («отец живущих в шатрах со стадами») и кузнецом («ковач всех орудий из меди и железа»). Е.И. Коляда подчеркивает значимость этого краткого перечня древних занятий: «Инструментальное музицирование включается в Книге Бытия в число трех главных родов деятельности древнего человека наряду со скотоводством и кузнечным ремеслом (Быт. 4:18–22), что свидетельствует о важной, если не первостепенной роли музыки в его жизни» [Коляда, 2004, с. 25].

Роль музыки в библейских религиозных культурах трудно переоценить. Среди священников-левитов были и певцы, и инструменталисты, сопровождавшие богослужения и обряды – вначале перед Ковчегом завета, затем в Первом и Втором Иерусалимском Храме [Коляда, 2004, с. 12–13]. Музыка сопровождала светские церемониалы и развлечения древнего Израиля (ср. обличительный контекст из книги пророка Исаии 5:12, о котором пойдет речь в статье) и языческие ритуалы

(ср. описание поклонения золотому истукану в книге пророка Даниила – оно также будет анализироваться ниже).

Ветхозаветные описания музыкальных практик находят продолжение в Новом Завете и дают богатую пищу для символической трактовки инструментов в христианской традиции. Например, ранняя святоотеческая экзегеза (как византийские, так и латинские авторы) нередко противопоставляла струнные псалтерий и кифару – те самые инструменты, играть на которых, согласно книге Бытия, научил человечество Иувал. У псалтерия резонатор располагался вверху, у кифары – внизу; по этому признаку псалтерий метафорически уподоблялся душе / духу, кифара – телу / плоти [Петров, 2009].

Основная трудность анализа данной лексико-тематической группы заключается в том, что славянские книжники работали с греческим текстом, который, в свою очередь, был переводом с древнееврейского и арамейского языков, и далеко не всегда точным. Как отмечает Е.И. Коляда, «различные толкования инструментов возникли уже в древности и с тех пор “путешествуют” из одной версии Священного Писания в другую, из одного языка в другой. И Септуагинта, и последующие переводы греко-иудеев Акилы, Феодотиона и Симмаха, сирийская Пешитта и арамейские Таргумы, наконец, латинская Вульгата, в целом следуя оригиналу на иврите... в ряде случаев допускают значительные отклонения: путают, а часто взаимозаменяют как типологически разные инструменты – киннор (лира) и невел (арфа), так и однотипные – шофар (рог) и хацоцру (труба)» [Коляда, 2004, с. 223]. Таким образом, в Септуагинте один и тот же греческий термин может передавать разные древнееврейские названия инструментов (например, древнеевр. и арамейск. шофар, йобел, карна, хацоцра : греч. σάλπιγξ) [Коляда, 2004, с. 255, 258, 260, 261], и наоборот (например, древнеевр. невел : греч. νάβλα, ψαλτήριον, κithάρα, ὄργανον) [Коляда, 2004, с. 266]. Славянский перевод отражает обе тенденции с некоторым тяготением ко второй (например, греч. αὐλός : слав. цѣвъница, пищаль, свирѣль, сопель) [Коляда, 2004, с. 273] и наследует, как мы увидим далее, свободное отношение к языку первоисточника.

Анализ материала

Интересующие нас контексты в подкорпусе Паримейника можно разделить на две группы: первая представляет единичные упоминания музыкальных инструментов, вторая – целые перечни. Рассмотрим их последовательно.

1. В первой группе фигурирует стабильная греко-славянская параллель σάλπιγξ : *труба*, не подверженная варьированию. Так, в чтении Лазаревой субботы из книги пророка Захарии (9:14) во всех списках встречается словосочетание *въ трубу въструбить* (Лаз, л. 76; Зах, л. 170; Тр4, л. 78 об.; Фед – пропуск) – греч. ἐν σάλπιγγι σαλπίζει.

Ситуация становится несколько разнообразнее, когда наименование духового инструмента оказывается в позиции приименного генитива: проявляется варьирование на морфосинтаксическом уровне. Так, в чтении вечерни Великого четверга, Исход, глава 19, находим словосочетания φωνή τῆς σάλπιγγος (стих 16) и φωναὶ τῆς σάλπιγγος (стих 19). В первом случае перевод генитива τῆς σάλπιγγος дает в славянских рукописях конкуренцию форм родительного (*гла(сь) тробы* – Лаз, л. 85 и Тр4, л. 88) и дательного (*гла(сь) тробѣ* – Зах, л. 190 об. и Фед, л. 76) приименного. Во втором случае τῆς σάλπιγγος передается либо родительным приименным (*гл(а)си тробы* – Тр4, л. 88), либо адъективом (*гласи тробьнии* – Лаз, л. 85; Зах, л. 190 об.; Фед, л. 76). Передача греческого приименного генитива славянским дативом либо прилагательным была, как известно, широко распространена на раннем этапе развития древнеславянской книжности [Историческая грамматика..., 1978, с. 401], тогда как грамматически строгое соотношение «греческий генитив – славянский генитив» более характерно для поздней справки, включая афонскую версию богослужебных книг [Чевела, 2010, с. 192–198]. Наши источники демонстрируют относительную независимость от этой тенденции: Лаз, представитель древнейшего типа паримейного текста, в стихе 16 объединяется с отражающим целенаправленную редактуру Тр4 в своем предпочтении генитива. В стихе 19, напротив, Тр4 противопоставит остальным спискам, использующим древнюю

стратегию передачи генитива формой прилагательного.

Своего рода выравнивание наблюдается в стихе 13 того же чтения книги Исход: словосочетание αἱ φωναὶ καὶ αἱ σάλπιγγες ‘голоса и трубы’ передано точно во всех источниках, кроме Фед, где встречается *гла(сь) трубы* (л. 75 об.), явно по модели с именным управлением, представленной в стихах 16 и 19.

Своеобразное решение предлагает Федоровский II паримейник и в великопостном чтении (среда шестой седмицы, на 6-м часе) из книги пророка Исаии (58:1). Греческая конструкция ὡς σάλπιγγα ὑψωσον (τὴν φωνήν σου) ‘как трубу, возвысь (голос твой)’ имеет соответствие *яко трубуу възнеси*, однако в Фед это выражение переосмыслено по образцу грецизированного синтаксического оборота с участием инфинитива и датива: *яко трубуѣ възнести гла(сь) свои* (л. 59 об.).

2. Вторая группа чтений представляет более сложную картину, поскольку функционирование в контексте сразу нескольких (двух и более) наименований инструментов предполагает дополнения, сокращения, изменение порядка слов. Именно в этих фрагментах можно столкнуться с широким лексическим варьированием.

Первое чтение такого рода мы уже упомянули: это стих об «отце музыкантов» Иуваде – Быт. 4:21. В Септуагинте о нем сказано так: οὗτος ἦν ὁ καταδείξας ψαλτήριον καὶ κιθάραν ‘(вог) он научил псалтерию и кифаре’. В наших источниках обнаруживается соответствие *сь бѣ съказавыи прѣгоудьницюу и гоусли* (приводим контекст по старейшему списку Лаз, л. 31; вариантность в других рукописях затрагивает лишь нерелевантные грамматические детали).

В данном контексте греч. ψαλτήριον называет струнный щипковый инструмент типа лиры (древнеевр. киннор), κιθάρα – духовой, типа флейты (древнеевр. ‘угав). Греческая версия, однако, представляет оба инструмента как струнные. Славянский перевод предлагает два образования от основы *гоуд-*, которая отождествляется в исторической лексикографии с игрой на струнных (например, в словарных статьях «гжсти», «гжденик» и «гжсли» в (SJS, vol. I, p. 449); «Словарь рус-

ского языка XI–XVII вв.» в статье «прегудница» использует более осторожную дефиницию «название ряда музыкальных инструментов» (СлРЯ, с. 171–172).

Ученые XIX – начала XX в. видели в употреблении лексем с этой основой пережиток языческого сознания. Так, И.Е. Евсеев в своем исследовании о славянском переводе книги пророка Исаии замечает вслед за Ф.И. Буслаевым: «...проскальзывают и у него (переводчика Паримейника. – М. Н.) понятия дохристианския» [Евсеев, 1897, с. 12]; ср. у Ф.И. Буслаева: «...что гудьба считалась языческим занятием, это видно везде, где наши благочестивые предки упоминают о музыке» [Буслаев, 2005, с. 67]. Очевидно, это не слишком корректное заключение, поскольку отдельные негативные упоминания музыки, музыкантов и музыкальных инструментов в связи с языческими практиками не в состоянии скомпрометировать лексический узус как таковой.

Так или иначе, слово *прѣгоудьница*, стабильно используемое в паримейной версии, заменялось в четвѣх и толковых текстах Ветхого Завета на образования *пѣвьница* либо *пѣсьница* (ГБ, л. 3) (см. также: [Евсеев, 1897, с. 117; Михайлов, 1912, с. 185]), очевидно исходя из интерпретации греческого ψαλτήριον как производного от глагола ψάλλω ‘перебирать струны; играть или петь’, с акцентом на семантическом компоненте ‘петь’.

Те же наименования, *гоусли* (киннор – κιθάρα) и *прѣгоудьница* (невел – ψαλτήριον), фигурируют в чтении вторника второй недели Великого поста, книга Исаии 5:12: *сь гоусльми бо и прѣгоудницами. и тоумъпаны и пищальми вино пють* (Зах, л. 54; Тр4, л. 19) – греч. μετὰ γὰρ κιθάρας καὶ ψαλτηρίου καὶ τυμπάνων καὶ αὐλῶν τὸν οἶνον πίνουσιν. В Фед данное чтение пропущено, в Лаз сокращено: *сь гоусльми бо и ликты вино пють* (л. 28). Присутствие в Лаз словоформы *ликты* не результат индивидуального решения или порчи текста, поскольку поддерживается южнославянским Белградским списком XIII в.: *сь гю(...)* *во и лик ликты и прѣгюдницами* (л. 17 vb) (Јовановић-Стипчевић, 2005, с. 115). И.Е. Евсеев упоминает форму *ликъ* в Ис. 5:12 как вариант к *прѣгоудьница*, ссылаясь при этом на рукопись паримейника XV в. (РНБ,

Q.I.179) [Евсеев, 1897, с. 113], но это вряд ли заменяющий вариант, поскольку Белградский паримейник демонстрирует употребление обоих слов. Возможно, за формой *ликы* стоит некое чтение древнееврейского или греческого текста, не зафиксированное в стандартных изданиях Ветхого Завета. В древнеславянской книжной традиции существительное *ликъ* могло обозначать танец-хоровод, хоровое пение, а также хор как собрание поющих (SJS, vol. II, p. 122).

Кроме того, в контексте фигурируют также формы существительных *тоумъпанъ* (тоф – *τὸφλανον*, ударный инструмент, барабан либо бубен) и *пицаль* (халил – *αὐλός*, духовой инструмент, флейта). Первая лексема представляет собой заимствование, которое по-разному осваивается в древнеславянских паримейниках и других источниках в графико-орфографическом отношении, ср.: *тунъбанъ* (Tr4, л. 19), *тоупанъ*, *тумбанъ*, *тимпанъ* и т. д. (SJS, vol. IV, p. 566). К разговору о слове *пицаль* мы еще вернемся в связи со следующей группой контекстов с еще более впечатляющим перечнем музыкальных инструментов.

Речь идет о чтении Великой субботы из третьей главы книги пророка Даниила, где рассказывается о поклонении золотому идолу вавилонского царя Навуходоносора, сопровождаемом игрой на духовых и струнных инструментах (стихи 5, 7, 10, 15). Разноречивые показания древнерусских паримейников удобнее разместить в таблице и затем прокомментировать ее данные (см. таблицу).

Итак, в Дан. 3 налицо уже знакомые нам стабильные греко-славянские параллели, хотя семитские (начальная часть книги Даниила, 2:4–7:28, написана по-арамейски) корреляты отличаются от приведенных в предыдущих чтениях): *תִּשְׁ אָלְלִיּוֹס* (арамейск. карна) : (гласъ) трубы / трувьныи; *κῠθάρᾱ* (арамейск. катрос) : *הַסֻּסִּי*; *ψαλτήριον* (арамейск. п^есантерин) : *прѣ(при)гоудьница*. Кроме того, в перечнях инструментов появляются новые единицы: *σὺριγγος* (генитив от *σὺριγξ*, арамейск. машрокита) ‘флейта’, *σαμβύκη* (арамейск. сабб^еха) ‘арфа’, *συμφωνία* (арамейск. сумп^нья, заимствовано из греческого) – с неясной семантикой. Именно эти три наименования, повторяясь в стихах 5–15, дают наиболее богатое варьирование в наших источниках.

С одной стороны, все они могут выступать как заимствования с неустойчивым графико-орфографическим обликом: *сурггъ* (Лаз), *соури* (Зах), *сургонъ* (Tr4); *самъвукѣи* (Лаз), *самвоукии* (Зах), *самвюки* (Tr4); *соумьфони* (Лаз), *соумдони* (Лаз; Зах). Очевидно, это следы наиболее древней переводческой стратегии, для которой, как давно установлено, характерно широкое употребление заимствований (см. об этом, например: [Пенев, 1989]).

С другой стороны, перечисленные единицы могут получать во всех источниках славянские эквиваленты: *пицаль* для *σὺριγξ*, *пицаль* и *пискъ* для *συμφωνία*, *цѣвьница* для *σαμβύκη*.

То обстоятельство, что слово *συμφωνία* могло передаваться образованиями с основой *писк-* (так же, как *σὺριγξ*), свидетельствует о восприятии этого инструмента в славянском переводе как духового. Заметим, что основа *гоуд-* в древнеславянских памятниках систематически ассоциировалась со струнными инструментами, а основа *писк-* – с духовыми (см., например, соответствующие славяно-греческие параллели в контексте из апостольского послания 1Кор. 14:7 (SJS, vol. I, p. 449; vol. III, p. 39).

Толкования термина *συμφωνία* разноречивы. Он может означать как слаженное звучание пения или инструментального ансамбля, так и звучание отдельного инструмента [Коляда, 2004, с. 137–138]. В сочинениях экзегетов и в переводах на европейские языки *συμφωνία* могла отождествляться с самыми разными инструментами [Коляда, 2004, с. 139–141]. Интересно, что четьи славянские версии могут интерпретировать *συμφωνία* и как ‘согласие’. Ср. варианты *съгласныхъ* (ГБ, л. 600 об.), *съгласницъ*, *съгласници* ([Евсеев, 1905, с. 32], по Архивскому хронографу (РГАДА, ф. 181, № 279/658, XV в.).

Эквивалент к *σαμβύκη* – *цѣвьница* – указывает на восприятие славянами этого инструмента (арфы) как духового, поскольку восходит к общеславянской основе *цѣв-* со значением ‘полая трубка’ (ЭССЯ, с. 190–194); этот факт, возможно, отражает общую ситуацию с переводами названий музыкальных инструментов, которые далеко не всегда были точными.

Сопоставление источников

Sources' collations

Адрес и греческое чтение	Лаз, л. 100–100 об.	Зах, л. 211 об.–213	Фед, л. 99	Тр4, л. 106 об.–107
Дан. 3:5: ὅταν ἀκούσητε τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος, σύριγγος, καὶ κιθάρας, σαμβύκης καὶ ψαλτηρίου, (συμφωνίας) καὶ παντὸς γένους μουσικῶν	вѣньже годъ оуслѣшитѣ глѣ трувънзи. сурингъ же и гоуслѣмъ. самъвукни же и прѣгоудьници. и соульфони. и всакомоу роду моускининоу	вѣньже днь оуслѣшитѣ глѣ тρουвъзи. и гоуслѣмъ. и моускии же и пригоудници. и соульфони. и всакомоу роду моускининоу	чтение отсутствует	вонже днь оуслѣшитѣ глас трувъзи сурингонъ і гуслемъ самъюкии же и прегудници і пицалии і всакому роду моускининоу
Дан. 3:7: καὶ ἐν τῷ καιρῷ ἐκεῖνῳ, ὅτε ἤκουσαν πάντα τὰ ἔθνη τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος, σύριγγός τε καὶ κιθάρας, σαμβύκης τε καὶ ψαλτηρίου (τῆς συμφωνίας) καὶ παντὸς ἡχου μουσικῶν	и взиеть когда оуслѣшаша вси люди гласъ трувъзи. сурингъ же. и гоуслѣмъ. самъвукни же и прѣгоудьници. и соульфони. и всакомоу роду моускининоу	и взи когда оуслѣшаша вси люди глѣ трувъзи. сурин же. и гоуслѣмъ. и самъюкии же и пригоудници и пискомъ. и соульфони. и всакомоу роду моускининоу	чтение отсутствует	и взи когда оуслѣшаша вси людье. глас трувъзи і гусли і прегудници. і самъюкии і пицалии. і всакому роду моускининоу
Дан. 3:10: ἵνα πᾶς ἀνθρώπος ὃς ἂν ἀκούσῃ τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος, σύριγγός τε καὶ σαμβύκης, κιθάρας καὶ ψαλτηρίου (καὶ συμφωνίας) καὶ παντὸς ἡχου μουσικῶν	иже аще оуслѣшитѣ глѣз трувъзи и пицалѣмъ же и гоуслѣмъ цѣвѣнници же и прѣгоудьници. и пискомъ. и всакомоу роду моускининоу	иже аще оуслѣшитѣ глас трувъзи. пицалѣмъ же и гоуслѣмъ цѣвѣнници же и пригоудници. и пискомъ и всакомоу роду моускининоу	чтение отсутствует	иже оуслѣшит глѣ трувъзи і гуслеі і пицалемъ і прегудницъ і цѣвѣнницъ и всакому роду моускининоу
Дан. 3:15: ἅμα τῷ ἀκοῦσαι τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος, σύριγγός τε καὶ κιθάρας, σαμβύκης τε καὶ ψαλτηρίου (καὶ συμφωνίας) καὶ παντὸς ἡχου μουσικῶν	да тако оуслѣшите гласъ трувъзи. пицалѣмъ же и гоуслѣмъ цѣвѣнници же и прѣгоудьници. и пискомъ. и всакомоу роду моускининоу	да тако оуслѣшите глѣ трувъзи. пицалѣмъ же и гоуслѣмъ. и цѣвѣнници . и прѣгоудници. и пискомъ и всакомоу роду моускининоу	так оуслѣшитѣ глѣ трувъзи. пицалии же и гоусли. прегудница же и писки. и всакого рода моускинина	да тако оуслѣшите. глѣ трувъзи і гуслеі. і прегудницъ. і пицалеі і самъюкии и всакому роду моускининоу

Как именно соотносятся лексические единицы в отдельных стихах Дан. 3? Во-первых, стихи 5 и 7 предпочитают грецизмы, тогда как в стихах 10 и 15 появляются славянские эквиваленты, упомянутые выше. Это мо-

жет свидетельствовать о влиянии на Паримейник четьего и/или толкового текста (по данным И.Е. Евсеева, именно там присутствуют эти эквиваленты – *пицаль, пискъ, цѣвѣница* [Евсеев, 1905, с. 32–36]).

Во-вторых, наблюдаются индивидуальные решения в списках. Так, *Зах* в Дан. 3:5 не дает эквивалента к форме *σύριγγος*, а форму *σαμβύκης* передает как *моусикии*; в Дан. 3:7 в той же рукописи налицо двойной перевод *τῆς συμφωνίας* : *пискомъ*. и *соумѣони*, что, вероятно, указывает на синтез паримейной и четв-тей версий. Тр4 размещает славянские словоформы в ином порядке, нежели их греческие соответствия, ср.:

Дан. 3:10: *σύριγγός* (1) *τε* *καὶ* *σαμβύκης* (2), *κithάρας* (3) *καὶ* *ψαλτηρίου* (4) : *гуслеи* (3) *і* *пицалемъ* (1) *і* *прегудницъ* (4) *і* *цѣвницъ* (2);

Дан. 3:15: *σύριγγός* (1) *τε* *καὶ* *κithάρας* (2), *σαμβύκης* (3) *τε* *καὶ* *ψαλτηρίου* (4) : *гуслеи*. (2) *і* *прегудницъ*. (4) *і* *пицалеи* (1) *і* *самбики* (3).

Последнее обстоятельство, требующее комментария, касается отсутствия в славянских списках тех или иных эквивалентов. Так, в Тр4 нет параллелей к слову *συμφωνία* в стихах 10 и 15; это, очевидно, связано с его отсутствием в том типе греческого текста, с которым работали создатели архетипа Тр4 (см. различные греческие чтения в: [Евсеев, 1905, с. 32–36], с *συμφωνία* и без; в нашей таблице формы слова *συμφωνία* взяты по этой причине в круглые скобки). В Фед отсутствует параллель к греческому *σαμβύκης* (стих 15), что может быть результатом изменений уже в процессе бытования славянского текста.

На общем фоне Лазаревский список производит впечатление наиболее стабильного в отношении соответствия греческому, что подтверждает его принадлежность к древнейшему типу текста Паримейника.

Названия музыкальных инструментов встречаются еще во многих местах Ветхого Завета, однако здесь мы рассмотрели только те чтения, которые представлены в наших четырех источниках, формирующих подкорпус древнерусских паримейников.

Выводы

Итак, в статье рассмотрены названия музыкальных инструментов в восточнославянских списках Паримейника XII–XIV вв., формирующих соответствующий подкорпус исторического корпуса «Манускрипт», – как отдельные упоминания, так и крупные перечни. Последние дали наиболее показательную

картину для сопоставления источников и оценки характера варьирования.

1. Наиболее устойчивы греко-славянские лексические параллели *σάλπιγξ* : *труба*, *ψαλτήριον* : *прѣгоудьница*, *κithάρα* : *гоусли*. Существительное *труба*, выступая в контексте как единственное название музыкального инструмента, может вовлекаться в те или иные синтаксические отношения, которые по-разному реализованы в славянских источниках. Например, в словосочетании *ἡ φωνὴ τῆς σάλπιγγος* ‘глас трубы’ форма генитива передается как *гласъ трубы*, *гласъ трубѣ*, *гласъ трубьныи*.

2. Списки Паримейника отражают систематическую для древнеславянской переводной книжности тенденцию перевода названий духовых инструментов образованиями с основой *писк-*, струнных – образованиями с основой *гоуд-*.

3. Сопоставление чтений позволило выявить ряд индивидуальных моментов, которые могут быть обусловлены различными факторами. Так, паримейное чтение из книги пророка Даниила (3: 5, 7, 10, 15) с четырьмя повторяемым перечислением шести музыкальных инструментов, демонстрирует: а) конкуренцию во всех источниках грецизмов и славянских эквивалентов, что указывает на влияние со стороны четв-тего текста Ветхого Завета; б) пропуск лексической параллели к слову *συμφωνία* в Тр4, что свидетельствует о зависимости его архетипа от типа греческого текста, в котором это слово отсутствовало; в) трансформацию порядка упоминания лексических единиц в Тр4, что может быть результатом сознательной правки славянского текста.

4. В целом можно заключить, что рассмотренный лексический материал подтверждает общий текстологический «расклад» Паримейника: Лазаревский список из группы древнейшего типа наиболее стабилен, тогда как Троицкий, принадлежавший к Семеновской группе, где проводилась целенаправленная редакция, дает наибольшее число изменений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-512-18001 «Средне-

вековые тексты в современном контексте (новые методы и принципы представления средневековых текстов сегодняшним пользователям)».

The reported study was funded by RFBR, project no. 20-512-18001 “Medieval Texts in the Contemporary Context (Modern Methods and Principles of Presentation of Medieval Texts to the Nowadays Users)”.

В статье использованы неопубликованные материалы доклада, представленного автором на Международной научной конференции «Mobilitas: движение людей, идей, товаров, денег, искусства в средневековом мире» (Софийский университет, 24–25 июня 2021 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. А., 2008. Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий. СПб. : Нестор-История. 268 с.
- Баранов В. А., 2015. Исторический корпус как цель и инструмент корпусной палеославики // Scripta & e-Scripta : The Journal of Interdisciplinary Mediaeval Studies. Vol. 14–15. С. 39–62.
- Буслаев Ф. И., 2005. О влиянии христианства на славянский язык: опыт истории языка по Остромирову Евангелию // Буслаев Ф. И. Исцеление языка: опыт национального самосознания. Работы разных лет. СПб. : Библиополис. 520 с.
- Евсеев И. Е., 1897. Книга пророка Исаяи в древнеславянском переводе. В 2 ч. Ч. 1. Славянский перевод книги пророка Исаяи по рукописям XII–XVI вв. СПб. : Печатня С.П. Яковлева. 168 с.
- Евсеев И. Е., 1905. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты. М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Совко. 183 с.
- Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение, 1978 / под ред. В. И. Борковского. М. : Наука. 446 с.
- Князевская О. А., 1999. Древнейший список Паремийника (первая половина XII в., РГАДА, ф. 381, оп. 1, № 50) // Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян : тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 23–24 нояб. 1999 г.). М. : Ин-т славяноведения РАН. С. 44–46.
- Коляда Е. И., 1998. Библейские музыкальные инструменты (к проблеме идентификации и перевода) // Альфа и Омега. № 4 (18). URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/018/018-kol.htm> (дата обращения: 23.07.2021).
- Коляда Е. И., 2004. Библейские музыкальные инструменты в музыкальной практике и книжной традиции. Интерпретация библейского инструментария в истории переводов Священного Писания : дис. ... д-ра искусствоведения. М. 361 с.
- Михайлов А. В., 1912. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч. 1. Паримейный текст. Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа. 460 с.
- Михеев С. М., 2019. Минеи двух Домок: еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // Словѣне = Slovĕne. Vol. 8, № 2. С. 7–56. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.1.
- Мольков Г. А., 2020. Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI – начала XIII века : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. : Ин-т лингв. исслед. РАН. 494 с.
- Пенев П., 1989. Към историята на Кирило-Методиевия старобългарски превод на Апостола // Кирило-Методиевски студии. София : Изд-во БАН. Кн. 6. С. 246–317.
- Петров В. В., 2009. Кифара и псалтерий в символической органологии античности и раннего средневековья // Историко-философский ежегодник, 2008. М. : Наука. С. 27–51.
- Пичхадзе А. А., 1991. К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М. : Наука. С. 147–173.
- Рибарова З., Хауптова З., 1998. Григоровичев паримейник. Текст со критички апарат. Скопје : МАНУ. 452 с.
- Чевела О. В., 2010. Герменевтика литургической поэзии: лингвистическое исследование. Казань : Казан. гос. ун-т. 346 с.
- Čermák V., 2008. Zu der neueren Erforschung der Übersetzungen des slavischen Parömienbuchs (Zur Edition des Belgrades Parömienbuchs) // Byzantinoslavica. Revue internationale des études byzantines. LXVI. S. 333–347.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- ГБ – Геннадиевская Библия // ГИМ. Син. 915. 1002 л.
- Зах – Захарьинский паримейник 1271 г. // РНБ. Q.п.1.13. 264 л.
- Лаз – Лазаревский (Сковородский) паримейник, XII в. // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Тип. 50. 126 л.
- Тр4 – Троицкий паримейник, XIV в. // РГБ. Ф. 304/1. № 4. 142 л.
- Фед – Федоровский II паримейник, XIII в. // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Тип. 60. 107 л.
- СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. Потка – Преначальный. М. : Наука, 1992. 288 с.

- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 3. М.: Наука, 1976. 199 с.
- Alpha* – Alpha. Древнегреческо-русский словарь И.Х. Дворецкого: [прогр. обеспечение]. URL: <http://www.gurin.tomsknet.ru/alpha.html> (дата обращения: 25.07.2021).
- Bible Hub* – Bible Hub. Online Bible Study Suite. 2004–2021. URL: <https://biblehub.com/> (date of access: 26.07.2021).
- Јовановић-Стипчевић Б. Београдски паримејник. Почетак XIII века. Текст са критичким апаратом. Београд: Нар. библ. Србије, 2005. 495 с.
- SJS* – Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). I–IV. Kurz a kol. Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.

REFERENCES

- Alekseyev A.A., 2008. *Bibliya v bogoslužhenii. Vizantiysko-slavyanskiy leksionariy* [Bible at Divine Service. Byzantine-Slavonic Lectionary]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 268 p.
- Baranov V.A., 2015. Istoricheskiy korpus kak tsel' i instrument korpusnoy paleoslavistiki [A Historical Corpus As Purpose and Instrument of Corpus Slavistic Studies]. *Scripta & e-Scripta: The Journal of Interdisciplinary Mediaeval Studies*, vol. 14-15, pp. 39-62.
- Buslayev F.I., 2005. O vliyanií khristianstva na slavyanskiy yazyk: opyt istorii yazyka po Ostromirovu Evangeliiyu [On Influence of Christianity on Slavonic Language: A Study of Language History Based on Ostromir Gospel]. Buslayev F.I. *Istseleniye yazyka: opyt natsional'nogo samosoznaniya. Raboty raznykh let* [Healing of Language: National Conscience Experience. Essays from Various Years]. Saint Petersburg, Bibliopolis Publ. 520 p.
- Evseyev I.E., 1897. *Kniga proroka Isayi v drevneslavyanskom perevode. V 2 ch. Ch. 1. Slavyanskiy perevod knigi proroka Isayi po rukopisyam XII–XVI vv.* [Isaiah Book in Old Slavonic Translation. In 2 Parts. Part 1. Slavonic Translation of Isaiah Book in Manuscripts from the 12th – 16th Centuries]. Saint Petersburg, Pechatnya S.P. Yakovleva. 168 p.
- Evseyev I.E., 1905. *Kniga proroka Daniila v drevneslavyanskom perevode. Vvedeniye i teksty* [Daniel Book in Old Slavonic Translation. Introduction and Texts]. Moscow, Tip. G. Lissnera and D. Sovko. 183 p.
- Borkovskiy V.I., ed., 1978. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Prostoye predlozheniye* [Historical Grammar of the Russian Language. Syntax. Simple Sentence]. Moscow, Nauka Publ. 446 p.
- Knyazevskaya O.A., 1999. Drevneyshiy spisok Paremiynika (pervaya polovina XII v., RGADA, f. 381, op. 1, № 50) [The Most Ancient Copy of Parimejnik (First Half of the 12th Century, RGADA, f. 381, inv. 1, no. 50)]. *Rol' bibleyskikh perevodov v razvitii literaturnykh yazykov i kul'tury slavyan: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 23–24 noyab. 1999 g.)* [The Role of Biblical Translations in the Development of Slavic Literary Languages and Culture. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 23–24, 1999)]. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN, pp. 44-46.
- Kolyada E.I., 1998. Bibleyskiye muzykal'nyye instrumenty (k probleme identifikatsii i perevoda) [Biblical Musical Instruments (To the Question of Identification and Translation)]. *Al'fa i Omega* [Alpha and Omega], no. 4 (18). URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/018/018-kol.htm> (accessed 23 July 2021).
- Kolyada E.I., 2004. *Bibleyskiye muzykal'nyye instrumenty v muzykal'noy praktike i knizhnoy traditsii. Interpretatsiya bibleyskogo instrumentariya v istorii perevodov Svyashchennogo Pisaniya: dis. ... d-ra iskusstvovedeniya* [Biblical Musical Instruments in Musical Practice and Tradition. Interpretation of Biblical Tools in the History of Scripture Translation Dr. art hist. sci. diss.]. Moscow. 361 p.
- Mikhaylov A.V., 1912. *Opyt izucheniya teksta knigi Bytiya proroka Moiseya v drevneslavyanskom perevode. Ch. 1. Parimeynyy tekst* [Study on Old Slavonic Translation of Genesis. Part 1. Parimejnik Text]. Varshava, Tip. Varshav. ucheb. okruga. 460 p.
- Mikheev S.M., 2019. Minei dvuh Domok: eshhe raz o pistsah sluzhebnykh miney iz novgorodskogo Lazareva monastyrya [The Menia of Two Domkas: Once More on the Scribes of the Menia from the Novgorod Convent of St. Lazarus]. *Slověne*, vol. 8, no. 2, pp. 7-56. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.1.
- Mol'kov G.A., 2020. *Formirovaniye orfograficheskikh sistem v drevnerusskoy pis'mennosti XI – nachala XIII veka: dis. ... d-ra filol. nauk* [Orthography Systems Development in Old East Slavonic Writing from the 11th – Beginning of the 13th Century. Dr. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg, In-t lingv. issled. RAN. 494 p.
- Penev P., 1989. Kym istoriyata na Kirilo-Metodiyeviya starobylgarski prevod na Apostola [On the History of Old Bulgarian Translation of Apostolos]. *Kirilo-Metodiyevski studii*. Sofia, Izd-vo BAN, book 6, pp. 246-317.

- Petrov V.V., 2009. Kifara i psalteriy v simbolicheskoj organologii antichnosti i rannego srednevekov'ya [Kithara and Psalterion in Symbolic Organology of Antiquity and Middle Ages]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik, 2008* [The Annual in History and Philosophy, 2008]. Moscow, Nauka Publ., pp. 27-51.
- Pichkhadze A.A., 1991. K istorii slavyanskogo parimejnika (parimeynnye chteniya knigi Iskhod) [On the History of Slavonic Parimejnik (Lectures of Exodus)]. *Traditsii drevneyshey slavyanskoy pis'mennosti i yazykovaya kul'tura vostochnykh slavyan* [Traditions of Ancient Slavonic Writing and Language Culture of East Slavs]. Moscow, Nauka Publ., pp. 147-173.
- Ribarova, Z., Khauptova, Z., 1998. *Grigorovichev parimejnik. Tekst so kritichki aparat* [Grigorovich Parimejnik. Text with Critical Apparatus]. Skopje, MANU. 452 p.
- Chevela O.V., 2010. *Germenevtika liturgicheskoy poezii: lingvisticheskoye issledovaniye* [Hermeneutics of Liturgical Poetry. A Linguistic Study]. Kazan, Kazan. gos. un-t. 346 p.
- Čermák, V., 2008. Zu der neueren Erforschung der Übersetzungen des slavischen Parömienbuchs (Zur Edition des Belgrades Parömienbuchs). *Byzantinoslavica. Revue internationale des études byzantines*, 66, S. 333-347.
- Zakhar'inskiy parimeynik 1271 g. [Zacharia's Parimejnik, 1271]. *RNB* [National Library of Russia], Q.p.I.13. 264 l.
- Lazarevskiy (Skovorodskiy) parimeynik, XII v. [Lazar's Parimejnik, 12th Century]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 381, inv. 1, tip. 50. 126 l.
- Troitskiy parimeynik, XIV v. [Troitsa Parimejnik, 14th Century]. *RGB* [Russian State Library], f. 304/I, no. 4. 142 l.
- Fedorovskiy II parimeynik, XIII v. [Fyodor II Parimejnik, 13th Century]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 381, inv. 1, tip. 60. 107 l.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 18. *Potka – Prenachal'nyy* [Dictionary of the Russian Language, the 11th–17th Centuries. Iss. 18. Potka – Prenachal'nyy]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 288 p.
- Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Vyp. 3* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Iss. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 199 p.
- Alpha. Drevnegrechesko-russkiy slovar' I.Kh. Dvoretzkogo: (progr. obespecheniye)* [Alpha. Ancient Greek-Russian Dictionary by I.Kh. Dvoretzky Software]. URL: <http://www.gurin.tomsknet.ru/alpha.html> (accessed 25 July 2021).
- Bible Hub. Online Bible Study Suite. 2004–2021*. URL: <https://biblehub.com> (accessed 26 July 2021).
- Jovanovih-Stipchevih B. *Beogradski parimejnik. Pochetak XIII veka. Tekst sa kritichkim aparatom* [Belgrade Parimejnik. The Beginning of the 13th Century. Text with Critical Apparatus]. Belgrade, Nar. bibl. Srbije, 2005. 495 p.
- Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). 1–4. Kurz a kol.* Prague, Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.

SOURCES AND DICTIONARIES

Gennadievskaya Bibliya [Gennadi's Bible]. *GIM* [State Historical Museum], sin. 915. 1002 l.

Information About the Author

Maria O. Novak, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Department of Linguistic Source Studies and the History of Literary Russian Language, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St, 18/2, 119019 Moscow, Russia, mariaonovak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5501-8510>

Информация об авторе

Мария Олеговна Новак, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, mariaonovak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5501-8510>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.3>

UDC 811.111'42
LBC 81.432.1-51

Submitted: 05.03.2021
Accepted: 30.08.2021

ENGLISH DISCOURSE OF IMMIGRATION IN THE ASPECT OF CORPUS LINGUISTICS ¹

Marina S. Matytcina

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

Tatiana Grigoryanova

University of Economics in Bratislava, Bratislava, Slovakia

Abstract. Based on data from the linguistic corpus *News on the Web*, the article examines the media discourse of immigration in the British and American media in the period from 2018 to 2020. Considering the linguistic facts from the standpoint of discursive linguistics and corpus analysis, the authors argue that the identification and quantification of collocations in which semantically the main component is represented by the words from the search query: *immigrants* and *asylum seekers*. Their ranking by degree of stability, as well as identification of the most common L1 collocates objectify information about the features of the English discourse of immigration. It was found out that in all types of the studied media, the most frequent collocations of the noun *immigrant* are with the adjectives *illegal* and *undocumented*, T. Grigoryanova notes they directly indicate illegal immigration as a serious social problem; the L1 frequency collocates of the *asylum seeker* search query unit are *American* and *failed*, M. Matytcina concludes that they actualize the significance of the immigration problem for the entire world community and contribute to the formation of anti-immigrant sentiment. In fixed collocations, according to T. Grigoryanova, they are replaced by the words *other*, *central*, *new*. The results of the analysis made it possible to conclude that the English discourse of immigration contains a protest against immigrants and asylum seekers, reflects the fear and anxiety of society about the consequences of increase in their number for the indigenous population.

Key words: corpus linguistics, corpus analysis, collocate, L1 collocate, discourse.

Citation. Matytcina M.S., Grigoryanova T. English Discourse of Immigration in the Aspect of Corpus Linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 29-41. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.3>

УДК 811.111'42
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 05.03.2021
Дата принятия статьи: 30.08.2021

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС ИММИГРАЦИИ В АСПЕКТЕ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ¹

Марина Станиславовна Матыцина

Липецкий государственный технический университет, г. Липецк, Россия

Татьяна Григорянова

Экономический университет в Братиславе, г. Братислава, Словакия

Аннотация. В статье на основе данных лингвистического корпуса *News on the Web* исследуется медийный дискурс иммиграции в британских и американских СМИ в период с 2018 по 2020 год. Рассматривая языковые факты с позиций дискурсивной лингвистики и корпусного анализа, авторы утверждают, что выявление и количественная оценка коллокаций, в которых семантически главным компонентом выступают слова поискового запроса *immigrants* и *asylum seekers*, их ранжирование по степени устойчивости, а также опреде-

ление наиболее распространенных L1 коллокатов объективируют информацию об особенностях англоязычного дискурса иммиграции. Установлено, что во всех типах изучаемых СМИ наиболее частотны коллокации существительного *immigrant* с прилагательными *illegal* и *undocumented*, прямо указывающие на нелегальную иммиграцию как серьезную социальную проблему (Т. Григорянова). Обнаружено, что частотными L1 коллокатами единицы поискового запроса *asylum seeker* являются *American* и *failed*, актуализирующие значимость проблемы иммиграции для всего мирового сообщества и способствующие формированию анти-иммигрантского настроения (М.С. Матыцина); в устойчивых коллокациях они заменяются словами *other*, *central*, *new* (Т. Григорянова). Результаты проведенного анализа позволили сделать выводы о том, что англоязычный дискурс иммиграции содержит протест против иммигрантов и лиц, ищущих убежища, отражает страх, тревогу социума по поводу того, чем увеличение их количества может обернуться для коренного населения.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, корпусный анализ, коллокация, L1 коллокат, дискурс.

Цитирование. Матыцина М. С., Григорянова Т. Англоязычный дискурс иммиграции в аспекте корпусной лингвистики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 29–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.3>

Введение

В настоящее время в отечественной и зарубежной науке увеличивается количество исследований конкретных и повторяющихся дискурсивных практик с использованием методов корпусного анализа. По мере проникновения современных информационных и коммуникационных технологий во все сферы науки, и в частности в филологию, возрастает востребованность лингвистических корпусов текстов при изучении различных аспектов языка. Корпусная лингвистика тесно связана с дискурсивной лингвистикой. В фокусе внимания лингвистики дискурса находится выявление средств интертекстуальности и интердискурсивности, а корпусная лингвистика занимается исследованием роли единиц языка в конструировании социальной реальности на основе максимального соответствия характеристик выборки характеристикам дискурса и, таким образом, позволяет усилить объективность доказательной базы. Дискурсивный анализ ориентирован на установление интертекстуальных и интердискурсивных связей между высказываниями, различными жанрами, текстами и типами дискурса, объясняющих актуализацию семиотических образований в тех или иных текстовых и дискурсивных пространствах. Корпусный анализ является количественным методом. Его использование связано с проблемой доказательства существования определенного явления в языке. Однако «быть в корпусе» не отождествляется с «быть в языке». В корпусе могут не получить своего отражения некоторые существующие

языковые явления, при этом их отсутствие в корпусе может расцениваться как значимое, что приводит к ошибочным выводам.

Цель настоящего исследования заключается в определении специфики англоязычного дискурса иммиграции посредством объединения методологического инструментария дискурсивного анализа и корпусной лингвистики. Мы предполагаем, что выбранная методологическая основа обеспечит достижение объективности, установление точных эмпирических данных. В контексте гипотезы проводимой научной работы сообщения в СМИ рассматриваются как дискурсивные практики, отражающие особенности репрезентации иммигрантов и просителей убежища в англоязычном медиадискурсе, а также имплицитно выраженные установки и скрытые эффекты воздействия дискурса иммиграции на систему общественных отношений.

Материал и методы

Корпусный анализ в качестве методологической базы для изучения медийного дискурса иммиграции был выбран неслучайно. Во-первых, он выступает эффективным методом установления точных статистических данных, поскольку применение количественных методов для решения лингвистических задач позволяет собрать и обработать большее количество данных для изучения качественного состава словаря, получить объективную информацию о частотности языковых единиц, степени связности частей словосочетания и семантической просодии. Квантита-

тивное исследование дискурса представляет собой надежный, контролируемый, ориентированный на результат обобщенный способ анализа целого ряда языковых явлений. Во-вторых, мы, вслед за П. Бейкером, считаем, что использование современных информационных технологий позволяет устранить возможность вмешательства человеческого фактора при проведении исследований, когда данные анализируются выборочно с целью подтверждения тех или иных гипотез. Это ставит под сомнение достоверность полученных ранее данных и объективность проведенного исследователем лингвистического анализа [Baker, 2006, p. 96]. В-третьих, построение матриц, отражающих встречаемость стандартной и нестандартной лексики и структур, по мнению П. Бейкера, облегчает поиск мотивационной базы тех позиций, установок, целей и интересов медиаэлиты, которые определяют дискурс как властный ресурс [Baker, 2006, p. 96].

Применение корпусного анализа позволяет дополнить семантический и прагматический анализ высказываний, а также выявить наиболее рекуррентные лингвистические механизмы реализации структур дискурса и дискурсивных стратегий, использованных для репрезентации иммигрантов и лиц, ищущих убежища [Gabrielatos, Baker, 2006; 2008; Baker et al., 2008; KhosraviNik, 2009].

В статье предметом анализа стали особенности конструирования в медиадискурсе образа иммигранта и лиц, ищущих убежища, поскольку, несмотря на широкое распространение подобных исследований, некоторые вопросы в области изучения специфики формирования такого дискурса в СМИ рассматриваются, на наш взгляд, односторонне.

Материалом для изучения послужили данные корпуса News on the Web – новостные статьи британских и американских качественных периодических изданий, бульварных изданий, таблоидов и информационных агентств, опубликованные в период с 2018 по 2020 год. Выбранные информационные источники разделены на категории, предложенные некоммерческой независимой организацией Великобритании «Audit Bureau of Circulations» (АВС; «Бюро аудита тиражей»), определяющей стандарты для измерения медиабрендов печатных публикаций и цифровых каналов:

1) британские и американские качественные периодические издания (The Times, The Sunday Times, The Daily Telegraph, The Guardian, The New York Times, The Wall Street Journal, The Washington Post, The Washington Times); 2) бульварные издания (The Daily Mail, The Sunday Express, The Daily Express); 3) таблоиды (The Daily Mirror, The Sun, The New York Post); 4) информационные агентства (CNN, BBC News, FOX News, ABC News, Reuters).

Корпус News on the Web ежемесячно увеличивается приблизительно на 180–200 миллионов слов из 300 000 новых статей, что составляет 2 миллиарда слов ежегодно. Материал исследования отбирался посредством поискового запроса: *immigrants* и *asylum seekers* («иммигранты», «просители убежища»). Объем сведений, полученный из выбранных источников, является, на наш взгляд, достаточным для всестороннего понимания и объяснения дискурсивных характеристик образа иммигрантов и лиц, ищущих убежища, на страницах изданий и информационных агентств. Как и ожидалось, количество статей, затрагивающих тему иммиграции, опубликованных в СМИ в период с 2018 по 2020 г. без ограничений по типу, размеру и идеологической позиции, было внушительным – около 100 тысяч.

Использование широких критериев отбора позволило достичь научной объективности в отношении процедуры подбора материала. Применение электронного корпуса дало возможность выявить и количественно оценить часто повторяющиеся устойчивые словосочетания, в которых семантически главным компонентом выступают слова поискового запроса. Кроме того, по сравнению с традиционной лингвистикой, которая имеет описательный и интроспективный характер, полученные на основе корпуса количественные данные не являются субъективной интерпретацией агентами коммуникации ситуативной модели.

Результаты и обсуждение

Для исследования медийного дискурса иммиграции мы поставили ряд задач. Во-первых, определить коллокации, в которых семантически главным компонентом выступали бы лексические единицы *immigrants* и *asylum seekers*, и ранжировать выявленные коллока-

ции по степени устойчивости. Во-вторых, найти самые распространенные L1 коллокации исследуемых слов *immigrants* и *asylum seekers*.

В современной лингвистике существуют различные определения понятия «коллокация». Большинство из них строится на феномене повторяющегося сочетания двух или более слов, совместно появляющихся в тексте [Sinclair, 1991; Stubbs, 1995]. Согласно У. Фаулеру, термин *collocate* («коллокация») в лингвистическом аспекте впервые был употреблен Дж.Р. Фертом для обозначения совместной встречаемости отдельных слов. В работе «Modern English Usage» У. Фаулер приводит примеры часто встречаемых сочетаний отдельных слов и определяет эту связность как неотъемлемую часть организации языка (см.: [Burchfield, 1996, p. 158]). О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» приводит следующее определение коллокаций, принимаемое авторами настоящей работы: «коллокация – это лексико-фразеологически обусловленная сочетаемость слов в речи для реализации их полисемии» [Ахманова, 1966, с. 194]. Изучение паттернов коллокаций в больших массивах текстов, по мнению П. Бакера, способствует пониманию значений слов, которые их образуют, взаимообусловленности элементов словосочетания, что трудно установить из анализа отдельно взятого текста [Baker, 2006, p. 96]. Статистические исследования показывают не только частоту встречаемости слов в корпусе, но и направление изменений лексических значений слов при устойчивости словосочетания. Это позволяет исследователям провести анализ извлеченной из корпуса информации как в качественном, так и в количественном ракурсе и оценить силу

притяжения слов (см., например: [Hunston, 2007; McEnery, Hardie, 2011]).

Обширный лингвистический материал корпуса показывает, что если семантически главным компонентом в словосочетании выступает лексическая единица *immigrants*, то вспомогательным компонентом словосочетания, или коллокатом, является слово, которое чаще других сочетается с главным компонентом словосочетания в данном корпусе. В этом случае анализируются релевантные единицы, находящиеся на заданном расстоянии от исследуемого слова. В нашем исследовании – это первые пять слов (a five-word window) без учета служебных единиц, стоящие либо в препозиции, либо в постпозиции к главному компоненту словосочетания. Поиск коллокаций с таким количеством слов, согласно исследованиям других ученых, представляется оптимальным, поскольку большее количество может привести к языковым искажениям (см., например: [Baker, Gabrielatos, McEnery, 2013]). Типичные повторяющиеся сочетания со словом *immigrants*, выделенные из корпуса, дают дополнительное представление о практике реального использования этих моделей в языке.

Результаты сочетаемости слова *immigrants* в исследуемом корпусе представлены в таблице 1, согласно которой наиболее частотной является коллокация *illegal immigrants* – она встречается в 42 % статей.

Второй этап анализа заключался в поиске L1 коллокатов исследуемого слова. Слова в указанном диапазоне являются коллокатами целевого (исследуемого) слова, которое на рисунке 1 обозначено как *target* («цель»). На рисунке показано расположение коллока-

Таблица 1. Количественная характеристика коллокатов слова *immigrants*, 2018–2020 гг.

Table 1. Quantitative characteristics of collocates of the word *immigrants*, 2018–2020

Коллокат	Перевод	Количество	Доля, %
<i>illegal</i>	нелегальные	14 770	42
<i>undocumented</i>	не имеющие документов	8 992	26
<i>new</i>	новые	2 338	7
<i>young</i>	молодые	1 739	5
<i>Mexican</i>	мексиканские	1 364	4
<i>Chinese</i>	китайские	1 353	4
<i>Indian</i>	индийские	1 050	3
<i>unauthorized</i>	неразрешенные	1 043	3
<i>African</i>	африканские	998	3
<i>other</i>	другие	986	3
<i>Всего</i>		34 633	100

тов по обеим сторонам исследуемого слова. Лексическая единица, стоящая непосредственно перед исследуемым словом, определяется как L1 коллокат. Анализ данных корпуса показывает, что L1 коллокат является определяющим словом, выраженным разными частями речи и поясняющим признаки исследуемого слова. L1 коллокаты представляют собой речевые паттерны и указывают на закономерности употребления слов, используемых для описания иммигрантов и просителей убежища, в то время как L2–L5 коллокаты –

это лексические единицы, составляющие коллокацию с целевым словом, но встречающиеся в такой паре реже.

Наиболее частотным L1 коллокатом существительного *immigrants* является прилагательное *illegal* (рис. 2).

Оценочное прилагательное *illegal* в качестве L1 коллоката существительного *immigrants* намного чаще используется в качественных изданиях и публикациях информационных агентств, чем в бульварных изданиях и таблоидах (рис. 3).

Рис. 1. Расположение коллокатов по отношению к исследуемому слову

Fig. 1. Location of collocates in relation to the word under study

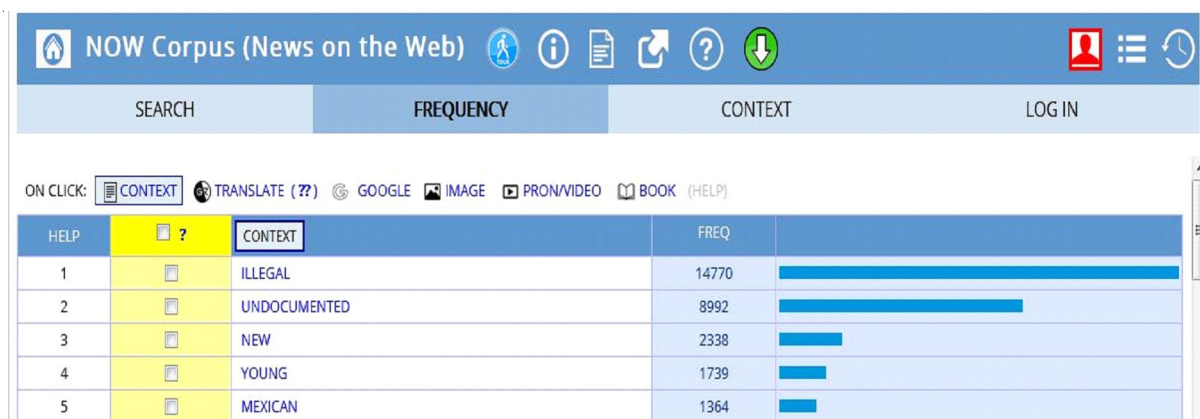

Рис. 2. C-collocates существительного *immigrants*

Fig. 2. C-collocates of the noun *immigrants*

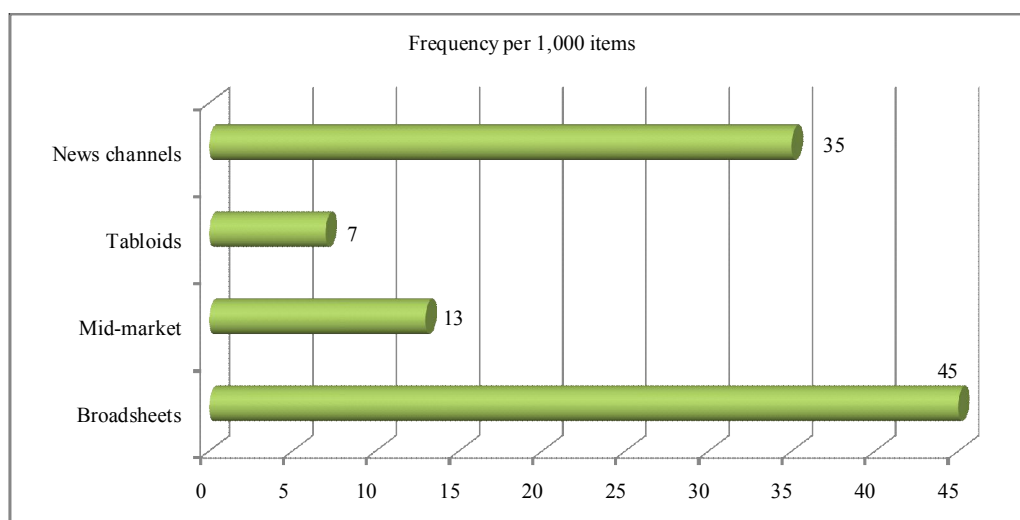

Рис. 3. *Illegal* как L1 коллокат существительного *immigrants* в изданиях разных типов

Fig. 3. *Illegal* as a Top L1 Collocate of the noun *immigrants* by publication type

Как видим, в 4,5 % статей качественной прессы и 3,5 % сообщений информационных агентств предпочтение отдается фразе *illegal immigrants*, а бульварные издания и таблоиды характеризуют иммигрантов как нелегальных в 1,3 % и 0,7 % соответственно. Иными словами, все типы изданий подчеркивают нарушение иммигрантами законов, определяют этот круг лиц как угрозу европейскому населению.

Слово *illegal* в качестве L1 коллоката становится ключевым для описания преступных действий со стороны иммигрантов и служит ярким примером использования властными структурами средств массовой информации для воспроизводства стереотипов, связанных с этой социальной группой в сознании граждан страны. Формируемые в результате такого воздействия индивидуальные ментальные репрезентации дискурса соотносят структуры дискурса с коммуникативными ситуациями, отражая то, как участник коммуникативного события интерпретирует происходящее действие, и одновременно оказывая воздействие на существующие социальные отношения. Описывая иммигрантов как нелегалов, англоязычная пресса и информагентства выстраивают особую концепцию иммиграции, которая, во-первых, подчеркивает проблему правового статуса и, во-вторых, изображает иммигрантов как нарушителей закона. Очевидно, что СМИ модифицируют существующие социальные отношения в интересах лиц, определяющих политику, создавая и укрепляя стереотипы в понимании того, что такое иммиграция и кто такие иммигранты. Социум убеждают в том, что существует серьезная проблема с обеспечением безопасности, поэтому необходимо установление жесткого контроля. Таким образом, и для общественности, и для СМИ незаконность отождествляется с иммиграцией. Обращает на себя внимание тот факт, что издания устанавливают гипо-гиперонимические связи между словами *immigrants* и *illegal*, то есть иммигранты квалифицируются как нарушители законов, а их передвижение – как преступление, а не как вынужденная мера. Изложение информации посредством рекуррентной последовательности лексических единиц *illegal immigrants* в англоязыч-

ных массмедиа является механизмом порождения нужных власти смыслов, влияющих на отношение коренного населения к иммигрантам.

Приведем некоторые примеры из корпуса, иллюстрирующие формирование и поддержание средствами массовой информации общественного мнения о нелегальных иммигрантах как проблеме:

(1) A total of 27 **illegal** immigrants and one boat skipper were detained during Ops Benteng while eight land vehicles were seized (Petaling, 2020);

(2) Macgregor has referred to immigrants to Europe as “Muslim invaders”, advocated shooting **illegal** immigrants on the US border, and promoted a range of white nationalists conspiracy theories (Borger, 2020).

Другим L1-коллокатом, образующим высокоустойчивое сочетание с лексической единицей *immigrants*, является прилагательное *undocumented*. Иногда оно используется как альтернатива прилагательному *illegal* и в большинстве случаев употребляется в контексте обсуждения проблем иммиграции в США, а не Великобритании. Приоритетной темой изданий становится освещение дебатов по иммиграционной реформе, проводимой правительством США в отношении иностранцев, находящихся на территории страны без необходимых для этого документов:

(3) Padilla, graduated from the Massachusetts Institute of Technology with an engineering degree, says he became politically engaged in 1994 – as many Latinos did – when Californians passed Proposition 187, the initiative aimed at cutting public spending on **undocumented** immigrants, including public schooling and nursing home care (Morain, 2020);

(4) As the mayor of reliably Democratic Miami-Dade County in Florida, Carlos A. Gimenez, a Republican, six days after the inauguration in 2017 became the first big-city leader in the country to reverse the county’s de facto status as a “sanctuary” for **undocumented** immigrants (Shear, 2020).

Следующим этапом анализа стало выявление устойчивых коллокаций, или «с-collocates», – наиболее часто встречаемых слов, стоящих на расстоянии пяти слов в препозиции и постпозиции без учета служебных слов к слову *immigrants* (см. рис. 4).

Рис. 4. Наиболее частотные c-collocates существительного *immigrants*

Fig. 4. Top c-collocates of the noun *immigrants*

Как показано на рисунке, слово *illegal* сохраняет наибольшую частотность во всех типах исследуемых изданий.

Количественная характеристика устойчивой коллокации лексической единицы *immigrants* с коллокатом *illegal* в разных типах источников приведена на рисунке 5.

Авторы публикаций в качественных СМИ характеризовали иммигрантов с помощью прилагательного *illegal* в 7,2 % случаев. Для информационных агентств и бульварных изданий этот показатель равен 4,3 % и 1,1 % соответственно, для таблоидов – 0,5 %.

Полученные данные формируют целостную картину современного этапа политической коммуникации, помогают лучше по-

нять дискурсивные механизмы формирования отношения к иммигрантам, используемые разными изданиями. Все этапы анализа коллокаций дают четкое представление о тех речевых моделях, которые применяются англоязычными массмедиа для характеристики иммигрантов.

Исследователь из Массачусетского университета в Амхерсте С. Блиндер отмечает, что на страницах газет Великобритании и США отражаются продуцируемые властными структурами ментальные модели и в отношении просителей убежища, то есть лиц, уже покинувших свою страну, въехавших в другую страну и ходатайствующих в органах власти о предоставлении убежища [Blinder, 2015]. Согласно

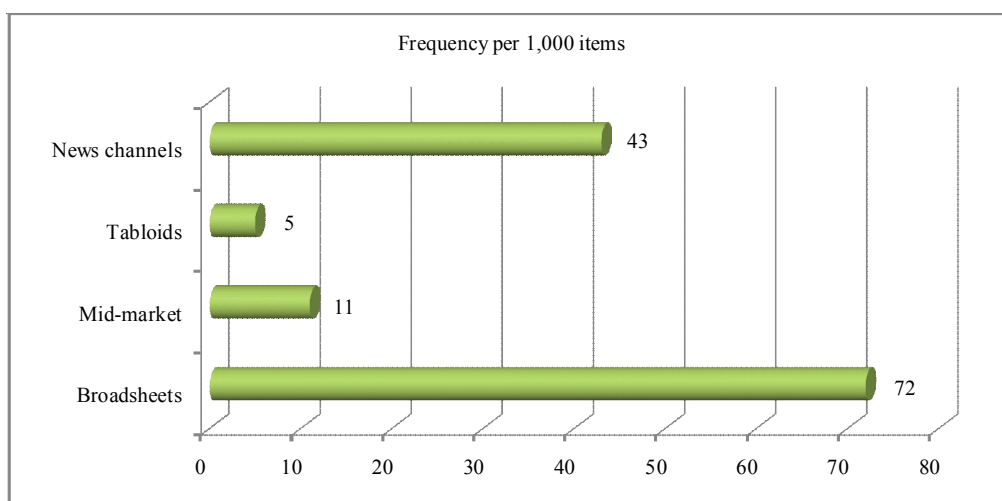

Рис. 5. *Illegal* как самый частотный c-collocate существительного *immigrants* в изданиях разных типов

Fig. 5. *Illegal* as a Top c-collocate of the noun *immigrants* by publication type

Т.А. ван Дейку, «ментальные модели в эпизодической памяти управляют многими свойствами порождения и восприятия дискурса, речевыми актами, стилем, выбором лексических средств, форматом, риторикой, семантическими стратегиями и т. д.» [Дейк, 2015, с. 230]. Ментальные модели соотносят структуры дискурса с коммуникативными ситуациями, отражая то, как участник коммуникативного события интерпретирует происходящее действие. Результаты сочетаемости *asylum seeker* в исследуемом корпусе представлены в таблице 2.

В работе «Bad News for Refugees» исследователями университета Глазго поднимается проблема освещения в прессе вопросов, связанных с проявлением враждебности и неприязни к лицам, ищущим убежища [Philo, Briant, Donald, 2013]. Анализируя новостные сообщения, авторы рассматривают способы создания и поддержания стереотипов в отношении иммигрантов в сознании индивида, формирования дискурса, в рамках которого экономические мигранты, беженцы и лица, ищущие убежища, объединяются в одну «группу». Она становится предметом политических разногласий. Медиааналитики объясняют негативную реакцию коренного населения на вновь прибывших, описывая случаи мошенничества при получении пособий, краж на работе, уличной преступности, которые составляют содержательную основу новостных текстов, касающихся иммигрантов. В ходе исследования ученые выявляют различные семантические, прагматические и социально-политические стратегии формиро-

вания антииммигрантских представлений, взглядов и установок в доминирующем дискурсе власти, используя такие формулировки, как *bogus asylum seekers* и *illegal asylum seekers*. Такие словосочетания бессмысленны с политической точки зрения, поскольку поиск убежища сам по себе не может быть нелегальным. Однако просители убежища, заявления и апелляции которых были отклонены, могут остаться в стране незаконно. Факты, установленные медиааналитиками из Глазго, находят подтверждение и в настоящем исследовании. Так, в качестве одного из наиболее частотных L1 коллокатов словосочетания *asylum seeker* в исследуемом корпусе выступает слово *failed* (см. рис. 6).

Наиболее частотным L1 коллокатом является прилагательное *American*. Это подтверждается и распределением статей с таким L1 коллокатом по публикациям изданий разных типов (см. рис. 7).

Данные диаграммы свидетельствуют о том, что вопрос об иммиграции для США стоит особенно остро. Словосочетание *American asylum seekers* использовано в 24,5 % новостных статей информационных агентств и в 14 % статей качественной прессы, в то время как в бульварных изданиях оно представлено лишь в 4 % публикаций, а в таблоидах не употреблено вовсе. Приведем некоторые примеры из корпуса, иллюстрирующие, что просители убежища становятся все более серьезной проблемой в США, а для ее решения требуется ужесточение пограничного контроля и депортация незаконных иммигрантов:

Таблица 2. Количественная характеристика L1 коллокатов сочетания *asylum seekers*, 2018–2020 гг.

Table 2. Quantitative characteristics of L1 collocates of the word combination *asylum seekers*, 2018–2020

L1 коллокат	Перевод	Количество	Доля, %
<i>American</i>	американские	244	20
<i>African</i>	африканские	186	16
<i>failed</i>	неудавшиеся	159	13
<i>other</i>	другие	126	10
<i>Honduran</i>	гондурасские	103	9
<i>rejected</i>	которым отказано	83	7
<i>new</i>	новые	81	7
<i>would-be</i>	потенциальные	73	6
<i>vulnerable</i>	незащищенные	71	6
<i>Iranian</i>	иранские	70	6
<i>Всего</i>		1 196	100

Рис. 6. Наиболее частотные L1 коллокаты сочетания *asylum seekers*
 Fig. 6. Top L1 collocates of the word combination *asylum seekers*

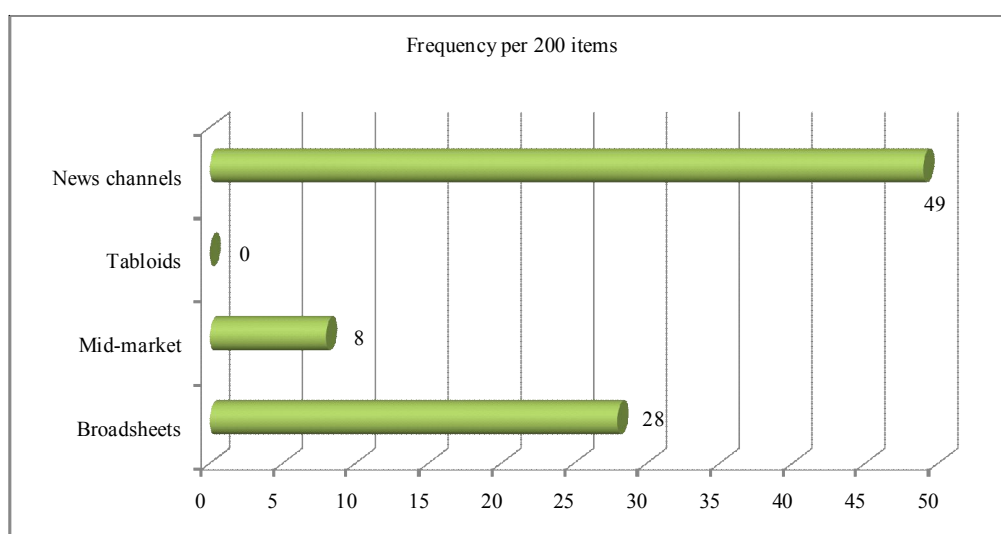

Рис. 7. *American* как L1 коллокат сочетания *asylum seekers* в изданиях разных типов
 Fig. 7. *American* as a Top L1 Collocating of the word combination *asylum seekers* by Publication Type

(5) Central **American** asylum seekers detained in McAllen, Tex. on June 12 were sent to a processing centre for possible separation (Leonhardt, 2018);

(6) Central **American** asylum seekers wait for transport while being detained by US border patrol agents near the US-Mexico border in McAllen (Powell, 2018);

(7) The relocation seeks to disband the group of some 1,400 Central **American** asylum seekers and prevent potential mass attempts to rush for the border fence to cross to the U.S., as happened in Tijuana late last year (Montes, 2019).

Наиболее часто встречаемыми словам, стоящим на расстоянии пяти слов в препозиции и в постпозиции без учета служебных слов к *asylum seekers*, относятся *other*, *central*, *new*, *American* (см. рис. 8).

Слово *other* в качестве альтернативы лексическим единицам *American* и *failed* неодинаково частотно использовано в различных источниках (см. рис. 9).

Как свидетельствуют данные диаграммы, в публикациях информационных агентств лица, ищущие убежища, характеризовались посредством *other* в 22,8 % статей, в качественных изданиях – в 14,6 %, в бульварных изданиях – в 3,8 %, а в таблоидах – лишь в 1 % статей.

Заклучение

Анализ данных, полученных в результате корпусного исследования целевого слова *immigrants* и словосочетания *asylum seekers*, позволяет определить следующие закономер-

Рис. 8. Наиболее частотные с-collocates сочетания *asylum seekers*

Fig. 8. Top c-collocates of the word combination *asylum seekers*

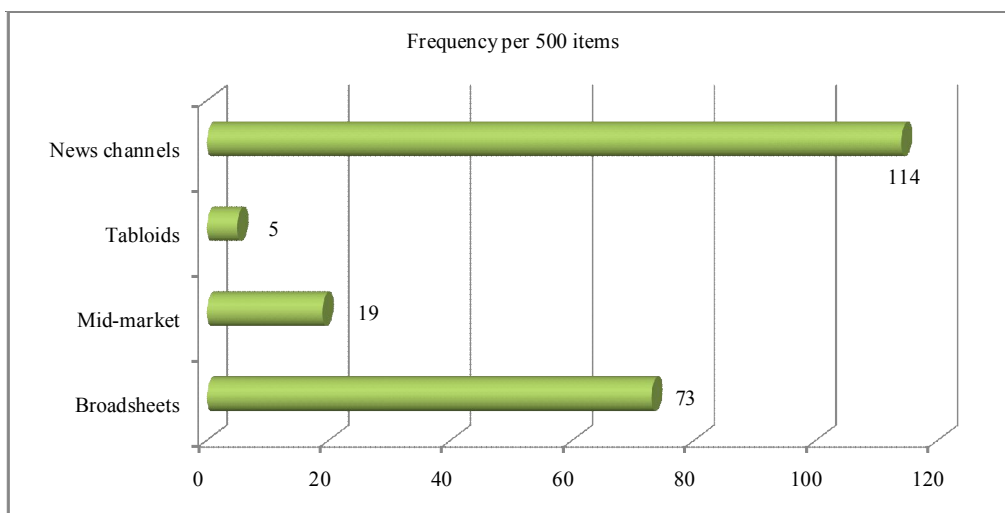

Рис. 9. *Other* как самый частотный с-collocate сочетания *asylum seekers* в изданиях разных типов

Fig. 9. *Other* as a Top c-collocate of the word combination *asylum seekers* by Publication Type

ности в использовании тех лексических единиц, которые участвуют в дискурсивном конструировании медийного образа иммигрантов и лиц, ищущих убежища. Наиболее употребительными являются сочетания слова *immigrants* с прилагательными *illegal* и *undocumented*, которые выступают также и L1 коллокатами лексической единицы *immigrants*. Это свидетельствует о том, что *illegal* и *undocumented* становятся ключевыми определениями в отношении требующих вмешательства правительства преступных действий со стороны иммигрантов. Прилагательное *illegal* сохраняет наибольшую частотность употребления с целевым словом *immigrants* и образует с данной лексической

единицей устойчивую коллокацию в источниках исследуемого трехлетнего периода.

Как показывает данное исследование, самыми частотными L1 коллокатами сочетания *asylum seekers* являются слова *American*, *African* и *failed*. Частотность употребления словосочетания *American asylum seeker* доказывает то, что проблема иммиграции не рассматривается англоязычной прессой как исключительно национальная проблема какой-либо страны Европейского союза, а представляет собой часть общего социокультурного и языкового контекста всего мирового сообщества. Лексическая единица *illegal* сохраняет наибольшую частотность употребления с целевым словом *immigrants* и образует с ним

устойчивое сочетание в источниках всех исследуемых типов, в то время как в устойчивых коллокациях со словосочетанием *asylum seekers* лидирующую позицию занимает слово *other*, что подтверждает сложность определения специфики англоязычного дискурса иммиграции.

Выявленные в результате анализа коллокации исследуемых лексических единиц свидетельствуют о том, что иммигранты и лица, ищущие убежища, изображаются как угроза европейской безопасности, порождающая чувство страха у читателей. На основе такой репрезентации дискурса авторами новостных публикаций делается следующий вывод: обществу необходимо осознать всю серьезность ситуации и принять безотлагательные меры в отношении регулирования иммиграционных потоков и порядка предоставления убежища на территории государств.

Исследование дискурсивных характеристик медийного образа иммигрантов и лиц, ищущих убежища, на основе корпусного анализа способствует созданию исчерпывающей статистической базы данных о лингвистическом наполнении дискурса об иммигрантах на страницах изданий и в сообщениях информационных агентств.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования, науки, исследований и спорта Словацкой Республики в рамках научного проекта KEGA 018EU-4/2020 «Профессиональный русский язык и ИКТ в онлайн-среде».

The reported study was funded by Ministry of Education, Science, Research and Sports of the Slovak Republic, project number 018EU-4/2020 “Professional Russian language and ICT in online environment”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С., 1966. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл. 606 с.
- Дейк Т. А. ван, 2015. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : УРСС : ЛИБРОКОМ. 352 с.
- Baker P., 2006. Using Corpora in Discourse Analysis. L. : Bloomsbury Academic. 198 p.
- Baker P., Gabrielatos C., McEnery T., 2013. Discourse Analysis and Media Attitudes: The Representation of Islam in the British Press. Cambridge : Cambridge University Press. 280 p.
- Baker P., KhosraviNik M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R., 2008. A Useful Methodological Synergy? Combining Critical Discourse Analysis and Corpus Linguistics to Examine Discourses of Refugees and Asylum Seekers in the UK Press // *Discourse & Society*. Vol. 19 (3). P. 273–306. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926508088962>.
- Blinder S., 2015. Imagined Immigration: The Impact of Different Meanings of ‘Immigrants’ in Public Opinion and Policy Debates in Britain // *Political Studies*. Vol. 63 (1). P. 80–100.
- Hunston S., 2007. Semantic Prosody Revisited // *International Journal of Corpus Linguistics*. Vol. 12 (2). P. 249–268.
- Gabrielatos C., Baker P., 2006. Representation of Refugees and Asylum Seekers in UK Newspapers: Towards a Corpus-Based Comparison of the Stance of Tabloids and Broadsheets // *First International Conference: Critical Approaches to Discourse Analysis Across Disciplines* (University of East Anglia, Norwich, UK, 29–30 June 2006). URL: <https://eprints.lancs.ac.uk/id/eprint/250> (date of access: 01.03.2021).
- Gabrielatos C., Baker P., 2008. Fleeing, Sneaking, Flooding. A Corpus Analysis of Discursive Constructions of Refugees and Asylum Seekers in the UK Press, 1996–2005 // *Journal of English Linguistics*. Vol. 36 (1). P. 5–38. DOI: <https://doi.org/10.1177/0075424207311247>.
- KhosraviNik M., 2009. The Representation of Refugees, Asylum Seekers and Immigrants in British News-Papers During the Balkan Conflict (1999) and the British General Election (2005) // *Discourse & Society*. Vol. 20 (4). P. 477–498. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926509104024>.
- McEnery T., Hardie A., 2011. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge : Cambridge University Press. 292 p.
- Philo G., Briant E., Donald P., 2013. *Bad News for Refugees*. L. : Pluto Press. 224 p.
- Sinclair J., 1991. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford : Oxford University Press. 179 p.
- Stubbs M., 1995. Collocations and Semantic Profiles: On the Cause of the Trouble with Quantitative Studies // *Functions of Language*. Vol. 2 (1). P. 23–55. DOI: <https://doi.org/10.1075/foL.2.1.03stu>.
- Borger J. Downright Dangerous: Democrats’ Alarm As Trump Stacks Pentagon with Loyalists. 2020. URL: <https://www.msn.com/en-gb/news/world/downright-dangerous-democrat-alarm-as>

ИСТОЧНИКИ

- trump-stacks-pentagon-with-loyalists/ar-BB1aUsS2?fbclid=IwAR0BOfY8tolEcZnPO_TiJK1RnBljvchQpjAzd1_4XIIIT7OSS5wokP48Lno (date of access: 01.03.2021).
- Burchfield R. W. *The New Fowler's Modern English Usage*. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 1996. 864 p.
- Corpus of News on the Web (NOW). URL: <https://www.english-corpora.org/now/>.
- Leonhardt D. Team Trump's 3 Bizarre Defenses of Child Separations. 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/06/18/opinion/trump-family-separation-immigrant-border.html> (date of access: 01.03.2021).
- Montes J. Mexican Authorities Relocate Hundreds of Migrants from Border City. 2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/mexican-authorities-relocate-hundreds-of-migrants-from-border-city-11550262962> (date of access: 01.03.2021).
- Morain D. There's a Front-Runner for Kamala Harris's Senate Seat – But Gavin Newsom Could Surprise Us All. 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/11/23/gavin-newsom-replace-kamala-harris-senate-seat/> (date of access: 01.03.2021).
- Petaling J. No Element of Racism in SOPs, Says Ismail Sabri. 2020. URL: <https://www.thesundaily.my/home/no-element-of-racism-in-sops-says-ismail-sabri-AJ5139828> (date of access: 01.03.2021).
- Powell J. The 20 Photographs of the Week. 2018. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/gallery/2018/jun/23/the-20-photographs-of-the-week> (date of access: 01.03.2021).
- Shear M. D. Transition Highlights: Biden Plans to Name Blinken, Sullivan and Thomas-Greenfield to Cabinet. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/live/2020/11/22/us/joe-biden-trump> (date of access: 01.03.2021).
- Synergy? Combining Critical Discourse Analysis and Corpus Linguistics to Examine Discourses of Refugees and Asylum Seekers in the UK Press. *Discourse & Society*, vol. 19 (3), pp. 273-306. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926508088962>.
- Blinder S., 2015. Imagined Immigration: The Impact of Different Meanings of 'Immigrants' in Public Opinion and Policy Debates in Britain. *Political Studies*, vol. 63 (1), pp. 80-100.
- Hunston S., 2007. Semantic Prosody Revisited. *International Journal of Corpus Linguistics*, vol. 12 (2), pp. 249-268.
- Gabrielatos C., Baker P., 2006. Representation of Refugees and Asylum Seekers in UK Newspapers: Towards a Corpus-Based Comparison of the Stance of Tabloids and Broadsheets. *First International Conference: Critical Approaches to Discourse Analysis Across Disciplines (University of East Anglia, Norwich, UK, 29–30 June 2006)*. URL: <https://eprints.lancs.ac.uk/id/eprint/250> (accessed 1 March 2021).
- Gabrielatos C., Baker P., 2008. Fleeing, Sneaking, Flooding. A Corpus Analysis of Discursive Constructions of Refugees and Asylum Seekers in the UK Press, 1996–2005. *Journal of English Linguistics*, vol. 36 (1), pp. 5-38. DOI: <https://doi.org/10.1177/0075424207311247>.
- KhosraviNik M., 2009. The Representation of Refugees, Asylum Seekers and Immigrants in British News-Papers During the Balkan Conflict (1999) and the British General Election (2005). *Discourse & Society*, vol. 20 (4), pp. 477-498. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926509104024>.
- McEnery T., Hardie A., 2011. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press. 292 p.
- Philo G., Briant E., Donald P., 2013. *Bad News for Refugees*. London, Pluto Press. 224 p.
- Sinclair J., 1991. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford, Oxford University Press. 179 p.
- Stubbs M., 1995. Collocations and Semantic Profiles: On the Cause of the Trouble with Quantitative Studies. *Functions of Language*, vol. 2 (1), pp. 23-55. DOI: <https://doi.org/10.1075/foL.2.1.03stu>.

REFERENCES

- Akhmanova O.S., 1966. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ. 606 p.
- Dejk T.A. van, 2015. *Diskurs i vlast': reprezentacija dominirovaniya v yazyke i komunikacii* [Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication]. Moscow, URSS Publ., LIBROKOM Publ. 352 p.
- Baker P., 2006. *Using Corpora in Discourse Analysis*. London, Bloomsbury Academic. 198 p.
- Baker P., Gabrielatos C., McEnery T., 2013. *Discourse Analysis and Media Attitudes: The Representation of Islam in the British Press*. Cambridge, Cambridge University Press. 280 p.
- Baker P., KhosraviNik M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R., 2008. A Useful Methodological

SOURCES

- Borger J. *Downright Dangerous: Democrats' Alarm As Trump Stacks Pentagon with Loyalists*, 2020. URL: https://www.msn.com/en-gb/news/world/downright-dangerous-democrat-alarm-as-trump-stacks-pentagon-with-loyalists/ar-BB1aUsS2?fbclid=IwAR0BOfY8tolEcZnPO_TiJK1RnBljvchQpjAzd1_4XIIIT7OSS5wokP48Lno (accessed 1 March 2021).

- Burchfield R.W. *The New Fowler's Modern English Usage*. Oxford, Clarendon Press, 1996. 864 p. *Corpus of News on the Web (NOW)*. URL: <https://www.english-corpora.org/now/>.
- Leonhardt D. *Team Trump's 3 Bizarre Defenses of Child Separations*, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/06/18/opinion/trump-family-separation-immigrant-border.html> (accessed 1 March 2021).
- Montes J. *Mexican Authorities Relocate Hundreds of Migrants from Border City*, 2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/mexican-authorities-relocate-hundreds-of-migrants-from-border-city-11550262962> (accessed 1 March 2021).
- Morain D. *There's a Front-Runner for Kamala Harris's Senate Seat – But Gavin Newsom Could Surprise Us All Opinion*, 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/11/23/gavin-newsom-replace-kamala-harris-senate-seat> (accessed 1 March 2021).
- Petaling J. *No Element of Racism in SOPs, Says Ismail Sabri*, 2020. URL: <https://www.thesundaily.my/home/no-element-of-racism-in-sops-says-ismail-sabri-AJ5139828> (accessed 1 March 2021).
- Powell J. *The 20 Photographs of the Week*, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/gallery/2018/jun/23/the-20-photographs-of-the-week> (accessed 1 March 2021).
- Shear M.D. *Transition Highlights: Biden Plans to Name Blinken, Sullivan and Thomas-Greenfield to Cabinet*, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/live/2020/11/22/us/joe-biden-trump> (accessed 1 March 2021).

Information About the Authors

Marina S. Matytcina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Lipetsk State Technical University, Moskovskaya St, 30, 398055 Lipetsk, Russia, lipmarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>

Tatiana Grigoryanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Romance and Slavic Languages, University of Economics in Bratislava, 852 35 Bratislava, Slovakia, tatiana.grigorjanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3569-7130>

Информация об авторах

Марина Станиславовна Матыцина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, 30, 398055 г. Липецк, Россия, lipmarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>

Татьяна Григорянова, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских и славянских языков, Экономический университет в Братиславе, 852 35 г. Братислава, Словакия, tatiana.grigorjanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3569-7130>

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.4>

UDC 81'42:547.978.5+087.5

LBC 81.055.1

Submitted: 22.02.2021

Accepted: 30.08.2021

LINGUISTIC CREATIVITY IN CINEMATIC DISCOURSE AND DISCOURSE OF CHILDREN'S LITERATURE: LEXICAL LEVEL¹

Irina V. Zykova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mariya I. Kiose

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The research aims to develop the method of contrastive analysis of linguistic creativity in discourse. The present study attracting two typologically different discourses, the cinematic discourse and the discourse of children's literature, demonstrates the 5-stage algorithm of contrastive frequency and contingency analysis of linguistic creativity parameters in all language levels, phonological, morphological, word building, lexical, syntactic and graphic. The algorithm helps distinguish between discourse creative and non-creative use of linguistic means, with the basic criterion of pragmatic relevance serving to make the decision between the two. The procedure is applied to the discourse data sets which amount to 104,543 text signs of two cinematic comedies and four children's humorous short stories; to assess the pragmatic relevance of linguistic creativity parameters, we relied on the humorous effect produced with the use of linguistic means. The main research focus of the study is the parametric activity and parametric distribution within the lexical level of the discourses contrasted. Apart from the general parametric results contrasting all the parameters of linguistic creativity within the lexical level, we present the results of two distinct parameters, socio-communicative register shifts and professional code shifts, which clearly specify the differences in their discourse creative and non-creative use in the cinematic discourse and the discourse of children's literature. The results show that enhanced general parametric activity is not contingent with discourse creative parametric activity as the pragmatically relevant modifications of parameter use display diversity in two discourse types. The developed method of contrastive analysis and the results obtained will stimulate further research in cross-discourse studies of linguistic creativity, which might disclose new dimensions in discourse construal and discourse productivity.

Key words: linguistic creativity, cinematic discourse, discourse of children's literature, linguistic creativity parameter, socio-communicative register, terminology.

Citation. Zykova I.V., Kiose M.I. Linguistic Creativity in Cinematic Discourse and Discourse of Children's Literature: Lexical Level. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 42-55. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.4>

ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА КИНОДИСКУРСА И ДИСКУРСА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ¹

Ирина Владимировна Зыкова

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Мария Ивановна Киосе

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование направлено на создание единой методологии изучения лингвокреативности разных типов дискурса. Разработан пятиступенчатый алгоритм контрастного исследования с применением метода дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности на всех уровнях языковой системы. Алгоритм, в основу которого положен критерий прагматической релевантности введения тех или иных параметров лингвокреативности, позволяет осуществить разграничение креативных и некреативных случаев употребления языковых средств. На материале кинокомедий и детских юмористических рассказов проведен контрастный анализ активности и сопряженности выделенных в работе фонологических, морфологических, словообразовательных, лексических, синтаксических и орфографических параметров. Особое внимание уделено реализации лингвокреативных параметров лексического уровня. Определена специфика сопоставляемых дискурсов, проявляющаяся в актуализации и лингвокреативной продуктивности двух параметров с разными показателями активности («смена социокоммуникативных регистров» и «смена профессионального кода»). Проведено разграничение креативных и некреативных случаев переключения социокоммуникативных регистров и употребления терминов в кинопроизведениях и детских рассказах. Установлено, что активность определенного параметра не всегда является показателем реализации в дискурсе креативного потенциала языковой системы. Детерминирована обусловленность креативных языковых феноменов в обоих типах дискурса прагматической задачей выражения в них категории комического. Полученные результаты вносят вклад в разработку понятий универсальной и дискурсивной лингвокреативности.

Ключевые слова: лингвистическая креативность, кинодискурс, дискурс детской литературы, параметр лингвокреативности, социокоммуникативный регистр, терминология.

Цитирование. Зыкова И. В., Киосе М. И. Лингвокреативная специфика кинодискурса и дискурса детской литературы: лексический уровень // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 42–55. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.4>

Введение

Креативный потенциал человеческого мышления имеет прямое выражение в естественном языке и дискурсивных практиках его использования. Поэтому изучение лингвистической креативности составляет одно из передовых направлений современного языкознания. Накопленный в настоящее время большой опыт исследования данного феномена, отражающий разработку множества междисциплинарных (лингвокогнитивных, лингвокультурологических, психолингвистических, лингвопрагматических и т. д.) подходов. Они фокусируются на разных аспектах реализации креативного ресурса языковой системы в широчайшем спектре существующих дискур-

сов и новых форм коммуникации (см., например: [Ильясова, Амири, 2018; Логический анализ языка, 1990; Уральский филологический вестник..., 2020; Lundmark, 2005; Vega Moreno, 2007]). Исследуются креативные возможности языковых категорий и отдельных языковых единиц (лексических, фразеологических, терминологических и др.), определенные уровни языковой системы (морфологический, синтаксический и др.) и конкретные дискурсы (рекламный, научный, художественный, сетевой и др.); проводится систематизация и создаются типологии языковых новаций (языковых аномалий, языковых ошибок, лингвокреативных), выявляемых на разном языковом материале, как определенного рода нарушений языковых конвенций, запускающих меха-

низм эволюционирования языков; изучаются способы интегрированности лингвокреативных средств в сложные полимодальные формы коммуникации (см., например: [Гак, 2016; Радбиль, 2012; Benczes, 2006; Dancygier, Sweetser, 2014; Piata, 2018]). Не преследуя цели охватить все многообразие столь разноплановых исследований лингвокреативности, укажем на то, что все они убеждают в многомерности этого феномена, открывающей новые пути его осмысления, и позволяют очертить круг еще не решенных задач. К их числу относятся задачи определения сходств и различий в манифестации креативного потенциала языка в разных типах дискурса, а также создания универсальной методологии анализа и сопоставления лингвокреативности разных дискурсов и выработки единой системы объективной оценки ее реализации в них. Именно к решению этих вопросов мы обращаемся в настоящем исследовании. В качестве ключевой мы ставим задачу разработки единой методологии изучения лингвокреативности для разных типов дискурса, позволяющей провести сравнение их лингвокреативности посредством установленного набора ее параметров.

Материал и методы

Исследование базируется на двух взаимосвязанных трактовках лингвокреативности, дающих возможность дифференцировать два ее основных вида – *универсальную лингвокреативность* (лингвокреативность-1) и *дискурсивно обусловленную лингвокреативность* (лингвокреативность-2). Мы исходим из того, что, как универсальное явление, лингвокреативность присуща в равной мере всем существующим типам дискурса (художественному, рекламному, научному, эпистолярному, медийному и т. д.) и имеет общие параметры оценки, позволяющие на единых основаниях распознавать в любом дискурсе ненормативное (или нестандартное, оригинальное, творческое) использование языка. Как дискурсивно обусловленное явление, лингвокреативность обладает спецификой проявления общих параметров в каждом конкретном типе дискурса и особыми формами реализации в нем креативного (ненормативного, нестандартного,

оригинального) функционирования языковых единиц. Из данных трактовок следует, что ключевым операциональным понятием, позволяющим формализовать и «измерить» столь сложное явление лингвокреативности и в языке как системе, и в дискурсе как непосредственной практике применения языка, является понятие параметра. Поскольку процедура выделения параметров лингвокреативности и их многоуровневая и поэтапная типология были подробно освещены в нашей статье [Зыкова, Киосе, 2020], то видится целесообразным ограничиться здесь их общим перечислением и дать более развернутое представление только тем из них, которые стали предметом контрастивного изучения в настоящей работе, а именно *лексическим параметрам лингвокреативности*.

Мы выделяем следующие группы параметров лингвокреативности: внешние (или макродискурсивные), внутренние (или микродискурсивные) и интердискурсивные параметры. В фокусе внимания в настоящей статье находятся внутренние (или микродискурсивные) параметры, изучение которых сопровождается их маркированием в тексте посредством указания присвоенного им определенного числового кода. Микродискурсивные параметры лингвокреативности подразделяются на фонологические (коды с 101 по 107, например «звуковой повтор»), морфологические (коды с 201 по 207, например «категориальная новация прилагательного»), словообразовательные (коды с 301 по 306, например «окказиональное словосложение»), лексические (коды с 401 по 413, например «парадигматическая новация»), синтаксические (коды с 501 по 511, например «синтагматическая новация») и орфографические (коды с 601 по 607, например «графогибридизация»). К лексическим параметрам лингвокреативности относятся следующие группы языковых явлений: «смена социокоммуникативных регистров» (код 401), «смена социально-территориального кода» (код 402), «смена профессионального кода» (код 403), «смена языкового кода» (код 404), «смена лингвосемиотического кода» (код 405), «лексический экспрессив или эмотив» (код 406), «лексический неологизм и окказионализм» (код 407), «парадигматическая активность» (код 408), «многозначность»

(код 409), «стилистический троп» (код 410), «имя (собственное) и его модификации, прозвища, клички» (код 411), «лексическая ошибка» (код 412), «фразеологизм» (код 413).

Разработанная система лингвокреативных параметров легла в основу предложенного в нашей работе *метода контрастивного параметрического анализа дискурсивной лингвокреативности*. Процедура его реализации включает: 1) определение активности (частоты) и сопряженности показателей параметров лингвокреативности-1 в сопоставляемых дискурсах; 2) установление значимых различий в показателях активности и сопряженности параметров лингвокреативности-1 в сопоставляемых дискурсах; 3) определение дискурсивно-прагматических оснований для разграничения лингвокреативности-1 и лингвокреативности-2 применительно к каждому параметру (с использованием критерия прагматической релевантности введения параметра); 4) установление специфики активизации и лингвокреативной продуктивности параметров лингвокреативности-2 и выявление ее технологий и стратегий реализации в дискурсах; 5) установление значимых различий в показателях активности параметров лингвокреативности-2 в сопоставляемых дискурсах.

Отдельно необходимо пояснить, что в качестве *критерия прагматической релевантности введения параметра* рассматривается критерий оценки соответствия семантического и прагматического потенциала параметра прагматическому заданию дискурса. В связи с тем что основное прагматическое задание в обоих рассматриваемых типах дискурса заключается в реализации категории комического, случаи использования параметра, ориентированные на выполнение этого задания, мы квалифицируем как проявления дискурсивной лингвокреативности. Таким образом, критерий прагматической релевантности позволяет определить, какие проявления универсальной лингвокреативности могут быть отнесены к проявлениям дискурсивной лингвокреативности.

Материалом для исследования послужили две популярные кинокомедии «Семья няnek» (Р. Быков, 1962) и «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (Э. Климов, 1964) общим объемом 54 357 зна-

ков и четыре детских юмористических рассказа «Райкины пленники» (Ю. Сотник, 1956), «Разноцветная история» (В. Железников, 1960), «А Воробьев стекло не выбивал» (Ю. Яковлев, 1972), «Дым в рюкзаке» (В. Медведев, 1974) общим объемом 50 186 знаков. С учетом контрастивного характера проводимого исследования анализируемый материал был унифицирован по жанру и подтипу (кинокомедия и юмористический рассказ), периоду создания (советское время), языку (русскоязычные произведения), автору произведения (выдающиеся режиссеры и писатели), основной проблематике (роль института семьи в социализации детей, отношения между поколениями и формирование социальных и этических ценностей), возрастной классификации аудиовизуальной и печатной продукции (для зрительской / читательской аудитории 6+ и 12+), рейтингу успешности или популярности произведения (выше среднего или высокий) и объему, определяемому количеством вербальных знаков.

Приведем данные по активности параметров лингвокреативности в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, активность уровней параметров лингвокреативности-1 в сопоставляемых дискурсах демонстрирует значимую вариативность. Различия показателей наиболее заметны в отношении четырех уровней: фонологического, словообразовательного, синтаксического и орфографического; при этом наибольшей активностью в обоих случаях обладает лексический уровень.

Проведено сравнение результатов, полученных в данном исследовании, с результатами, полученными ранее на меньшем по объему материале (около 30 тысяч знаков). Сводные данные по меньшей и большей по объему выборке киноматериала и материала детской литературы приведены в таблице 2.

Результаты анализа сопряженности показателей активности параметров лингвокреативности в рассматриваемых кинопроизведениях и детских юмористических рассказах показали, что распределение активности является весьма стабильным: показатели корреляции Пирсона в обеих выборках двух дискурсов превышают 0.99 (при $p = 0.01$ критическим будет значение γ -Пирсона 0.71).

Таблица 1. Активность параметров лингвокреативности в кинодискурсе и в дискурсе детской литературы

Table 1. Linguistic creativity parameters in cinematic discourse and discourse of children's literature

Тип дискурса	Подкорпус (в знаках)	Кол-во предложений	Кол-во слов	Фонологический уровень	Морфологический уровень	Словообразовательный уровень	Лексический уровень	Синтаксический уровень	Орфографический уровень
Кинодискурс	54 357	2 145	9 021	334	173	150	1 767	1 965	96
Дискурс детской литературы	50 186	866	8 305	112	150	243	1 579	1 123	135

Таблица 2. Показатели активности параметров в кинодискурсе и дискурсе детской литературы в двух разных по объему выборках

Table 2. Parameters activity in two different sized samples of cinematic discourse and discourse of children's literature

Тип дискурса	Выборка	Подкорпус (в знаках)	Кол-во предложений	Кол-во слов	Фонологический уровень	Морфологический уровень	Словообразовательный уровень	Лексический уровень	Синтаксический уровень	Орфографический уровень
Кинодискурс	1	29 747	1 166	5 114	185	127	86	1 215	1 224	14
	2	54 357	2 145	9 021	334	173	150	1 767	1 965	96
Дискурс детской литературы	1	29 762	541	4 758	72	98	130	937	685	72
	2	50 186	866	8 305	112	150	243	1 579	1 123	135

Таким образом, даже в относительно небольших по объему выборках, проанализированных с использованием разработанной методики параметризации, распределение активности параметров оказывается постоянным. Полученные данные убедительно свидетельствуют о том, что дальнейшее расширение выборки для контрастивного лингвокреативного изучения дискурсов нецелесообразно, так как *увеличение выборки кардинально не влияет на изменение показателей распределения активности параметров лингвокреативности*. Привлеченные к анализу выборки оказались достаточными для установления закономерностей реализации параметров лингвокреативности-1. Для проведения контрастивного анализа лингвокреативности дискурсов данный факт является важным ввиду того, что позволяет ограничить языковой материал до определенного (небольшого) объема.

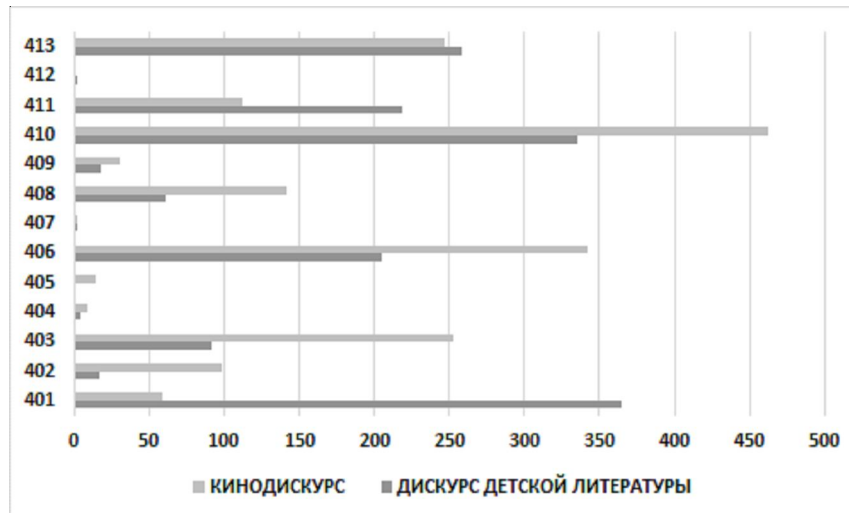
Как было показано выше (см. таблицы 1, 2), самую высокую активность в исследуемых дискурсах имеют лингвокреативные параметры лексического уровня. Перейдем к его рассмотрению.

Результаты и обсуждение

1. Лексические параметры лингвокреативности в кинокомедиях и детских юмористических рассказах: результаты контрастивного анализа

Параметры лингвокреативности лексического уровня имеют, во-первых, сходную, а во-вторых, высокую активность в обоих типах дискурса, ср.: 1 767 случаев в кинодискурсе и 1 579 случаев в дискурсе детской литературы. Как мы предполагаем, это обусловлено большим лингвокреативным потенциалом параметров данного уровня, однако предстоит выяснить, заключается ли этот потенциал в реализации универсальной или дискурсивной лингвокреативности. На рисунке приведена диаграмма активности параметров лексического уровня кинодискурса и дискурса детской литературы.

Самую высокую активность в обоих типах дискурса демонстрируют параметры 410 «стилистический троп», 413 «фразеологизм», 406 «лексический экспрессив и эмотив».

Активность параметров лексического уровня
Lexical parameters activity

Отличающаяся (контрастивная) активность отмечена в проявлениях параметров 401 «смена социокоммуникативных регистров», 402 «смена социально-территориального кода», 403 «смена профессионального кода», 406 «лексический экспрессив и эмотив», 410 «стилистический троп», 411 «имя (собственное) и его модификации, прозвища, клички», 413 «фразеологизм».

Продемонстрируем некоторые особенности их использования на материале активного параметра 410 «стилистический троп» в дискурсах кинофильма (далее – к/ф) и детских рассказов (далее – д/р).

Самыми частотным тропеическим средством для кинодискурса является ирония, для дискурса детской литературы она также характерна, но ее доля в общем количестве средств ниже.

(1) [О тяжелом плакате]: «Куда ставить-то?» – «Ставь на сцену! <...> Не надо эту **самодетельность**» (к/ф «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»).

Здесь ирония создается за счет обыгрывания одновременно двух значений слова *самодетельность*: 'проявление личного почина в каком-нибудь общественном деле' и 'непрофессиональная театральная, исполнительская, художественная деятельность' (Шведова, Ожегов, с. 710), при этом в отношении второго значения наблюдается и согласование (некоторое действие на сцене) и рас-

согласование (постановка стенда на сцену не является театральным действием). Такие примеры совмещения в одном слове двух значений, одно из которых создает рассогласование, редки для дискурса детской литературы; для него характерны примеры рассогласования значений в словосочетаниях:

(2) А я, убедившись, что Мишка ни с дымом, ни без дыма пока не может прочесть мои мысли, я, как всегда, но почему-то с еще большим наслаждением, **предался своим ничем не выдающимся размышлениям** (д/р «Дым в рюкзаке»).

Ирония создается за счет рассогласования значений устойчивого выражения книжного стиля *предаваться размышлениям* и прилагательного также книжного стиля *выдающимся* для обозначения детских мыслей на бытовую тему.

Приведем статистические данные, полученные в результате анализа сопряженности параметров разных уровней в двух типах дискурса. Значимыми показателями при $p = 0.01$ будут значения χ^2 -Пирсона, превышающие 0.25. В кинодискурсе к таким относятся параметры 402 «смена социально-территориального кода» и 301 «аффиксальная модификация (субъективной и функциональной оценки)» (0.25); в дискурсе детской литературы это параметры 401 «смена социокоммуникативных регистров» и 301 «аффиксальная модификация (субъективной и функциональной оценки)» (0.56), 406 «лексический экспрессив

и эмотив» и 301 (0.26), 406 и 401 (0.29), 410 «стилистический троп» и 301 (0.27), 410 и 401 (0.29), 410 и 406 (0.33), 411 «новация в использовании имени (собственного)» и 301 (0.61), 411 и 401 (0.56), 411 и 410 (0.27), 413 «фразеологизм» и 301 (0.32), 413 и 401 (0.39), 413 и 406 (0.31), 413 и 410 (0.41), 413 и 411 (0.29).

Контрастивный анализ активности отдельных и сопряженных параметров лингвокреативности на лексическом уровне демонстрирует значимые различия в отношении почти всех параметров, поэтому для последующего анализа лингвокреативности-2 необходимо было установить критерий отбора параметров. Этим критерием стала контрастирующая вариативность активности параметров, в соответствии с которой из 13 параметров лексического уровня были отобраны 2, демонстрирующие противоположную вариативность в частотности: 401 «смена социокоммуникативных регистров» и 403 «смена профессионального кода». Показатели их активности мы используем при установлении специфики активизации и лингвокреативной продуктивности параметров лингвокреативности-2 и последующем выявлении лингвокреативных технологий ее реализации в дискурсах.

2. Специфика активизации и лингвокреативной продуктивности двух параметров лексического уровня в кинодискурсе и дискурсе детской литературы

2.1. Параметр «смена социокоммуникативных регистров»

Специфика активизации лингвокреативного параметра «смена социокоммуникативных регистров» определяется количеством переключений такого рода регистров как социальных подъязыков коммуникативного взаимодействия, выбор которых обусловлен прагматическими установками дискурса (о понятии и типологиях регистров см., например, в: [Ревзина, 2014; Ратмайр, 2020; Viber, 1995]). Такая смена наблюдается при трансформации характера коммуникативного взаимодействия и сопровождается изменениями в фор-

мах социального общения, или изменениями с исходного (основного, базового) регистра дискурса на иной регистр под влиянием установок дискурса. В ходе анализа мы установили, что исходными социокоммуникативными регистрами для обоих типов дискурса являются нейтрально-разговорный и нейтрально-официальный, что обусловлено общими типами социокоммуникативных установок (сходные состав участников, характер общения, предметные области коммуникации). При этом переключения в обоих случаях осуществляются на возвышенно-официальный (институциональный, формальный) регистр как более высокий и на неформальный (дружески-разговорный) и сниженный (сниженно-разговорный и сниженно-бытовой) регистры как более низкие.

Проведенный контрастивный анализ кинодискурса и дискурса детской литературы позволяет говорить о значительной вариативности в активизации данного параметра. Количество обнаруженных переключений регистра в дискурсе детской литературы в 6,3 раза выше, чем в кинодискурсе. В ходе анализа были также выявлены случаи переключения на каждый из указанных выше типов регистров. Сводные данные об этом см. в таблице 3.

В результате анализа материала было проведено разграничение между некреативным и креативным использованием социокоммуникативных регистров.

К некреативным относятся такие переключения регистров, которые не сопровождаются социокоммуникативным диссонансом² – искажением в способах представления ролей, ситуации или формата дискурса, при котором актуализируется прагматическая установка дискурса в целом (в исследуемом материале – демонстрация комического). В качестве примера некреативной смены коммуникативных регистров приведем следующий контекст детского рассказа:

(3) – Смотри, **Юрка**, – испуганно сказала Галя, – она не красная, а какая-то оранжевая! (д/р «Разноцветная история»).

В данном фрагменте демонстрируется смена коммуникативных регистров с переключением на сниженно-разговорный регистр при использовании сниженного-разговорного вари-

Таблица 3. Количественная характеристика параметра «смена социокоммуникативных регистров» в кинокомедиях и в детских юмористических рассказах

Table 3. Quantitative characteristics of the “socio-communicative register shifts” parameters in comedy films and children’s humorous stories

Тип дискурса	Количество случаев активизации параметра	Количество переключений регистров разных типов, %			
		Возвышенно-официальный	Неформальный	Сниженно-разговорный	Бытовой
Кинодискурс	58	41	19	40	0
Дискурс детской литературы	365	28	68	2	2

анта имени Юра – *Юрка*. При этом не создается новой социокоммуникативной роли ребенка (Юры или Гали), не трансформируется ситуация коммуникации (дружески неформальное общение между близкими родственниками-детьми), не меняется формат дискурса (диалог в разговорном регистре).

Креативными являются переключения, в которых происходит искажение в способах представления ролей, ситуации или формата дискурса, обнаруживающиеся в использовании соответствующих *технологий лингвокреативного переключения коммуникативных регистров*. В результате реализуются особые прагматические интенции дискурса, проявляющиеся в создании условий для актуализации его комического потенциала.

Так, в контексте (4) комический эффект достигается за счет искажения в представлении исходной социокоммуникативной ситуации – ситуации социальной опасности, возникшей в результате пожара:

(4) [Телефонный звонок в пожарную службу]: «**Будьте любезны. Не откажите в любезности**, пришлите, **пожалуйста**, хотя бы одну пожарную команду» (к/ф «Семь нянек»).

Здесь наблюдается рассогласование двух коммуникативных ситуаций комплексного типа: чрезвычайной ситуации (пожар), для которой характерен определенный формат реплик коммуникантов (краткие реплики, не осложненные обращениями, вводными словами, фатическими формами), и ситуации формальной фатической коммуникации с типичными контактоустанавливающими формами: *Будьте любезны, Не откажите в любезности и пожалуйста*.

Та же технология лингвокреативного переключения социокоммуникативных регистров

на уровне коммуникативных ситуаций в дискурсе детской литературы может быть проиллюстрирована следующим контекстом:

(5) «Что ты на это скажешь, Семин?» – победоносно спросил директор моего школьного товарища. «Он **врет!**» – ответил Семин (д/р «А Воробьев стекло не выбивал»).

В данном примере переключение на сниженно-разговорный регистр при использовании сниженного слова *врет* трансформирует структуру социокоммуникативной ситуации – официальное общение директора с учениками в кабинете директора «становится» неформальным, что не согласуется с нормами дискурсивно-прагматического конструирования ситуаций такого типа и в рассмотренном случае создает комический эффект.

Результаты анализа переключений показали, что для дискурса детской литературы более востребованной является лингвокреативная технология переключения коммуникативных регистров на уровне социальных ролей (39 случаев). Новая коммуникативная роль чаще реализуется при переключении на регистр более высокого порядка. Так, в примере (6) приведена ситуация, в которой один подросток Боря рассказывает другому, как он звонит своему товарищу, члену географического кружка:

(6) Звоню как-то Димке Тузикову по телефону: «Почему **не явился** на занятия **по добыванию** огня трением?» (д/р «Райкины пленники»)

Здесь используются лексические единицы, демонстрирующие переход с нейтрального регистра на официальный, что позволяет Боре создать новую социокоммуникативную роль начальника или руководителя, которым он

не является. Это и становится причиной возникновения комического эффекта в рассказе.

В целом социокоммуникативный диссонанс обнаружен в 17 примерах кинодискурса и 51 примере дискурса детской литературы, что составляет 30 % и 14 % от всех случаев использования смены регистров в рассматриваемых типах дискурса соответственно. При этом в кинодискурсе наибольшую активность демонстрирует лингвокреативная технология переключения регистров на уровне коммуникативных ситуаций, вызывающая социокоммуникативный диссонанс (10 случаев). Как мы полагаем, это обусловлено тем, что данная лингвокреативная технология представляет эффективный способ стимулирования прагматики кинодискурса без необходимости вводить новую сцену в кинофильм. Превалирование переключений на уровне социальных ролей в дискурсе детской литературы может быть связано с тем, что ребенку как адресату такого дискурса легче придумать для себя или другого новую социальную роль, чем конструировать целую коммуникативную ситуацию; при этом новая роль в подавляющем большинстве случаев связана с использованием регистра более высокого порядка.

2.2. Параметр «смена профессионального кода»

Специфика активизации лингвокреативного параметра «смена профессионального кода» определяется количеством ввода в анализируемое произведение (кинокомедию или юмористический рассказ) термина определенной предметной области (например, медицинских, исторических, социологических, юридических и других терминов). Большая активность параметра «смена профессионального кода» обнаруживается в кинодискурсе по

сравнению с дискурсом детской литературы. Примечательно, что в отличие от анализируемых кинокомедий для детских юмористических рассказов характерно повторное терминопотребление. Данный факт свидетельствует как о большей терминологической насыщенности кинопроизведений, так и о большем разнообразии терминов, используемых для построения фикциональной реальности кинодискурса. При этом повторные терминопотребления как в детских юмористических рассказах, так и в кинокомедиях вызваны особенностями композиционного развития их сюжета и в ряде случаев могут обретать статус художественных средств выражения комического и усиливать лингвокреативный потенциал произведения. Сводные данные о параметре лингвокреативности «смена профессионального кода» представлены в таблице 4.

Специфика активизации параметра «смена профессионального кода» определяется и характером вводимого термина как более общего и употребительного не только в профессиональном узусе или, напротив, как узкоспециализированного, ассоциированного прежде всего с конкретной профессиональной или научной областью. В ходе исследования было обнаружено 253 случая использования узкоспециализированных терминов в кинодискурсе и 92 случая – в дискурсе детской литературы. Введение узкоспециализированной терминологии в кинокомедии и детские юмористические рассказы является более значимым с лингвокреативной точки зрения феноменом, ее лингвокреативная продуктивность представляет особый интерес.

Изучение всех установленных случаев ввода терминологической единицы в анализируемые кинокомедии и детские юмористические рассказы позволило разграничить их некреативное и креативное использование.

Таблица 4. Количественная характеристика параметра «смена профессионального кода» в кинокомедиях и в детских юмористических рассказах

Table 4. Quantitative characteristics of the “professional code shifts” parameters in comedy films and children’s humorous stories

Тип дискурса	Количество случаев активизации параметра	Количество случаев повторного ввода термина, %
Кинодискурс	1 060	49
Дискурс детской литературы	843	61

Некреативным является такое терминопотребление, при котором термин сохраняет свою форму и значение и служит главным образом целям передачи фактуальной информации в кинодискурсе и дискурсе детской литературы. В качестве примера некреативных терминопотреблений приведем следующие контексты:

(7) «Ребята, **фокусы**, **художественная пирамида**, **пантомима** – все годится» (к/ф «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»);

(8) Но он подумал, как будет глупо, если он не попадет к **профессору** и на **заседание кружка** (д/р «Райкины пленники»).

В контекстах (7) и (8) термины используются в основных терминологических значениях и не подвергаются ни структурным, ни семантическим, ни функционально-прагматическим изменениям.

К креативным терминопотреблениям относятся случаи неконвенционального использования термина, которое осуществляется с помощью определенных лингвокреативных технологий (подробно см.: [Зыкова, 2021]). В рассматриваемом материале применяются следующие основные **лингвокреативные технологии использования терминов**: тропеизация, фразеологизация, окказиональное (креативное) дефинирование, неологизация, креативный трансфер и поэтизация терминов, а также детерминологизация и активизация или развитие многозначности. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Одной из наиболее часто применяемых в обоих типах дискурса является лингвокреативная технология тропеизации – комплексный процесс образного осмысления термина, приводящий к развитию неконвенционального (окказионального, неологического) значения и формированию креативного тропа (креативной метафоры, креативного сравнения, креативной метонимии и др.) или сложной тропеической структуры, имеющей несколько тропеических проекций. Сравним в качестве примера контексты, в которых образуются следующие креативные метафоры:

(9) Будем достойными **спутниками семилетки**! (к/ф «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»);

(10) Толстое, шершавое, как бы покрытое морозным инеем, стекло в дверях директорского кабинета оказалось разбитым. И напоминало **броню**, пробитую **снарядом** (д/р «А Воробьев стекло не выбивал»).

В контексте (9) креативная метафора *достойные спутники семилетки* создается посредством развития окказиональных переносных значений у терминов *спутник* и *семилетка*. На базе термина *спутник* – ‘космический аппарат, запускаемый с различными целями’ (БПЭ), ‘тело (обычно меньшей массы), связанное с объектом силами тяготения и движущееся вместе с ним в космическом пространстве’ (БЭС), входящего в терминосистему космонавтики и астрономии, формируется образное представление о семилетнем плане развития народного хозяйства (то есть о *семилетке*) как о событии космического или планетарного масштаба и вселенской значимости. Креативный характер метафоры усиливается за счет гиперболизации важности выполнения плановой экономической программы, а также посредством неконвенционального использования по отношению к термину *спутник* адъектива *достойный*, то есть ‘заслуживающий похвалы’, ‘обладающий высокими нравственными качествами’ (ТСРЯ), которое приводит к олицетворению и придает выражению в целом оксюморонный оттенок. В контексте (10) военные термины *броня* и *снаряд* служат основой построения креативной метафоры, направленной на отождествление локального школьного инцидента – разбитого стекла в кабинете директора, который квалифицируется юридически как мелкое хулиганство, с серьезным (масштабным) разрушением, вызванным применением мощного боевого орудия в ходе военной операции. Как и в контексте (9), гиперболизация школьного события-происшествия до уровня боевого действия за счет использования указанных терминов усиливает креативность метафоры и способствует формированию сложной тропеической структуры, делающей данный сегмент дискурса более выраженным и релевантным с лингвокреативной точки зрения. В обоих контекстах применение лингвокреативной технологии тропеизации терминов производит комический эффект.

Помимо тропеизации распространенными в обоих типах дискурса являются такие лингвокреативные технологии, как детерминологизация, развитие или активизация многозначности и креативный трансфер (подробно см.: [Зыкова, 2021]). Редко применяются такие лингвокреативные технологии, как фразеологизация, окказиональное (креативное) дефинирование, неологизация и поэтизация терминов. В качестве примера приведем контексты, демонстрирующие фразеологизацию и окказиональное дефинирование терминов:

(11) Нельзя меня выгонять. Оставьте меня! Я буду **в планетарий ходить** (к/ф «Семь нянек»);

(12) Нас двое у родителей, я и моя сестра Галя, но мама говорит, что мы стоим добрых десяти. Мама никогда не оставляет нас дома одних, потому что тогда я обязательно что-нибудь придумаю и сделаю Галю соучастницей. Папа называет это **цепной реакцией** (д/р «Разноцветная история»).

В контексте (11) термин *планетарий* используется в составе выражения *ходить в планетарий*. В кинокомедии данное выражение обретает ряд основных категориальных признаков фразеологической единицы – раздельнооформленность, устойчивость, воспроизводимость и образное значение ‘заниматься благородным и полезным делом, встать на путь исправления’, что делает возможным квалифицировать данное выражение как авторский фразеологизм. Внимания заслуживает и модифицированная форма данного неофразеологизма, созданная посредством нарушения порядка расположения его структурных компонентов, что усиливает степень реализации креативных возможностей языковой системы. Под окказиональным дефинированием мы понимаем специфический способ свободной (упрощенной / усложненной) интерпретации термина героями произведения или его автором, в ходе которой он обретает новые, оригинальные смыслы, возможно прямо противоположные его конвенциональному пониманию или (существенно) искажающие его. В контексте (12) специфика окказионального дефинирования термина *цепная реакция* заключается в симплификации и на ее основе искажении его терминологического значения, сопровождающихся развитием новых субъективно-

оценочных смыслов. Примечателен и сам принцип построения дефиниции – от приведения примера (то есть экземплификации) дефинируемого феномена к указанию автора такой его трактовки. В приведенных контекстах применение двух анализируемых лингвокреативных технологий придает (едко-)иронический или шуточный оттенок речи персонажей.

Помимо установленных основных лингвокреативных технологий, были выявлены единичные случаи применения других способов окказионального использования терминов в анализируемых кинокомедиях и юмористических рассказах, например окказиональные словообразовательные модификации, грамматические искажения и др.

Кроме того, согласно проведенному анализу, одним из специфических способов реализации креативного потенциала терминологии, свойственного кинодискурсу, является создание на базе термина кинематографического тропа. Одним из примеров такого креативного терминопотребления служит кинематографическая метафора «человек – животное», основанная на использовании терминов биологии (*человек, люди, обезьяна*) для своеобразного представления в кинофильме (с дидактической целью) видовых различий живых существ, сопровождающегося креативным трансфером, то есть переводом термина *люди* в область социологии (ср.: *люди > рабочие люди – рабочий класс*), в следующем контексте:

(13) «Работать не хочешь. Значит, ты не **человек?! Значит, ты обезьяна**. Тогда иди в **зоопарк** в свободную **клетку**. А здесь **люди** живут, **рабочие люди**» (к/ф «Семь нянек»).

В контексте (13) произносимый одним из киноперсонажей текст поддерживается визуальным рядом, изображающим неадекватное (дикое) поведение трудного подростка Афанасия, не желающего идти на работу. То, как ведет себя Афанасий, напоминает повадки обезьян. В созданной на базе рассматриваемых терминов кинометафоре синтезируются в юмористическом ключе две теории происхождения человека – эволюционная теория происхождения человека Чарльза Дарвина, основанная на родстве человека и человекообразных обезьян, и трудовая теория происхождения человека

Фридриха Энгельса. В приведенном контексте в таком поликодовом и мультимодальном обыгрывании комичности ситуации негативного отношения подростка к работе легко угадывается пропагандирование второй теории, отражающей идеологию советского общества, и акцентирование идеи о том, что «только труд делает человека человеком».

В целом сопоставительный анализ лингвокреативной продуктивности параметра «смена профессионального кода» позволяет сделать вывод о равноценной лингвокреативной значимости данного параметра в обоих исследуемых типах дискурса. Как в кинодискурсе, так и в дискурсе детской литературы лингвокреативное терминопотребление направлено на решение ключевой прагматической задачи – выражение категории комического – и достигается в подавляющем большинстве установленных случаев в результате изменения семантического и/или функционального плана терминов посредством разнообразных лингвокреативных технологий.

Заключение

В работе на материале двух дискурсов – кинодискурса и дискурса детской литературы – апробирована единая методология изучения дискурсивной лингвокреативности, позволяющая провести сравнение лингвокреативного потенциала дискурсов посредством установленного набора фонологических, морфологических, словообразовательных, лексических, синтаксических и орфографических параметров. Реализованное исследование показало, что применение метода контрастивного параметрического анализа дискурсивной лингвокреативности, предполагающего осуществление ряда последовательных этапов, решает задачу установления специфических характеристик лингвокреативности как универсальной языковой категории, так и категории дискурсивно специфической. Для этого разработана методика определения объема языкового материала, достаточного для получения валидных результатов контрастивного изучения лингвокреативности типологически разных дискурсов. Параметрический анализ лингвокреативности позволил разграничить некреативные и креативные языковые явления в двух дискурсах с опорой на критерий прагматической реле-

вантности введения параметра, предусматривающий установление языковых употреблений, нацеленных и не нацеленных на выражение прагматической категории комического. На материале двух параметров лексического уровня – «смена социокоммуникативных регистров» и «смена профессионального кода» – показана реализация данного критерия при установлении дискурсивно лингвокреативных технологий использования универсальных параметров лингвокреативности. Благодаря тому, что привлекаемые к анализу параметры демонстрируют универсальный языковой характер, а распределение их активности и особенности их прагматической реализации являются дискурсивно специфическими, предложенная методология может быть применена для проведения контрастивного анализа с целью фиксации специфических реализаций лингвокреативности в иных типах дискурса со сходными и различающимися дискурсивно-прагматическими установками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке» № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

The research is financially supported by the Russian Science Foundation (The project “Parametrization of linguistic creativity in discourse and language” № 19-18-00040) and is carried out in the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

² О сходных явлениях когнитивного диссонанса см.: [Демьянков, 2011; Ирисханова, 2016].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гак В. Г., 2016. Языковые преобразования : Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. М. : ЛИБРОКОМ. 408 с.
- Демьянков В. З., 2011. Когнитивный диссонанс: когнитивная языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. Вып. 9. С. 33–40.
- Зыкова И. В., 2021. Термины как триггеры лингвистической креативности в комедийном кинодискурсе // Когнитивные исследования языка. № 44. С. 242–250.
- Зыкова И. В., Киосе М. И., 2020. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте : Кинодискурс vs. дискурс

- детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 26–40. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-26-40.
- Ильясова С. В., Амири Л. П., 2018. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М. : Флинта : Наука. 296 с.
- Ирисханова О. К., 2016. Социальное искажение при конструировании событий и объектов природы: галантные вороны и самоотверженные моллюски // Вопросы когнитивной лингвистики. № 46. С. 5–12.
- Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста, 1990 : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука. 278 с.
- Радбиль Т. Б., 2012. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М. : Флинта. 322 с.
- Ратмайр Р., 2020. Стратегии снятия или смягчения конфликта: потенциал речевого акта извинения в аспекте межкультурной прагматики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 1. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.1>.
- Ревзина О. Г., 2014. Стилистическая система русского языка в динамическом аспекте // Язык, литература, культура. Вып. 10. С. 23–36.
- Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность : Лингвистика креатива, 2020. Вып. 2 (29). 316 с.
- Benczes R., 2006. Creative Compounding in English. Amsterdam : John Benjamins. 206 p.
- Biber D., 1995. Dimensions of Register Variation: A Cross-Linguistic Comparison. Cambridge : Cambridge University Press. 428 p.
- Dancygier B., Sweetser E., 2014. Figurative Language. Cambridge : Cambridge University Press. 242 p.
- Lundmark C., 2005. Metaphor and Creativity in British Magazine Advertising. Lulee : Lulee University of Technology. 215 p.
- Piata A., 2018. The Poetics of Time – Metaphors and Blends in Language and Literature. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing House. 206 p.
- Vega Moreno R., 2007. Creativity and Convention: The Pragmatics of Everyday Figurative Speech. Amsterdam : John Benjamins. 249 p.
- СЛОВАРИ**
- БПЭ – Большая политехническая энциклопедия / сост. В. Д. Рязанцев. М. : Мир и образование, 2011. 704 с.
- БЭС – Большой энциклопедический словарь. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/279526> (дата обращения: 28.01.2021).
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1120> (дата обращения: 12.01.2021).
- Шведова, Ожегов – Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой, С. И. Ожегова. М. : АЗЪ, 1992. 960 с.

REFERENCES

- Gak V.G., 2016. *Yazykovye preobrazovaniya: Vidy yazykovykh preobrazovaniy. Faktory i sfery realizatsii yazykovykh preobrazovaniy* [Linguistic Modifications: Types of Linguistic Modifications. Factors and Spheres of Realization of Linguistic Modifications]. Moscow, LIBROKOM Publ. 408 p.
- Demyankov V.Z., 2011. Kognitivnyy dissonans: kognitsiya yazykovaya i vneyazykovaya [Cognitive Dissonance: Linguistic and Non-Linguistic Cognition]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], iss. 9, pp. 33–40.
- Zykova I.V., 2021. Terminy kak triggery lingvisticheskoy kreativnosti v komediynom kinodiskurse [Terms As Triggers of Linguistic Creativity in Cinematic Comedies]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 44, pp. 242–250.
- Zykova I.V., Kiose M.I., 2020. Parametrizatsiya lingvisticheskoy kreativnosti v mezhdiskursivnom aspekte: Kinodiskurs vs. diskurs detskoj literatury [Linguistic Creativity Parametrization in Contrasting Discourse Types: Cinematic Discourse vs. Discourse of Children's Literature]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 2, pp. 26–40. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-26-40.
- Ilyasova S.V., Amiri L.P., 2018. *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy* [Language Game in the Space of Media and Advertising]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 296 p.
- Iriskhanova O.K., 2016. Socialnoe iskazhenie pri konstruirovaniy sobytiiy i obyektov prirody: galantnye vorony i samootverzhennyye molljuski [Social Bias in the Construal of Natural Objects and Events: Courteous Crows and Selfless Cephalopods]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 46, pp. 5–12.
- Arutunova N.D., ed., 1990. *Logicheskij analiz yazyka: protivorechivost i anomalnost teksta: sb. nauch. tr.* [Logical Studies of Language: Disanalogies and Anomalies. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Nauka Publ. 278 p.

- Radbil T.B., 2012. *Yazykovye anomalii v hudozhestvennom tekste: AndreY Platonov i drugie* [Language Anomalies in Fiction: Andrey Platonov and Others]. Moscow, Flinta Publ. 322 p.
- Rathmayr P., 2020. Strategii snyatiya ili smyagcheniya konflikta: potentsial rechevogo akta izvineniya v aspekte mezhkul'turnoy pragmatiki [Strategies of Conflict Resolution and Mitigation: The Potential of the Speech Act of Apologizing in the Perspective of Intercultural Pragmatics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 1, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.1>.
- Revzina O.G., 2014. Stilisticheskaya sistema russkogo yazyka v dinamicheskom aspekte [Stylistic System of Russian in Dynamic Aspect]. *Yazyk, literatura, kultura* [Language, Literature, Culture], iss. 10, pp. 23-36.
- Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost: Lingvistika kreativa* [Ural Philology Vestnik. Language. System. Personality. Linguistics of Creative], 2020, iss. 2 (29). 316 p.
- Benczes R., 2006. *Creative Compounding in English*. Amsterdam, John Benjamins. 206 p.
- Biber D., 1995. *Dimensions of Register Variation: A Cross-Linguistic Comparison*. Cambridge, Cambridge University Press. 428 p.
- Dancygier B., Sweetser E., eds., 2014. *Figurative Language*. Cambridge, Cambridge University Press. 242 p.
- Lundmark C., 2005. *Metaphor and Creativity in British Magazine Advertising*. Lulee, Lulee University of Technology. 215 p.
- Piata A., 2018. *The Poetics of Time – Metaphors and Blends in Language and Literature*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing House. 206 p.
- Vega Moreno R., 2007. *Creativity and Convention: The Pragmatics of Everyday Figurative Speech*. Amsterdam, John Benjamins. 249 p.

DICTIONARIES

- Ryazantsev V.D., ed. *Bolshaya politehnicheskaya yenciklopediya* [Large Polytechnic Encyclopedia]. Moscow, Mir and obrazovanie Publ., 2011. 704 p.
- Bolshoy yentsiklopedicheskiy slovar* [Large Encyclopedic Dictionary], 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/279526> (accessed 28 January 2021).
- Dmitriev D.V., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language], 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1120> (accessed 12 January 2021).
- Shvedova N.Yu., Ozhegov S.I., eds. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, AZ Publ., 1992. 960 p.

Information About the Authors

Irina V. Zykova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoi Kislovsky Lane, 1/1, 125009 Moscow, Russia, irina_zykova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0430-7769>

Mariya I. Kiiose, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38/1, 119034 Moscow, Russia, maria_kiiose@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7215-0604>

Информация об авторах

Ирина Владимировна Зыкова, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, пер. Большой Кисловский, 1/1, 125009 г. Москва, Россия, irina_zykova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0430-7769>

Мария Ивановна Киосе, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38/1, 119034 г. Москва, Россия, maria_kiiose@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7215-0604>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.5>

UDC 81'42:159.942
LBC 81.055.1

Submitted: 10.05.2021
Accepted: 30.09.2021

VOCABULARY OF EMOTIONS IN HAGIOGRAPHIES FOR CHILDREN: FUNCTIONAL ASPECT

Evgeniya G. Dmitrieva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of linguistic originality of hagiographic texts for children regarded as a special branch of hagiographic genre, which communicates to the new generation culturally significant senses and values of the ethnic group, with the emphasis on the concept of a religious and moral ideal. The source of the language material was collections of hagiographies for children. The author focuses on lexical units that nominate and describe emotional experiences. The features determining the use of units of this lexical set for the creation of texts that consider children's reading experience are established. It is shown that the specificity of using the vocabulary of emotions in a hagiographic text is determined by its functional load: its usage as a means of characterization (characterological function), the basics of compositional text formation (text-building function), the implementation of the educational orientation of the hagiographic text (didactic function). The vocabulary of emotions is an important means of creating imagery based on metaphorical and metonymic shifts, which contributes to the adaptation of the text to the age and cultural demands of the children's readership. The consideration of functional and stylistic originality of lexemes, their heterogeneity, mixing of bookish and colloquial words has enabled the author to trace transformation processes in hagiographic genre, which are characteristic of modern hagiographic texts.

Key words: hagiographies for children, vocabulary of emotions, characterological function, text-building function, didactic function, adaptation.

Citation. Dmitrieva E.G. Vocabulary of Emotions in Hagiographies for Children: Functional Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 56-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.5>

УДК 81'42:159.942
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 10.05.2021
Дата принятия статьи: 30.09.2021

ЛЕКСИКА ЭМОЦИЙ В ЖИТИЯХ СВЯТЫХ ДЛЯ ДЕТЕЙ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме языкового своеобразия агиографических текстов для детей, формирующих особое направление развития житийного жанра, транслирующего для нового поколения культурно значимые смыслы и ценностные ориентиры этноса, центральным из которых является понятие религиозно-нравственного идеала. Источником языкового материала послужили сборники житий для детей. В центре внимания автора находятся лексические единицы, называющие и описывающие эмоциональные переживания. Установлены особенности, определяющие употребление единиц данного лексического множества для создания текстов, ориентированных на детский читательский опыт. Показано, что специфика лексики эмоций в агиографическом тексте задается ее функциональной нагрузкой: использованием как средства характеристики (характерологическая функция), как основы композиционного построения текста (текстообразующая функция), как реализации просветительской направленности житийного текста (дидактическая функция). Лексика эмоций является важным средством создания образности на основе метафорических и метонимических переносов, что способствует адаптации текста к возрастным и культурным по-

требностям детской читательской аудитории. Учет функционально-стилевого своеобразия лексем позволил увидеть в их неоднородности, смешении книжных и разговорных, просторечных слов отражение процессов трансформации житийного жанра, свойственных современным агиографическим текстам.

Ключевые слова: жития для детей, лексика эмоций, характерологическая функция, текстообразующая функция, дидактическая функция, адаптация.

Цитирование. Дмитриева Е. Г. Лексика эмоций в житиях святых для детей: функциональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 56–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.5>

Введение

Изучение агиографических произведений для детей как отдельного, обширного пласта детской литературы представляет значительный интерес, поскольку позволяет проследить эволюцию житийного жанра на отечественной почве, тенденции развития языка и стиля русской агиографии в целом, механизмы творческой адаптации житийного материала, обусловленной учетом возрастных особенностей восприятия и потребностей читателя.

Ученые-литературоведы обращают внимание на неоднородность современных агиографических произведений для детей в жанровом отношении и связывают ее с перерывом в агиографической традиции, усилением авторского начала, ориентацией на современного читателя и его культурный опыт.

Поскольку жития для детей предназначены для особой аудитории, встает вопрос: являются ли эти произведения адаптированными текстами? При этом под адаптированным текстом понимается «вторичный текст, созданный для читателей, которые по каким-то причинам не могут понять текст-источник» [Первухина, 2014, с. 98]. Отмечая, что трансформирование оригинального текста во вторичный вариант – это путь компрессии и адаптации, А.В. Брыгина противопоставляет эти типы преобразований по целевому назначению: цель текстовой компрессии – «кратко изложить основное содержание, основную идею текста-оригинала» [Брыгина, 2005, с. 4]; адаптации – «донести до читателя максимум информации, заложенной в оригинальном тексте, которую он способен воспринять» [Брыгина, 2005, с. 4].

Наличие определенного прототипа – первичного текста, или прототекста, – исследователи называют одним из важнейших качеств вторичного текста [Ионова, 2006, с. 69].

Применительно к житиям для детей таких прототекстов может быть несколько: жизнеописание одного святого часто посвящен ряд текстов, не только отличающихся степенью подробности описания, но и подчас противоречащих друг другу в отдельных деталях.

Опираясь на связи современных агиографических произведений для детей с прототекстами, Е.К. Макаренко предложила типологию, выделив: жития, восходящие к четьюминой традиции; жития, ориентированные на проложную традицию; жития, строящиеся на основе традиций патерика и позднего Пролога; жития, соотносящиеся со светскими жанрами мемуарной и биографической прозы; жития, построенные как «текст в тексте» (назидательный рассказ с вымышленной сюжетной канвой, в которую вставлена история жизни святого) [Макаренко, 2015, с. 159–163].

Таким образом, жития для детей представляют собой интереснейший материал для филологического анализа, и если их литературоведческие характеристики нашли отражение в работах исследователей, то особенности функционирования языковых единиц в данных текстах еще не становились предметом специального рассмотрения.

Материал и методы

В качестве источника языкового материала были использованы сборники житий для детей, построенные по принципу Четий миной и объединяющие повествования о наиболее почитаемых византийских и русских подвижниках веры: «Жития святых для детей», составленные протоиреем Виктором Ильенко (книга включает избранные жития, которые впервые публиковались отдельными выпусками в 1950–1960-е гг. в Лос-Анджелесе), и «Святцы для детей. Избранные жития святых» Т. Коршуновой и М. Тряпкиной (2017).

Названия книг указывают как на жанровую природу текстов, так и на их предполагаемого адресата.

В центре нашего внимания находится лексика эмоций, понимаемая как совокупность лексем, служащих для обозначения и описания эмоций и чувств и их внешних проявлений. Реконструкция семантической структуры единиц, входящих в данное лексическое множество, позволила выделить их значимые семантические признаки, к которым прежде всего относятся 'эмоциональное переживание' (маркер принадлежности к группе эмотивов), 'характер эмоции' (положительная / отрицательная / нейтральная), 'интенсивность эмоционального переживания' (высокая / средняя / низкая) [Горбань и др., 2015, с. 188], 'оценка эмоционального переживания' (поощряемое / непоощряемое / амбивалентное).

Названные семантические признаки могут быть выделены в семантике любого члена данного множества и играют существенную роль при выборе той или иной лексемы автором жития.

Исследование нацелено на выявление функций, реализующихся лексикой эмоций (см. подробнее: [Дмитриева, 2020]) как средством передачи представлений о культурно значимых ценностях, и проведено с опорой на положения комплексного подхода, сформулированные в трудах С.П. Лопушанской: языковой факт рассматривается с учетом совокупности системных и функциональных, парадигматических и синтагматических характеристик слова, взаимосвязи языка и мышления [Лопушанская, 1987; 1996; 1998]. В качестве основных в работе использованы методы компонентного, контекстуального и лингвокультурного анализа.

Результаты и обсуждение

Дидактическая функция лексики эмоций

В центре внимания автора любого жития лежит представление о религиозно-нравственном идеале (подробнее о термине см.: [Дмитриева, 2018, с. 66]), воплощением которого и является подвижник. С этим связана особая дидактическая направленность

агиографического текста. Воспринимая этот идеал, ребенок приобщается к культурным ценностям и традициям своего народа, определяющим национально-культурную идентичность. Сложность задачи, которая решается создателем агиографического текста для детей, состоит в том, чтобы объяснить маленькому читателю суть таких сложных понятий, как нравственный идеал и святость, на примере конкретных поступков, достойных подражания. Воспитательная направленность детской житийной литературы обеспечивается тем, что следование указанным образцам подается как норма жизни. При этом особое внимание уделяется созданию атмосферы личной причастности ребенка открывающемуся перед ним новому миру:

(1) Все святые были когда-то простыми людьми. И жили они, как и мы, на земле (СД, с. 7);

(2) Святые могут стать нам настоящими друзьями (СД, с. 8).

Важное место при характеристике святых уделяется эмоциональному плану:

(3) Святые тоже ошибались и даже грешили. Но обязательно каялись и очень старались очистить душу. Не унывали и просили Бога помочь исправиться. И как самое большое богатство возвращали в своей душе любовь (СД, с. 7).

В приведенном контексте лексемы *унывать* «впадать в безнадежную печаль, гнетущую скуку» (ТСРЯ, с. 1029) и *любовь* «чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности» (ТСРЯ, с. 421) указывают спасительный путь.

Лексика эмоций, реализуя дидактическую функцию, играет важную роль в приобщении ребенка к открывающемуся перед ним новому миру, формирует необходимые модели поведения и закрепляет ценностные ориентиры.

Характерологическая функция лексики эмоций

Обращение к описанию чувств позволяет автору сделать образ подвижника ближе и понятнее маленьким читателям. Значимыми при выборе лексем оказываются характер эмоции (положительная / отрицательная / ней-

тральная), оценка эмоционального переживания (поощряемое / непоощряемое / амбивалентное) и «статус» описываемого лица (святой / не святой).

Абстрактные значения, присущие лексике эмоций, не всегда понятны детям. Возможно, этим фактом объясняется использование метафорических и метонимических переносов. Так, метафорическое описание чувств может строиться на их сравнении с огнем:

(4) Услышав эти слова, князь Александр разгорелся сердцем (ЖСД, с. 79).

В приведенном контексте описывается эмоциональная реакция святого на слова захватчика, бросившего ему вызов. Глагол *разгореться*, то есть «начать сильно гореть» (ТСРЯ, с. 793), где *гореть* «испытывать какое-н. сильное чувство; существовать, проявляться (о таком чувстве)» (ТСРЯ, с. 162), употреблен в переносном значении и на конкретное чувство не указывает. Более определенные указания на чувства находим в следующих контекстах:

(5) Варвара услаждалась сердцем и горела любовью ко Христу... (ЖСД, с. 125);

(6) Потом... еще больше разгорелась Божией любовью... (ЖСД, с. 125);

(7) Постепенно в ее сердце разгорелся огонь Божественной любви... (ЖСД, с. 123).

С огнем могут сравниваться не только положительные, но и отрицательные чувства – гнев, ярость:

(8) Ехать к хану, когда тот пылал яростью, значило самому идти на смерть (ЖСД, с. 94);

Эмоциональные переживания могут уподобляться вкусовым ощущениям: глаголы *услаждаться* и *наслаждаться* (*наслаждаться*) имеют значение «испытать высшую степень удовольствия» (ТСРЯ, с. 494) и этимологически связаны с прилагательным *сладкий*:

(9) Услышав все это, Варвара услаждалась сердцем... (ЖСД, с. 125);

(10) И тогда они слышат там слово Златоуста: «Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего доброго и светлого торжества!» (ЖСД, с. 49).

В работе Анны А. Зализняк наслаждение связывается с понятием удовольствия, что следует из словарного толкования: наслаждение обусловлено непосредственным впечатлением, которое почти не имеет в своей основе рациональной оценки, и, в отличие от удовольствия, относится к области высокого. Резюмируя, ученый пишет: «...во всех типах употребления глагол *наслаждаться*, как и существительное *наслаждение*, обозначает сильное (а иногда также “высокое”, то есть так или иначе не совсем “приличное”) чувство» [Зализняк, 2005, с. 174].

В православной традиции чувственная сфера связывается с сердцем, его называют «центральным органом чувств» [Святитель Лука, 1999, с. 33]. Метонимическая замена, когда сердце выступает номинацией человека, широко распространена в анализируемых текстах. Описание происходящего с сердцем призвано донести до читателя эмоциональные переживания человека. Так, особое внимание обращается на физическое состояние – биение, боль, сжатие сердца:

(11) Евфимия с благоговением взирала на святых, сердце ее трепетно билось (ЖСД, с. 72).

Существительное *благоговение* «глубочайшее почтение» (ТСРЯ, с. 47), сопровождаемое в словарях пометой «высокое», и наречие *трепетно*, связанное отношениями производности с прилагательным *трепетный* и существительным *трепет* «сильное волнение, напряженность чувств» (ТСРЯ, с. 998), имеющим помету «книжное», описывают происходящее во внутреннем мире героини.

(12) Радостно забилося сердце кн. Александра при этом рассказе... (ЖСД, с. 82).

Глагол *забиться*, имеющий основное значение «начать биться» (ТСРЯ, с. 239), конкретизируется наречием *радостно*, производным от прилагательного *радостный* «полный радости, веселья; выражающий радость» (ТСРЯ, с. 787).

(13) Диоскор же, жестокосердый отец Варвары, не только не болел сердцем, видя великие муки своей дочери, но не постыдился стать и ее палачом (ЖСД, с. 130).

Глагол *болеть* использован в переносном значении «сильно беспокоиться, постоянно тревожиться, остро переживая что-н.» (ТСРЯ, с. 54).

(14) Больно сжалось его сердце при виде своего бывшего господина в нищенском облике (ЖСД, с. 141).

Глагол *сжаться* «о чем-н. сдавливаемом, сжимаемом: плотно сдвинуться, уплотниться» употреблен в переносном значении – «об ощущении тоски, страха» (ТСРЯ, с. 878), отсылающем нас к чувству жалости.

Физическое состояние сердца часто выступает основой для метафор, описывающих внутренние переживания. При этом сердце выступает:

– вместилищем для чувств:

(15) ...Святая ощутила в сердце своем неизъяснимую радость (ЖСД, с. 128);

– жидкостью, которая может кипеть (16) или застывать, а потом таять (17):

(16) София едва могла дождаться конца фразы: сердце ее кипело гневом на лжеца и клятвопреступника (ЖСД, с. 75);

(17) При этом рассказе сердце Софии таяло от жалости... (ЖСД, с. 73).

Сердце – средоточие эмоционально-чувственной жизни человека, вместилище любви, тоски, веры, страха и т. д. По представлениям славян, в сердце или рядом с ним локализуется душа. Впрочем, сердце иногда противопоставляется душе. Сердце становится синонимом характера, а также метонимически означает самого человека [Агапкина, Кабакова, Топорков, 2012, с. 258–260].

В таком случае сердце само приобретает способность чувствовать, переживать эмоции:

(18) Но его сердце не озлобилось от страданий (ЖСД, с. 51);

(19) Но материнское сердце чуяло беду (ЖСД, с. 66).

Лексема *озлобиться* фиксируется в толковом словаре в значении «ожесточиться, стать злобным» (ТСРЯ, с. 560). Глагол *чуть* в зна-

чении «чувствовать, ощущать» относится к просторечным лексемам (ТСРЯ, с. 1099). В случае, когда субъект действия обозначен существительным *сердце*, в контексте речь идет о догадке, предчувствии чего-то недоброго.

Как отмечают исследователи, центральную роль в системе внутреннего мира современного человека играет душа, для древнерусской культуры подобную функцию выполняло сердце. Это отражается в текстах и определяется наибольшей частотностью употребления соответствующего имени, а также наиболее широким спектром функций, которые оно выполняет [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, с. 237].

Важно отметить, что «душа, как она представлена в языке, отвечает за различные психические процессы; сердце же понимается как материальная субстанция, “платформа” для души и связанных с ней явлений» [Зибров, 2011, с. 110]

Опираясь на данные языка, Е.В. Урысон называет душу и сердце органами чувств, а также органами предчувствий, то есть «органами, с помощью которых человек может интуитивно постигать то, что произойдет в будущем, а также то, что было в прошлом или происходит в настоящий момент» [Урысон, 2003, с. 22]. Раскрывая отличия души и сердца, исследователь связывает последнее с конкретными чувствами и желаниями, но не внутренним миром в целом, а также указывает на большую независимость этих чувств и желаний от конкретных внешних обстоятельств [Урысон, 2003, с. 24]. Сердце настолько неподвластно воле, что субъект может рассматривать его отчужденно [Урысон, 2003, с. 26].

Анализируя представления о духе, душе, сердце и уме, отраженные в древнерусских текстах XI–XII вв., А.А. Шайкин отмечает, что сердце – первое, к чему обращается Бог в составе человека; желая побудить человека к какому-либо действию, Бог «вкладывает ему в сердце»; общение с Богом в человеке главным образом осуществляет душа, однако душа утверждена в сердце, поскольку сердце – материальное вместилище души [Шайкин, 2015, с. 118–119]. Исследователь описывает сердце и душу в единстве («сердце-душа»), говоря об их общей референциальной сущности.

Рассмотренные метонимические переносы с лексемами *сердце* и *душа* показывают, насколько важным является для создателя жития эмоциональная сфера, поскольку наименование «центра чувств» становится обозначением человека, а человек характеризуется через свои эмоции.

Текстообразующая функция лексики эмоций

Выбранные нами сборники житий позволяют сделать наблюдения о разных подходах к адаптации агиографического текста, проявляющихся и в употреблении лексики эмоций. Сопоставим рассказ о святых мученицах Вере, Надежде, Любви и матери их Софии в интерпретации протоиерея Виктора Ильенко и соавторов Татьяны Коршуновой и Марии Тряпкиной.

Первое повествование более пространное. Оно следует житийному канону и содержит топоры благочестивых родителей, успехов в воспитании. В основной части главной героиней является София, сестры Вера, Надежда и Любовь получают обобщенное обозначение – дети. Автор показывает их отдельно только в заключительной части, в момент принятия мук, которые описаны очень подробно.

Особое внимание уделено описанию чувств. Ключевые действия героев всегда эмоционально окрашены и противопоставлены: при первой встрече с императором София и ее дочери спокойны, а он поражен; перед казнью София убеждает дочерей помнить о грядущих утешении и радости; во время казни девочки не боятся, а Адриан смущен, поражен, выведен из терпения.

Важное место занимает обращение Софии к детям, ее напутствие перед судом императора. Переданное как прямая речь, оно реализует воспитательные интенции автора:

(20) Не жалейте вашей красоты! Когда она будет отнята муками, Христос украсит вас небесной красотой (ЖСД, с. 6).

Эти слова косвенно свидетельствуют о том, что дети воспринимаются автором как «маленькие взрослые». Текст жития требует от читателей серьезной внутренней работы по

преодолению некоторой дистанции между современными представлениями и реалиями предшествующих эпох, по расширению культурного опыта.

Кроме того, язык произведения наполнен устаревшей, книжной лексикой, которая может затруднять восприятие текста. Обратимся к следующему контексту:

(21) София встала с детьми на молитву. Она молилась так: «Всесильный Боже, подаждь нам помощь Твою святую, да не уstraшитсЯ сердце наше гордого мучителя, да не ужаснемся мук и горькой смерти за имя Твое!» (ЖСД, с. 4).

Глагол *уstraшитсЯ* «испугаться, почувствовать страх перед кем-чем-н.» в словарях может сопровождаться пометой «книжное» (ТСРЯ, с. 1036), глагол *ужаснутсЯ* «прийти в ужас» (ТСРЯ, с. 1021) фиксируется как стилистически нейтральный. Однако глагол *уstraшитсЯ*, употребленный в прямом значении, предполагает наличие конкретного, одушевленного субъекта, в приведенном контексте субъект выражен существительным *сердце*. Обращает на себя внимание и архаичная глагольная форма *подаждь*. Стоит отметить, что книжные, устаревшие лексемы чаще встречаются в речи героев, являясь своеобразным художественным приемом создания речевой характеристики.

В целом можно говорить о реализованном автором стремлении остаться в рамках житийной традиции.

Второе изложение больше напоминает рассказ о жизни трех девочек, который, несмотря на краткость, содержит дополнительные детали: например, мы узнаем об их отце, который был язычником, но «разрешал любимой жене воспитывать дочек в христианской вере» (СД, с. 134); о том, чему посвящали будущие святые свое время:

(22) ...Они любили трудиться и помогать своей матери; любили молиться и читать Священное Писание (СД, с. 134).

Упоминают авторы и о том, что может быть дорого современным детям:

(23) Ни платьев нарядных, ни игрушек излишних, ни сладостей у девочек не было. Да им все это было неинтересно... (СД, 134).

Последний фрагмент подтверждает дидактическую направленность второго текста, авторы которого показывают, что подвиг, совершенный юными христианками, был подготовлен их праведной жизнью. Простота уклада семейного быта Софии противостоит пышности и богатству дворцовых покоев. В композиционном плане благочестивая семья противопоставлена не только императору Андриану, но и завистникам, недоброжелателям, которые «нажаловались» правителю.

Данная антитеза поддерживается и в эмоциональном плане: жизнь святых мучениц наполнена любовью, радостью, воодушевлением, но им знакома и скорбь, их антагонисты завидуют, гневаятся, чувствуют собственное бессилие. При этом лексемы, обозначающие переживания героев, общеупотребительны и стилистически нейтральны.

Таким образом, лексика эмоций играет важную роль в построении текста: организует его композиционную структуру, эксплицирует интенции автора, делает текст доступным потенциальному читателю.

Выводы

Обращение к анализу современных житий для детей показало, что лексика эмоций выступает важным средством создания образов подвижников как воплощения нравственного идеала, организует повествование, реализуя характерологическую, текстообразующую и дидактическую функции.

В рассмотренных текстах описания чувств наполнены образностью и строятся на принципах метафоры и метонимии; сохраняются традиционные сравнения чувств человека с огнем; в метонимических переносах частотны лексемы *сердце* и *душа*.

В функционально-стилевом отношении лексика эмоций, употребленная в проанализированных житиях, неоднородна: встречаются слова книжные, устаревшие и просторечные. Это обусловлено противоречивыми процессами развития жанра жития: с одной стороны, размывание его границ, влияние художественного, публицистического и даже официально-делового стилей, а с другой – консерватизм, стремление сохранить традицию житийного канона.

В следовании одной из этих тенденций проявляется творческая установка автора жития, в конечном итоге определяющая его взгляд на адаптацию текста к возможностям восприятия и понимания юными читателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина Т. А., Кабакова Г. И., Топорков А. С., 2012. Сердце // Славянские древности : Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 5 / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения. С. 258–262.
- Брыгина А. В., 2005. Лингвистические принципы адаптации художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 15 с.
- Горбань О. А., Дмитриева Е. Г., Косова М. В., Сафонова И. А., Терентьева Е. В., Шептухина Е. М., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект. 2-е изд., доп. М. : Флинта : Наука. 352 с.
- Дмитриева Е. Г., 2018. Религиозно-нравственный идеал в современных агиографических текстах: лингвистическая характеристика // Научный диалог. № 12. С. 64–74. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-64-74.
- Дмитриева Е. Г., 2020. Функции эмотивной лексики как средства реализации религиозно-нравственного идеала в житийных текстах XVIII–XX веков // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica. № 19. С. 41–52. DOI: <https://doi.org/10.18778/1731-8025.19.04>.
- Зализняк Анна А., 2005. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. М. : Яз. слав. культуры. С. 153–174.
- Зибров Д. А., 2011. Сердце // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма. Т. 8. С. 104–114.
- Ионова С. В., 2006. О двух моделях построения вторичных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Вып. 5. С. 69–76.
- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А., 2014. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. СПб. : Златоуст. 592 с.
- Лопушанская С. П., 1987. Парадигматические и синтагматические отношения древнерусских бесприставочных глаголов движения // Русский глагол в сопоставительном освещении. Парадигматические и синтагматические отношения : межвуз. науч. сб. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 3–12.
- Лопушанская С. П., 1996. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник

- Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 1. С. 6–13.
- Лопушанская С. П., 1998. Конкретно-пространственное и абстрактно-пространственное восприятие мира человеком как философская основа объяснения эволюции языка // *Человек в современных философских концепциях : материалы Междунар. науч. конф. (Волгоград, 17–19 сент. 1998 г.)*. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 337–346.
- Макаренко Е. К., 2015. Жанровые модификации современный агиографических произведений для детей // *Вестник ТГПУ. № 10 (163)*. С. 157–165.
- Первухина С. В., 2014. Виды адаптации текста // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика»*. Т. 11, № 1. С. 97–100.
- Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), 1999. *Дух, душа и тело*. М. : Православ. Свято-Тихон. богосл. ин-т : Рус. зеркало. 175 с.
- Урысон Е. В., 2003. Проблемы исследования языковой картины мира : Аналогия в семантике. М. : Яз. слав. культуры. 224 с.
- Шайкин А. А., 2015. Дух, душа, сердце, ум в древнерусских текстах XI–XII вв. // *Древняя Русь : Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования / отв. ред. В. М. Кириллин*. М. : Яз. слав. культуры. С. 108–131.
- avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Principles of Adaptation of a Literary Text. Cand. philol. sci. abs. diss]. Moscow. 15 p.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terenteva E.V., Sheptukhina E.M., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Dmitrieva E.G., 2018. Religiozno-nravstvennyy ideal v sovremennykh agiograficheskikh tekstakh: lingvisticheskaya kharakteristika [Religious and Moral Ideal in Modern Hagiographic Texts: Linguistic Characteristics]. *Nauchnyi dialog*, no. 12, pp. 64-74. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-64-74.
- Dmitrieva E.G., 2020. Funktsii emotivnoy leksiki kak sredstva realizatsii religiozno-nravstvennogo ideala v zhitiynykh tekstakh XVIII–XX vekov [Functions of Emotive Vocabulary As a Means of Pursuing Religious and Moral Ideal in the Hagiographic Texts of the 18th – 20th Centuries]. *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica*, no. 19, pp. 41-52. DOI: <https://doi.org/10.18778/1731-8025.19.04>.
- Zaliznyak Anna A., 2005. Shchastye i naslazhdenie v russkoy yazykovoy kartine mira [Happiness and Pleasure in the Russian Language Picture of the World]. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: sb. st.* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World. Collection of Articles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 153-174.
- Zibrov D.A., 2011. Serdtse [Heart]. Karasik V.I., Sternin I.A., eds. *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Volgograd, Paradigma Publ., vol. 8, pp. 104-114.
- Ionova S.V., 2006. O dvukh modelyakh postroeniya vtorichnykh tekstov [On Two Models of Construction of Secondary Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, iss. 5, pp. 69-76.
- Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A., 2014. *Slovar russkoy mentalnosti. V 2 t. T. 2* [Dictionary of Russian Mentality. In 2 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 592 p.
- Lopushanskaya S.P., 1987. Paradigmaticheskie i sintagmaticheskie otnosheniya drevnerusskikh bespristavochnykh glagolov dvizheniya [Paradigmatic and Syntagmatic Relations of Old Russian Non-Prepositional Verbs of Movement]. *Russkiy glagol v sopostavitel'nom osveshchenii. Paradigmaticheskie i sintagmaticheskie otnosheniya: mezhvuz. nauch. sb.* [The Russian Verb in Comparative Perspective. Paradigmatic and Syntagmatic Relations. Interuniversity

ИСТОЧНИКИ

- ЖСД – Ильенко В. Жития святых для детей. М. : Артос-Медиа, 2011. 384 с.
- СД – Коршунова Т., Тряпкина М. Святцы для детей. Избранные жития святых. М. : Никая, 2017. 181 с.

СЛОВАРЬ

- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011. 1175 с.

REFERENCES

- Agapkina T.A., Kabakova G.I., Toporkov A.S., 2012. Serdtse [Heart]. Tolstoy N.I., ed. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar. V 5 t. T. 5* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary. In 5 Vols. Vol. 5]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., pp. 258-262.
- Brygina A.V., 2005. *Lingvisticheskie printsipy adaptirovaniya khudozhestvennogo teksta:*

- Collection of Scientific Papers]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, pp. 3-12.
- Lopushanskaya S.P., 1996. Semanticheskaya modulyatsiya kak rechemyslitelnyy protsess [Semantic Modulation As a Verbal and Cogitative Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Filologiya*, iss. 1, pp. 6-13.
- Lopushanskaya S.P., 1998. Konkretno-prostranstvennoe i abstraktno-prostranstvennoe vospriyatие mira chelovekom kak filosofskaya osnova obyasneniya evolyutsii yazyka [Concrete-Spatial and Abstract-Spatial Human Perception of the World As the Philosophical Basis for Explaining the Evolution of Language]. *Chelovek v sovremennykh filosofskikh kontsepciyakh: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Volgograd, 17–19 sent. 1998 g.)* [Human in Modern Philosophical Concepts. Proceedings of the International Scientific Conference (Volgograd, September 17–19, 1998)]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 337-346.
- Makarenko E.K., 2015. Zhanrovye modifikatsii sovremennykh agiograficheskikh proizvedeniy dlya detey [Genre Modifications of Modern Hagiographic Works for Children]. *Vestnik TGPU* [Science Journal of TSPU], no. 10 (163), pp. 157-165.
- Pervukhina S.V., 2014. Vidy adaptatsii teksta [Types of Text Adaptation]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika»* [Bulletin of the South Ural State University. Linguistics], vol. 11, no. 1, pp. 97-100.
- Svyatitel Luka (Voyno-Yasenetskiy), 1999. *Dukh, dusha i telo* [Spirit, Soul and Body]. Moscow, Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy bogoslovskiy institut; Russkoe zertsalo Publ. 175 p.
- Uryson E.V., 2003. *Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira: Analogiya v semantike* [Problems of Studying the Linguistic Picture of the World: Analogy in Semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 224 p.
- Shaykin A.A., 2015. Dukh, dusha, serdtse, um v drevnerusskikh tekstah XI–XII vv. [Spirit, Soul, Heart, Mind in Ancient Russian Texts of the 11th – 12th Centuries]. Kirillin V.M., ed. *Drevnyaya Rus: Prostranstvo knizhnogo slova. Istoriko-filologicheskie issledovaniya* [Ancient Russia: The Space of a Book Word. Historical and Philological Research]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 108-131.

SOURCES

- Ilyenko V. *Zhitiya svyatykh dlya detey* [Hagiographies of Saints for Children]. Moscow, Artos-Media Publ., 2011. 384 p.
- Korshunova T., Tryapkina M. *Svyatitsy dlya detey. Izbrannye zhitiya svyatykh* [Church Calendars for Children. Selected Hagiographies of Saints]. Moscow, Nikeya Publ., 2017. 181 p.

DICTIONARY

- Shvedova N.Yu., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proishozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with Information on the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p.

Information About the Author

Evgeniya G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Информация об авторе

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.6>

UDC 811.116.1'6:81'373
LBC 81.411.2-31

Submitted: 10.05.2021
Accepted: 30.09.2021

VERBAL MEANS EXPRESSING THE COMPEHENSION OF “INVISIBLE” IN HAGIOGRAPHIC TEXTS OF THE 20th – 21st CENTURIES

Irina A. Safonova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article focuses on the potential of perception verb usage for creating the images of saints and godliness devotees. An integrated approach was applied to studying hagiographic texts of the 20th – 21st centuries, which comprise the research material. Special attention is paid to the verbs that directly nominate the process of obtaining information about the surrounding world (exteroceptive sensations). The analysis also involves the verbs that are etymologically related to the verbs of perception. The author introduces the structure of meaning of the verbs denoting perception and their corresponding subdivision into subgroups. The verbs employed in the description of the saints' and ascetics' abilities to comprehend the world intuitively, to foresee the forthcoming events in the lives of people, country, and the Church are analyzed, the peculiarities of their use are revealed. The subgroups of verbs denoting these processes in the studied texts have been identified. The contextually stipulated changes in the meanings of verbs are characterized. Lexicographic sources have been used to determine the meanings, which are actualized in the texts, and those not recorded in the dictionaries. The impressive semantic potential of the analyzed verbs is demonstrated. This makes it possible to use them for nominating the outstanding abilities of saints and ascetics, which distinguish them from ordinary people.

Key words: hagiography, saint, godliness devotee, verb, lexical semantics, perceptive meaning, functioning.

Citation. Safonova I.A. Verbal Means Expressing the Compehension of “Invisible” in Hagiographic Texts of the 20th – 21st Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 65-77. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.6>

УДК 811.116.1'06:81'373
ББК 81.411.2-31

Дата поступления статьи: 10.05.2021
Дата принятия статьи: 30.09.2021

ГЛАГОЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ «НЕЗРИМОГО» В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XX–XXI ВЕКОВ

Ирина Александровна Сафонова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования глаголов с перцептивной семантикой для создания образов святых и подвижников благочестия. Исследование проведено на материале агиографических текстов XX–XXI вв. с опорой на основные положения комплексного подхода. В центре внимания автора находятся глаголы, номинирующие в прямых значениях процесс получения информации об окружающем мире (экстероцептивных ощущений). Для анализа привлекаются также глаголы, этимологически связанные с глаголами восприятия. Представлена структура значений глаголов восприятия и определяемое ей деление данных единиц на подгруппы. Выявлены особенности употребления глаголов для описания способностей святых и подвижников благочестия постигать мир интуитивно, прозревать грядущие события в жизни людей, страны, Церкви. Установлены подгруппы глаголов, обозначающих эти процессы в изучаемых текстах, и наполнение этих подгрупп. Охарактеризованы контекстуально обусловленные изменения в значениях глаголов. С опорой на данные лексикографических источников определен набор актуализирующихся в текстах значений, в том числе значения, не фиксируемые словарями. Промонстрирован большой семантический потенциал анализируемых глаголов, обеспечивающий возмож-

ность их использования для номинирования способностей святых и подвижников благочестия, отличающих их от других людей.

Ключевые слова: житие, святой, подвижник благочестия, глагол, лексическая семантика, перцептивное значение, функционирование.

Цитирование. Сафонова И. А. Глагольные средства выражения восприятия «незримого» в агиографических текстах XX–XXI веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 65–77. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.6>

Введение

Жития представляют собой уникальное явление в русской культуре. Их изучение имеет давнюю традицию и по-прежнему актуально до сегодняшнего времени.

Жития святых являются ценным источником различных знаний: об исторических событиях, о культурных реалиях, о человеке. Именно представления о человеке, отраженные в текстах житий, составляют предмет исследования в данной статье. Изучению этих представлений были посвящены, в частности, труды Д.С. Лихачева. В книге «Человек в литературе Древней Руси» [1958] и статье «Изображение людей в житийной литературе конца XIV–XV века» [1956] ученый, рассматривая агиографические произведения через призму жанра, приходит к выводам об эволюции в восприятии и изображении в них человека, о движении от застывших и монументальных образов в произведениях XII–XIII вв. к описанию страстей, чувств людей в житийных произведениях XIV–XV веков. Именно жития, по его мнению, отчетливо «показывали» черты нового в изображении человека: восторг перед красотой огромного мира и трепет перед подвигами святого [Лихачев, 1956, с. 106–107]. При этом подвиги святого предстают столь недостижимыми, что их трудно передать с помощью слов, отсюда нагромождение синонимов, тавтологических и плеонастических сочетаний, неологизмов, эпитетов, ритмическая организация речи, создающая впечатление бесконечности чувств [Лихачев, 1956, с. 108].

Рассматривая специфику житий раннего периода, В.М. Живов отмечал, что агиографические тексты реализовали медирующую функцию, подобно описанным в них святым, являвшимся медиаторами социальных отношений (и при жизни, и после усновения). Ученый подчеркивал размытость границ между

святым как историческим деятелем и святым как агиографическим персонажем [Живов, 2005, с. 725]. Жития были вписаны в «реальный исторический контекст, а не в призрачный литературный ряд» [Живов, 2005, с. 729].

Центральным образом житийных текстов является святой, представления о котором претерпевают изменения с течением времени. Основываясь на результатах языковедческого анализа разножанровых текстов XI–XII вв., В.В. Колесов реконструирует образ древнерусского святого и приходит к выводу о характерном для древнего сознания понимании святости как света [Колесов, 2004, с. 596]. Сравнение с современными представлениями о святости позволило ученому показать динамику в понимании природы этого феномена, обнаружить переосмысление святости, движение от древнейшего понимания ее как света к современному видению ее как жертвенности – высшего нравственного идеала поведения и жизненной позиции (см.: [Колесов, 2004, с. 600]).

Несколько иной точки зрения на святость придерживался В.Н. Топоров (см., например: [Топоров, 1987; 1995]). Ученый, рассматривая святость как понятие гораздо более древнее, нежели христианство и время формирования русского языка, культуры и народа, реконструирует параллели праславянского элемента *svēt- (= *svent-) с обозначениями понятия *святой* в балтийских, иранских и других языках [Топоров, 1987] и приходит к выводу о связи слова *святой* с индоевропейской основой *k'ūen-to-, которая обозначает «возрастание, набухание, вспухание, то есть увеличение объема или иных физических характеристики» [Топоров, 1995, с. 7]. С принятием христианства древняя идея начинает трансформироваться. Как пишет ученый, «суть изменений состоит в тройкой переориентации локуса святости – с природы на человека (и сверхчеловеческое), с материально-

физического на идеально-духовное, с конкретного и зримого на абстрактное и незримое», что приводит к актуализации таких смыслов, как «чистота, непорочность, праведность» [Топоров, 1987, с. 226]. Кроме того, В.Н. Топоров допускает связь святости и жертвенности, что, по его мнению, нашло отражение в оригинальных агиографических текстах «Сказания» и «Чтения» о Борисе и Глебе [Топоров, 1987].

Выводы исследователей о святости и особенностях создаваемых агиографами образов святых чаще всего основываются на результатах изучения житийных текстов преимущественно древнерусского и старорусского периодов, тогда как современные житийные произведения и представленные в них образы святых и подвижников благочестия часто остаются вне поля зрения ученых. При этом агиографические произведения XX–XXI вв. содержат не менее ценный материал для изучения.

По замечанию Л.Г. Дорофеевой, современная агиография – явление неоднородное, разностилевое, использующее разные жанровые формы: от строго документальной прозы до художественных форм повествования (исключая вымысел и воображение как способ создания текста) [Дорофеева, 2017, с. 19–20].

Современные житийные тексты подразделяются исследователями: на канонические и неканонические, жития для взрослых и жития для детей, традиционные жития и интернет-жития (см. об этом: [Макаренко, 2011]); на имеющие проложный и публицистический принцип написания [Митров]. Особый феномен в современной агиографии представляют жития новомучеников. Опыт новомученичества рассматривается как религиозно-этический фундамент идеала святой Руси, проецирующий этические категории христианства на современную культуру [Капура, 2004].

При этом остаются фрагментарными наблюдения над тем, каким предстает святой и как формируется его образ в современных житийных текстах. В связи с этим актуально обращение к языковым единицам, посредством которых агиографы создают образы святых и подвижников благочестия в современных житиях.

Одним из таких средств являются лексические единицы с семантикой восприятия, с

помощью которых описывается процесс взаимодействия человека с реальным миром.

Перцептивная лексика достаточно хорошо описана исследователями-языковедами: рассмотрены единицы разной частеречной принадлежности, в семантике которых получает отражение процесс восприятия; показаны особенности функционирования этих единиц в разностилевых и разножанровых текстах; выдвинуты различные точки зрения на специфику и статус общности этих единиц; проведены сопоставительные исследования (чаще на материале близкородственных языков), а также исследования обобщающего характера, ориентированные на осмысление отражения восприятия в языке, и т. д. Большое количество исследований, посвященных изучению перцептивной лексики, стало одним из важнейших факторов формирования отдельной отрасли лингвистического знания, которая получила название «лингвосенсорика» (см.: [Харченко, 2011; Нагорная, 2017]). Наиболее разработанной областью в рамках лингвосенсорики остается описание ощущений, получаемых в результате воздействия реалий окружающего мира на органы чувств (экстероцептивных). При этом исследователям еще предстоит дать подробное описание интероцептивных (в терминологии В.К. Харченко – «внутрителесная лингвистика» [Харченко, 2015]) и проприоцептивных ощущений (о классификации ощущений подробнее см.: [Нагорная, 2014]).

Поскольку восприятие – это прежде всего процесс, к ядерным языковым единицам, эксплицирующим его, можно отнести глагольные слова. В центре нашего внимания в данной работе находятся глаголы, в прямом значении называющие получение информации об окружающем мире с помощью органов чувств (в иной терминологии – получение экстероцептивных ощущений), но при этом использующиеся в современных житийных текстах для описания восприятия, которое нельзя отнести ни к одной из указанных разновидностей (получение экстероцептивных, интероцептивных, проприоцептивных ощущений). Эти процессы можно определить как постижение «духовного», «незримого» с помощью внутренних возможностей святого и подвижника благочестия.

Восприятие не с помощью органов чувств (духовное зрение, духовный слух) привлекало и привлекает внимание богословов и ученых. В частности, духовное зрение связывают в православной культуре с праведностью и умением «видеть» прегрешения (см., например: [Филарет]). Существование феномена «духовного глаза» (или «ока души») получило обоснование и в психологии. Так, В.П. Зинченко отмечает, что в человеческом зрении есть два различных органа: «телесный глаз», который ученый считает до сих пор не до конца исследованным чудом природы, и «глаз духовный» (или «око души»), представляющий собой особый функциональный, а не анатомо-физиологический орган, который может развиваться в большей или меньшей степени, что определяется условиями жизни, обучения и воспитания человека. Именно второй орган участвует в формировании картины мира [Зинченко, 1988].

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить особенности употребления глаголов с перцептивной семантикой для обозначения «духовного» восприятия как особой способности, отличающей святых и подвижников благочестия.

Материал и методы исследования

Источниками для отбора языковых фактов послужили жития и жизнеописания святых и подвижников благочестия, опубликованные после 2000 г. (см. список источников).

В изучаемых текстах показаны разные пути обретения Божественной благодати (преподобничество, старчество, святительство, мученичество). Среди изучаемых источников представлены пространные, в которых повествуется о жизни подвижников благочестия с рождения и до кончины (например, святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России или праведного Ионы, Одесского чудотворца), и краткие, проложные, которые содержат подробное описание какого-то отдельного периода жизни (например, Житие мученика Михаила (Новоселова)). При этом в текстовой и речевой организации анализируемых житий и жизнеописаний отмечена общность, обусловленная во многом отражением в них единого религиоз-

но-нравственного идеала (см. об этом: [Дмитриева, Сафонова, 2019]).

Исследование языковых фактов проводится с опорой на основные положения комплексного подхода в трактовке С.П. Лопушанской, предполагающего в первую очередь обращение к семантике единиц разных языковых уровней, рассмотрение ее через призму мыслительных процессов, изучение языковых единиц в ходе функционирования (см., в частности: [Лопушанская, 1988; 2003; 2006]). Представления о специфике содержательной стороны слова и его функционировании нашли отражение в предложенной ученым дефиниции термина «семантическая структура» – «единство взаимодействующих разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи / в тексте» [Лопушанская, 1988, с. 5].

Использование комплексного подхода к изучению позволило охарактеризовать семантические структуры глаголов восприятия, формирующих отдельную лексико-семантическую группу. Семантические структуры рассматриваемых глаголов составляют категориально-лексическая сема, интегральные семы и конкретизирующие их дифференциальные признаки (ниже приведены в скобках).

В качестве категориально-лексической для рассматриваемых перцептивных глаголов установлена сема 'восприятие', конкретизируемая интегральными семыми 'способ восприятия' («недифференцированно» / «зрительно» / «на слух» / «посредством обоняния» / «посредством осязания» / «на вкус»), 'характер субъекта' («одушевленность» / «неодушевленность», «конкретность» / «абстрактность», «активность» / «пассивность»), 'характер объекта' («конкретность» / «абстрактность»), 'характер процесса' («преднамеренность» / «непреднамеренность»).

Рассматриваемые нами глаголы восприятия могут быть по-разному разделены в зависимости от реализации семантического признака, принимаемого как основание для дифференциации. Компонентом значения, определяющим основное деление и принцип дальнейшего описания глаголов, является интегральная сема

‘способ восприятия’, в зависимости от реализации которой глаголы подразделяются на следующие подгруппы: с общим значением восприятия, зрительного восприятия, слухового восприятия, обоняния, осязания и вкуса.

Для анализа привлекаются глаголы, деривационно и этимологически связанные с перцептивными глаголами и использующиеся в рассматриваемых текстах для обозначения особого процесса получения информации о реальном мире.

Результаты и обсуждение

1. В исследуемых агиографических текстах для выражения «духовного» восприятия используются глаголы двух подгрупп – с общим значением восприятия и зрительного восприятия.

Если языковые средства выражения «духовного» зрения ранее рассматривались исследователями-языковедами (см., например: [Пименова, 2001; Яковлева, 1997]), то специфика номинирования получения информации о «незримом» глаголами с общим значением восприятия оставалась недостаточно изученной (отдельные наблюдения над функционированием данных глаголов в житийных текстах представлены в: [Сафонова, 2020б]). Большой семантический диапазон данных глаголов в современном русском языке, являющийся результатом развития их древних синкретичных значений, определил широкие возможности использования этих единиц для выражения процесса постижения того, что нельзя воспринять с помощью органов чувств.

Глаголы с общей семантикой восприятия не обнаруживают дифференциации в зависимости от реализации интегральной семы ‘характер процесса’.

В исследуемом материале данные глаголы, в прямом значении называющие непреднамеренное недифференцированное восприятие, представлены лексемами *чувствовать*, *почувствовать*.

Прямым для глагола *чувствовать* в современном русском языке является перцептивное значение «испытывать какое-л. чувство», которое может быть охарактеризовано как синкретичное, поскольку имеются в

виду такие чувства, как холод, голод, запах, тепло и даже чей-то взгляд (БТС, с. 1484).

Данный глагол широко представлен в исследуемых агиографических текстах. Например:

(1) Она **чувствовала** приближение опасности (ЖММ, с. 7);

(2) С юных лет он **чувствовал** призвание к иноческой жизни (ЖАМф, с. 5);

(3) «Сознаю высоту моего сана и соединенных с ним обязанностей, **чувствую** свою немощь и недостойнство» (ЖИК, с. 11);

(4) Отец Иона умел удивительно **чувствовать** все прекрасное (ЖИО, с. 15);

(5) ...Я все больше и больше, – если хотите – в меру усиления грозы, – **чувствую** всю несокрушимость того Ковчега, непоколебимость Коего обещана нам Истинным Свидетелем... (ЖМН).

Глагол *чувствовать* используется в конструкции с существительными абстрактной семантики (*призвание, немощь, прекрасное, несокрушимость*), что делает невозможным описание ситуации восприятия, которая предполагает в качестве обязательного условия конкретность объекта. В приведенных контекстах рассматриваемый глагол реализует разные непрямые значения, которые определяются в словарях современного русского языка как «испытывать какое-н. эмоциональное состояние, воспринимать эмоционально; уметь воспринимать эмоционально, духовно» (*умел чувствовать прекрасное*) (ТСРЯ, с. 1097), «воспринимать интуитивно, чутьем, предчувствовать, предугадывать» (*чувствовать приближение опасности, призвание*) и «понимать, осознавать» (*чувствовать немощь, недостойнство*) (БТС, с. 1484).

В ряде контекстов *чувствовать* употребляется в конструкции с придаточным предложением. Например:

(6) Но здесь все переродились и **чувствовали**, как лед сомнения и неверия постепенно таял и заменялся теплотой веры (ЖИК, с. 26);

(7) Я **чувствую**, что твердой почвы нет нигде, всюду вулканы, кроме Краеугольного Камня – Господа нашего Иисуса Христа (ЖМН);

(8) Получив из рук митрополита Владимира жезл святого Петра, Патриарх Тихон сказал свое первое первосвятительское слово: «...По отношению ко мне самому дарованием патриаршества дается мне

чувствовать, как много от меня требуется и как много для сего мне недостает» (ЖТМР, с. 93);

(9) Не знаю, как Вы, а я, видя, что «пашни много», в то же время **чувствую**, что «дня немного впереди»... (ЖМН).

В приведенных контекстах агиографы акцентирует внимание на чуде, которое происходит с верующим человеком (6), на пост-революционных событиях (7), на внутренних ощущениях святителя Тихона (8) и мученика Михаила (9). Во всех случаях описываемое может быть познано интуитивно, осознано, понято, но не может быть воспринято с помощью органов чувств.

В нашем материале представлены контексты с глаголом *чувствовать* в непрямом значении, в которых реализованы анафорические отношения частей высказывания. Например:

(10) Массовое отпадение людей от Церкви, воинствующее богоборчество, нарастание отчуждения и злобы между людьми, отвержение миллионами традиционной веры и греховная жизнь без покаяния привели многих к тяжким духовным последствиям. Матрона это хорошо понимала и **чувствовала** (ЖММ, с. 23);

(11) Спокойная учтивость русского адмирала раздражала Нельсона... И наконец, уже с полной откровенностью: «Я ненавижу русских...» Это **чувствовал** и сам Федор Федорович (ЖФУ, с. 25).

Глагол *почувствовать*, подобно глаголу *чувствовать*, в современном русском языке имеет большой семантический диапазон: называет получение ощущений, замкнутых в сфере субъекта (интероцептивных) или являющихся результатом взаимодействия человека с окружающим миром (экстероцептивных), обозначает восприятие с помощью интуиции и мыслительную деятельность (МАС, т. 3, 1987, с. 346; т. 4, 1988, с. 689). В изучаемом материале, представленный в сочетании с абстрактными существительными, данный глагол реализует только одно значение – связанное с интуитивным представлением о судьбе. Например:

(12) И вот, во время богослужения он [св. Николай] вдруг **почувствовал** призыв Божий, решив, что должен ехать в Японию (ЖНЯ, с. 12).

Репрезентация объекта существительным *призыв* с уточнителем *Божий* способствует актуализации непрямого значения рассматриваемого глагола, который используется в данном случае для описания особой способности святого предвидеть события своей жизни.

Для выражения интуитивного восприятия, предвосхищения событий в анализируемых текстах используется также глагол *предчувствовать*, деривационно связанный с *чувствовать* и сохраняющий семантическую связь с ним. Данный глагол, имеющий в современном русском языке значение «иметь предчувствие чего-л.» (БТС, с. 962; МАС, т. 3, с. 374; ТСРЯ, с. 721), широко представлен в исследуемых текстах. Например:

(13) Он **предчувствовал** многие беды для России и горячо молился о своей заблудшей Родине (ЖНЯ, с. 38);

(14) **Предчувствуя** войну, святитель Николай молился о примирении России и Японии (ЖНЯ, с. 53);

(15) Затем святитель Тихон, **предчувствуя** всю тяжесть выпавшего ему жребия, произнес краткое слово... (ЖТМР, с. 89);

(16) **Предчувствуя** скорый конец, святитель Тихон решает позаботиться о том, чтобы оставить церковное управление в надежных руках (ЖТМР, с. 177).

В приведенных контекстах посредством глагола *предчувствовать* описывается способность равноапостольного Николая Японского и святителя Тихона предвидеть грядущие события. Из более широкого контекста становится понятным, что предвидение как особая способность святого помогло изменить к лучшему жизнь страны или Церкви.

2. Глаголы зрительного восприятия дифференцируются в зависимости от реализации интегральной семы ‘характер процесса’ на глаголы непреднамеренного и преднамеренного восприятия.

Для обозначения получения информации без участия органов чувств используются глаголы непреднамеренного зрительного восприятия *видеть*, *увидеть*, *узреть*. В данной статье остановимся на анализе контекстов, содержащих описание ситуаций получения информации не через сны и видения (см. об этом: [Сафонова, 2020а]).

Глагол *видеть* находим в следующих фрагментах:

(17) Он [патриарх Тихон] прекрасно понимает, какие настали времена, и как будто **видит** все трудности и скорби, которые ждут его на первосвятительском служении (ЖТМР, с. 94);

(18) Матушка Марфа **видела** их безразличие к собственному спасению, холод их душ и не стала их принимать (ЖМЦ, с. 45);

(19) А – главное – ложь так опутала всю Россию, что **не видишь** ни в чем просвета (ЖМН);

(20) Россия скрылась куда-то: по крайней мере, я почти **не вижу** ее (ЖМН);

(21) Но он **видел**, что в столице и ее окрестностях очень много работы истинному пастырю стада Христова (ЖИК, с. 9).

В приведенных контекстах рассматриваемый глагол представлен в сочетании с существительными абстрактной семантики *трудности, скорби, безразличие, просвет*. Такой способ репрезентации объекта исключает возможность зрительного восприятия и способствует актуализации переносного значения, которое может быть определено как «понимать, осознавать» (БТС, с. 130) или «сознавать, усматривать» (ТСРЯ, с. 91). В контекстах (20) и (21), содержащих метафорический перенос, описывается не получение информации с помощью органов зрения, но осмысление сложившихся сложных ситуаций.

Анализируемый глагол используется также для описания особой способности святых «видеть» с помощью «духовного» зрения:

(22) Духовным зрением она **видела**, что мать находилась в храме только телесно (ЖММ, с. 7);

(23) А она отвечает ему: «Иди, расскайся в своих грехах» (духовным зрением она **видела**, что есть еще грех, который он не исповедал) (ЖММ, с. 10).

В Житии Иоанна Кронштадтского находим:

(24) ...Будто своими просветленными очами лицом к лицу **видел** он пред собой Господа и разговаривал с Ним (ЖИК, с. 26).

Данный фрагмент является частью более широкого контекста, содержащего описание литургии, в ходе которой святой становился «живым звеном, соединявшим Церковь земную... и Церковь небесную» (ЖИК, с. 25).

Глагол *видеть* используется для обозначения особого восприятия, которое отличает только святых и подвижников благочестия.

Аналогичное употребление в изучаемых текстах обнаруживает глагол *увидеть*:

(25) «Тогда я исповедал пред Господом свое ничтожество и свою греховность, **увидел** волю Божию во всем этом деле и стал просить для болящего исцеления» (ЖИК, с. 21).

Синонимичным *увидеть* в рассматриваемых текстах является глагол преднамеренного зрительного восприятия *усматривать*:

(26) «Влияние на лагерников я оказывал исключительно духовного характера, внушая лагерникам религиозное настроение – быть в личной лагерной жизни терпеливыми, не роптать, быть покорными своей судьбе, **усматривая** во всем волю Божию» (ЖАмф, с. 18);

(27) «Я тогда в этих двух случаях прямо уже **усмотрел** волю Божию, новое себе послушание от Бога – молиться за тех, кто будет этого просить» (ЖИК, с. 21).

Глагол *узреть* употребляется для описания процесса получения информации о человеке:

(28) Владыка Иннокентий сразу же **узрел** в молодом иеромонахе и родственную душу, и человека с похожей судьбой (ЖНЯ, с. 14).

Использование рассматриваемого глагола в конструкции с существительным в форме предл. п. (*узреть в ком-л.*), а также в сочетании с существительными *душа* и *человек* в функции прямого объекта способствует актуализации значения, связанного с восприятием не только с помощью органов зрения, – книжн. «усмотреть, заподозрить» (БТС, с. 1378; МАС, т. 4, с. 477).

Подобно тому как рассмотренный выше глагол *чувствовать* связан с *предчувствовать*, глагол *видеть* деривационно связан с *предвидеть*, который, имея в современном русском языке значение «заранее знать, быть уверенным в возможности чего-н. в будущем» (ТСРЯ, с. 717), употребляется в тексте для описания особой способности святого:

(29) В последние годы жизни, **предвидя** будущие скорби, отец Иона в храме Благовещенского монастыря сказал... (ЖИО, с. 42);

(30) Он запретил хоронить себя в поровой церкви, **предвидя** ее разрушение (ЖИО, с. 50);

(31) Лукерию мать Марфа, **предвидя** ее скорую смерть, перекрестила, три раза поцеловала (ЖМЦ, с. 16).

Аналогичное употребление обнаруживает синонимичный глагол *провидеть*:

(32) Великий молитвенник и печальник Русской земли, отец Иоанн **провидел** страшные последствия разъедающей русское общество крамолы безверия и богоборчества (ЖИК, с. 37);

(33) Значения этих слов матушка никому не объяснила, но ее близкие догадывались, что отец Иоанн **провидел** особое служение Матронушки России и русскому народу во времена гонений на Церковь (ЖММ, с. 8).

Отдельного рассмотрения требует глагол *прозревать*, сохраняющий в прямом значении связь с перцепцией. В изучаемых житийных текстах этот глагол используется в следующих контекстах:

(34) Таких Матушка обличала и даже не встречалась с ними, **прозревая** в них не веру в Бога, а невежество и суеврие (ЖЕв, с. 11);

(35) Духом Святым отец Иоанн **прозревал** то, что происходило за много сотен километров (ЖИК, с. 22).

Употребление в контексте (34) анализируемого глагола в сочетании с существительными абстрактной семантики *вера*, *невежество*, *суеврие* свидетельствует о реализации им непрямого значения, которое в словарях современного русского языка определяется как «понять, осознать что-л. ранее не понятое, не осознанное» (БТС, с. 1009; МАС, т. 3, с. 488). Данные более широкого контекста позволяют говорить о том, что старица Евгения могла сразу «увидеть» людей, не веривших в ее святость и приходивших к ней как к гадалке. Это свидетельствует о реализации в житийном тексте несколько иного значения.

Подобно тому как глагол *видеть* используется в сочетании с *духовным зрением*, глагол *прозревать* употребляется в контексте (35) в сочетании с наименованием того, благодаря чему становится возможным особое «восприятие», – *Святой Дух*. Глагол *прозревать* номинирует процесс получения информации о том, что человек не может увидеть физически, поскольку это происходит очень далеко.

Заключение

Жития, формирующие значительную часть культурного наследия русского народа, во многом продолжают определять направления духовного воспитания. Жизнь святого является образцом, ориентиром, идеалом, к которому должен стремиться каждый подвижник веры.

Житийный текст организован центральным образом – святого или подвижника благочестия; для его создания используются разные лексические средства. Наряду с глаголами, называемыми процессами, характерными для земной жизни святого, в агиографических произведениях употребляются глаголы, необходимые для описания его духовной жизни. Последнее и составляет то, что отличает святых как посредников между земной и небесной Церковью.

Характерное для христианства внимание к «духовному», «незримому» ярко представлено в житийных текстах и задает отбор глаголов, имеющих широкий семантический диапазон. К таковым относятся единицы, в прямых значениях называющие получение информации об окружающем мире с помощью органов чувств, – глаголы восприятия.

В результате проведенного анализа было установлено, что не все перцептивные глаголы используются для описания особых способностей святых и подвижников благочестия, но только глаголы с общим значением восприятия и зрительного восприятия, обнаруживающие большой семантический потенциал и широкие возможности сочетаемости. Обращение к функционированию этих единиц позволило выявить, что при описании способности «осознавать» мир интуитивно, через провидение, предчувствование они используются в переносных значениях. При этом из всего набора значений актуализируются только те, которые отражают переход от материального (свойственного человеку физиологического восприятия с помощью органов чувств) к нематериальному, «незримому» (свойственному далеко не всем людям «духовному» постижению мира).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А., 2019. Лексические средства создания образов подвижниц благочестия в агиографических текстах // Вест-

- ник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 4. С. 75–87. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.6>.
- Дорофеева Л. Г., 2017. Проблемы изучения русской агиографии // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 8, № 1. С. 11–23.
- Живов В. М., 2005. Ранняя восточнославянская агиография и проблема жанра в древнерусской литературе // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. М. : Яз. слав. культур. С. 720–734.
- Зинченко В. П., 1988. Развитие зрения в контексте перспектив общего духовного развития человека // Вопросы психологии. № 6. URL: http://www.voppsy.ru/issues/1988/886/886015.htm#_ftn1.
- Капура Н. В., 2004. Опыт новомученичества в русской православной церкви XX века: религиозно-этический анализ (по трудам игумена Дамаскина (Орловского)) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула. 21 с.
- Колесов В. В., 2004. Древнерусский святой // Слово и дело : Из истории русских слов. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 596–601.
- Лихачев Д. С., 1956. Изображение людей в житийной литературе конца XIV–XV века // Труды отдела древнерусской литературы (Пушкинский Дом) / отв. ред. И. П. Еремин. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук. Т. 12. С. 105–115.
- Лихачев Д. С., 1958. Человек в литературе Древней Руси. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР. 186 с.
- Лопушанская С. П., 1988. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении) : межвуз. сб. науч. тр. Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Лопушанская С. П., 2003. Семантическая vs. смысловая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Русское слово в мировой культуре. В 2 т. Т. 1 : материалы X Конгресса МАПРЯЛ. СПб. : Политехника. С. 150–159.
- Лопушанская С. П., 2006. Семантические изменения в смысловой структуре глагольного слова // Славистика: синхрония и диахрония : сб. ст. к 70-летию И.С. Улуканова. М. : Азбуковник. С. 104–111.
- Макаренко Е. К., 2011. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 95–102.
- Митров О. (священник). Опыт написания житий святых, новомучеников и исповедников Российских. Проблемы жанра. URL: http://www.fond.ru/index.php?menu_id=394&menu_parent_id=358.
- Нагорная А. В., 2017. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований : аналит. обзор / отв. ред. Э. Б. Яковлева. М. : ИНИОН. 86 с.
- Пименова М. В., 2001. Трансформация семантического синкретизма // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина : сб. ст. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та. С. 258–261.
- Сафонова И. А., 2020а. Перцептивная лексика как средство описания «незримого» в современных житийных текстах // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире : материалы VI Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию славистики в Республике Башкортостан (г. Уфа, 25 сент. 2020 г.) / отв. ред. В. Л. Ибрагимова, Л. А. Киселева. Уфа : РИЦ БашГУ. С. 325–332.
- Сафонова И. А., 2020б. Перцептивная лексика как средство создания образов подвижников благочестия в агиографических текстах XVIII–XX вв. // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : сб. ст. по материалам VII Междунар. науч. семинара, посвящ. 110-летию Сарат. гос. ун-та (г. Саратов, 1 нояб. 2019 г.) / отв. ред. О. И. Дмитриева. Саратов : Амирит. С. 97–105.
- Топоров В. Н., 1987. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – *svet // Языки культуры и проблемы переводимости / отв. ред. Б. А. Успенский. М. : Наука. С. 184–252.
- Топоров В. Н., 1995. Святость и святые в русской духовной культуре. В 2 т. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М. : Гнозис : Яз. рус. культуры. 875 с.
- Филарет (Вознесенский Георгий Николаевич, митрополит). Глаголы жизни вечной. URL: <https://pravoslavie.ru/3232.html>.
- Харченко В. К., 2011. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. М. : URSS : Либроком. 214 с.
- Харченко В. К., 2015. Внутрителесная лингвистика и русскоязычные дискурсивные практики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 12 (209). С. 15–25.
- Яковлева Е. С., 1997. О некоторых особенностях концептуализации личностного начала в русской лексике и грамматике // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 3. С. 96–105.

ИСТОЧНИКИ

ЖАМФ – Житие священномученика Амфилохия (Скворцова), епископа Красноярского / авт.-

- сост. игумен Дамаскин (Орловский). Тверь : Булат, 2002. 22 с.
- ЖЕв* – Жизнеописание старицы Евгении // Краткое жизнеописание блаженной старицы инокини Евгении (Котляровой), подвижницы Георгиевской. Ставрополь : Ставрополь-сервис-школа, 2001. С. 5–16.
- ЖИК* – Житие Иоанна Кронштадтского // Светильник веры и благочестия : Житие и новые чудеса святого праведного Иоанна Кронштадтского. СПб. : Иоанновский ставропигиальный женский монастырь, 2016. С. 6–46.
- ЖММ* – Житие Матроны Московской // Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской. М. : Изд. Покровского ставропигиального женского монастыря, 2002. С. 3–30.
- ЖМН* – Житие мученика Михаила (Новоселова). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/zhitija-novomuchenikov-i-ispovednikov-rossijskih-xx-veka.
- ЖМЦ* – Красник Л. Г. Жизнеописание, подвиги и чудеса // Блаженная Марфа Царицынская / под ред. Л. Г. Красник. Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2004. С. 7–67.
- ЖНЯ* – Жизнеописание Николая Японского // Святой равноапостольный Николай Японский / сост. А. А. Маркова. М. : Благовест, 2014. С. 9–66.
- ЖТМР* – Житие святителя Тихона // Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России / сост. А. Маркова. М. : Благовест, 2013. С. 6–183.
- ЖИО* – Житие Ионы Одесского // Житие праведного Ионы, Одесского чудотворца. М. : Паломник, 2003. С. 3–56.
- ЖФУ* – Житие Феодора Ушакова // Житие святого праведного воина Феодора Ушакова. Санакарь : Рождество-Богородичный Санакарский монастырь, 2004. С. 3–32.
- blagochestiya v agiograficheskikh tekstakh* [Lexical Means of Constructing Images of Godliness Devotees in Hagiographic Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvenno gouniversiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 4, pp. 75-87. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.6>.
- Dorofeeva L.G., 2017. Problemy izucheniya russkoy agiografii [Problems of Studying Russian Hagiography]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], vol. 8, no. 1, pp. 11-23.
- Zhivov V.M., 2005. Rannaya vostochnoslavjanskaya agiografiya i problema zhanra v drevnerusskoy literature [Early East Slavic Hagiography and the Problem of Genre in Old Russian Literature]. Toporov V.N., ed. *Yazyk. Lichnost'. Tekst: sb. st. k 70-letiyu T.M. Nikolaevoy* [Language. Personality. Text. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of T.M. Nikolayeva]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., pp. 720-734.
- Zinchenko V.P., 1988. Razvitie zreniya v kontekste perspektiv obshchego dukhovnogo razvitiya cheloveka [The Progress of Vision in the Context of Overall Human Spiritual Development Prospects]. *Voprosy psikhologii*, no. 6. URL: http://www.voppsy.ru/issues/1988/886/886015.htm#_ftn1.
- Kapura N.V., 2004. *Opyt novomuchenichestva v russkoy pravoslavnoy tserkvi XX veka: religiozno-eticheskiy analiz (po trudam igumena Damaskina (Orlovskogo)): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The Experience of New Martyrdom in the 20th Century Russian Orthodox Church: A Religious and Ethical Analysis (Based on the Works Written by Hegumen Damaskin (Orlovsky)). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Tula. 21 p.
- Kolesov V.V., 2004. Drevnerusskiy svyatoy [Old Russian Saint]. *Slovo i delo: iz istorii russkikh slov* [Word and Deed: The Origin of Russian Words]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 596-601.
- Likhachev D.S., 1956. Izobrazheniye lyudey v zhitiynoy literature kontsa XIV–XV veka [The Description of People in Hagiographic Literature of the Late 14th – 15th Centuries]. Eremin I.P., ed. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury (Pushkinskiy Dom)* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature (The Pushkin House)]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk, vol. 12, pp. 105-115.
- Likhachev D.S., 1958. *Chelovek v literature drevney Rusi* [A Man in the Literature of Ancient Russia]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR. 186 p.

СЛОВАРИ

- БТС* – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- МАС* – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985–1988.
- ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.

REFERENCES

- Dmitrieva E.G., Safonova I.A., 2019. Leksicheskiye sredstva sozdaniya obrazov podvizhnits

- Lopushanskaya S.P., 1988. *Izmenenie semanticheskoy struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizheniya v protsesse modulyatsii* [Changing the Semantic Structure of Russian Prefixless Verbs Denoting Motion in the Process of Modulation]. *Russkiy glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii): mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Russian Verb (Comparative Analysis). Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5-19.
- Lopushanskaya S.P., 2003. *Semanticheskaya vs. smyslovaya struktura slova kak komponent semanticheskoy struktury vyskazyvaniya* [Semantic vs. Sense Structure of a Word As a Component of the Semantic Structure of an Utterance]. *Russkoye slovo v mirovoy kul'ture. V 2 t. T. 1: materialy X Kongressa MAPRYaL* [Russian Word in the World Culture. In 2 Vols. Vol. 2. Proceedings of the 10th MAPRYaL Congress]. Saint Petersburg, Politehnika Publ., pp. 150-159.
- Lopushanskaya S.P., 2006. *Semanticheskiye izmeneniya v smyslovoy structure glagol'nogo slova* [Semantic Changes in the Sense Structure of the Verbal Word]. *Slavistika: sinkhroniya i diakhroniya: sb. st. k 70-letiyu I.S. Ulukhanova* [Slavistics: Synchrony and Diachrony. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of I.S. Ulukhanov]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 104-111.
- Makarenko E.K., 2011. *Agiografiya XX veka. Problema zhanra i metodov ego issledovaniya* [Hagiography in the 20th Century: The Problem of the Genre and the Methods of Investigating It]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 1, pp. 95-102.
- Mitrov O. (priest). *Opyt napisaniya zhityi svyatykh, novomuchenikov i ispovednikov Rossiyskikh. Problemy zhanra* [Writing the Hagiographies of Saints, New Martyrs and Confessors of Russia. Genre Issues]. URL: http://www.fond.ru/index.php?menu_id=394&menu_parent_id=358.
- Nagornaya A.V., 2017. *Lingvosensorika kak perspektivnoye napravleniye sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy: analit. obzor* [Linguistic Sensory Perception As a Promising Area of Current Linguistic Research. Analytical Review]. Moscow, INION Publ. 86 p.
- Pimenova M.V., 2001. *Transformatsiya semanticheskogo sinkretizma* [Transformation of Semantic Syncretism]. *Teoriya yazykoznaniya i rusistika: nasledie B.N. Golovina: sb. st.* [Theory of Linguistics and Russian Studies: B.N. Golovin's Legacy. Collection of Articles]. Nizhniy Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta, pp. 258-261.
- Safonova I.A., 2020a. *Pertseptivnaya leksika kak sredstvo opisaniya «nezrimogo» v sovremennykh zhityinykh tekstakh* [Perceptual Vocabulary As a Means of Describing the “Invisible” in Modern Hagiographic Texts]. Ibragimova V.L., Kiseleva L.A., eds. *Slavyanskiye etnosy, yazyki i kul'tury v sovremennom mire: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 60-letiyu slavistiki v Respublike Bashkortostan (g. Ufa, 25 sent. 2020 g.)* [Slavic Ethnic Groups, Languages and Cultures in the Modern World. Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 60th Anniversary of Slavic Studies in the Republic of Bashkortostan (Ufa, September 25, 2020)]. Ufa, RITs BashGU, pp. 325-332.
- Safonova I.A., 2020b. *Pertseptivnaya leksika kak sredstvo sozdaniya obrazov podvizhnikov blagochestiya v agiograficheskikh tekstakh XVIII–XX vv.* [Perceptual Vocabulary As a Means of Creating Godliness Devotees in Hagiographic Texts of the 18th – 20th Centuries]. Dmitrieva O.I., ed. *Razvitie slovoobrazovatel'noy i leksicheskoy sistemy russkogo yazyka: sb. st. po materialam VII Mezhdunar. nauch. seminara, posvyashch. 110-letiyu Sarat. gos. un-ta (g. Saratov, 1 noyab. 2019 g.)* [Development of the Word-Building and Lexical System of the Russian Language. Collection of Articles Based on Proceedings of the 7th International Scientific Seminar Dedicated to the 110th Anniversary of the Saratov State University (Saratov, November 1, 2019)]. Saratov, Amirit Publ., pp. 97-105.
- Toporov V.N., 1987. *Ob odnom arkhaiskom indoevropeyskom elemente v drevnerusskoy dukhovnoy kul'ture – *svet* [On an Archaic Indo-European Element in Ancient Russian Spiritual Culture – *svet]. Uspenskiy B.A., ed. *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti* [Languages of Culture and Problems of Translatability]. Moscow, Nauka Publ., pp. 184-252.
- Toporov V.N., 1995. *Svyatost' i svyaty v russkoy dukhovnoy kul'ture. V 2 t. T. 1. Pervyy vek khristianstva na Rusi* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture. In 2 Vols. Vol. 1. The First Century of Christianity in Russia]. Moscow, Gnozis Publ., Yazyki russkoy kul'tury Publ. 875 p.
- Filaret (Voznesenskiy Georgiy Nikolaevich, metropolitan). *Glagoly zhizni vechnoy* [Verbs of Eternal Life]. URL: <https://pravoslavie.ru/3232.html>.
- Kharchenko V.K., 2011. *Lingvosensorika: fundamental'nye i prikladnye aspekty* [Linguistic Sensory Perception: Fundamental and Applied Aspects]. Moscow, URSS Publ., Librokom Publ. 214 p.
- Kharchenko V.K., 2015. *Vnutritelesnaya lingvistika i russkoyazychnye diskursivnye praktiki*

[Intracorporal Language and Russian Language Discourse Practices]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities], no. 12 (209), pp. 15-25.

Yakovleva E.S., 1997. O nekotorykh osobennostyakh kontseptualizatsii lichnostnogo nachala v russkoy leksike i grammatike [On Some Peculiarities of Conceptualization of the Personality in Russian Lexis and Grammar]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], no. 3, pp. 96-105.

SOURCES

Damaskin (Orlovskiy, hegumen), ed. *Zhitiye svyashchennomuchenika Amfilokhiya (Skvortsova), episkopa Krasnoyarskogo* [Hagiography of Holy Martyr Amphilochius (Skvortsov), the Bishop of Krasnoyarsk]. Tver, Bulat Publ., 2002. 22 p.

Zhizneopisaniye staritsy Evgenii [Hagiography of Elderess Eugenia]. *Kratkoye zhizneopisaniye blazhennoy staritsy inokini Evgenii (Kotlyarovoy), podvizhnitsy Georgievskoy* [Brief Hagiography of Blessed Elderess Nun Eugenia (Kotlyarova), Georgievskaya Godliness Devotee]. Stavropol, Stavropol-servis-shkola, 2001, pp. 5-16.

Zhitiye Ioanna Kronshtadtskogo [Hagiography of John of Kronstadt]. *Svetil'nik very i blagochestiya: Zhitie i novye chudesa svyatogo pravednogo Ioanna Kronshtadtskogo* [The Preacher of Faith and Godliness. Hagiography and New Miracles of Saint Righteous John of Kronstadt]. Saint Petersburg, Ioannovskiy stavropigial'nyi zhenskiy monastyr', 2016, pp. 6-46.

Zhitiye Matrony Moskovskoy [Hagiography of Matrona of Moscow]. *Zhitiye i chudesa svyatoy pravednoy blazhennoy Matrony Moskovskoy* [Hagiography and Miracles of Saint Righteous Blessed Matrona of Moscow]. Moscow, Izdanie Pokrovskogo stavropigial'nogo zhenskogo monastyrya, 2002, pp. 3-30.

Zhitiye muchenika Mikhaila (Novoselova) [Hagiography of Martyr Michael (Novoselov)]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/zhitija-novomuchenikov-i-ispovednikov-rossijskih-xx-veka.

Krasnik L.G. Zhizneopisanie, podvigi i chudesa [Life, Deeds, and Miracles]. Krasnik L.G., ed. *Blazhennaya Marfa Tsaritsynskaya* [Blessed Martha of Tsaritsyn]. Volgograd, Izd-vo VGIPK RO, 2004, pp. 7-67.

Zhizneopisaniye Nikolaya Yaponskogo [Hagiography of Nicholas of Japan]. Markova A.A., ed. *Svyatoy ravnoapostol'nyy Nikolay Yaponskiy* [Saint Nicholas of Japan, Equal to the Apostles]. Moscow, Blagovest Publ., 2014, pp. 9-66.

Zhitiye svyatitelya Tikhona [Hagiography of Saint Tikhon]. Markova A., ed. *Svyatitel' Tikhon, Patriarkh Moskovskiy i vseya Rossii* [Saint Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia]. Moscow, Blagovest Publ., 2013, pp. 6-183.

Zhitiye Iony Odesskogo [Hagiography of Jonah of Odessa]. *Zhitiye pravednogo Iony, Odesskogo chudotvortsy* [Hagiography of Righteous Jonah the Wonderworker of Odessa]. Moscow, Palomnik Publ., 2003, pp. 3-56.

Zhitiye Feodora Ushakova [Hagiography of Theodore Ushakov]. *Zhitiye svyatogo pravednogo voyna Feodora Ushakova* [The Life of the Holy Righteous Warrior Theodore Ushakov]. Sanaksar', Rozhdestvo-Bogorodichnyi Sanaksarskiy monastyr', 2004, pp. 3-32.

DICTIONARIES

Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.

Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988.

Shvedova N.Yu., ed. *Tolkoviy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with Information on the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1175 p.

Information About the Author

Irina A. Safonova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, ia_safonova@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>

Информация об авторе

Ирина Александровна Сафонова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, ia_safonova@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.7>

UDC 811.161:001.53
LBC 81.411-03

Submitted: 31.05.2021
Accepted: 30.09.2021

REFLECTING PERSPECTIVES AND DEVELOPING TRADITIONS... POLISH VIEW ON MODERN PROBLEMS OF EAST SLAVIC LINGUISTICS

Nataliya A. Tupikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article summarizes the problems of research related to a wide range of issues of East Slavic linguistics, which are reflected in the most important thematic blocks of the yearbook “Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego” on Slavic studies, Polonistics, comparative linguistics, and provide evidence of the interest of the Polish scientific community. The purpose of the work is to characterize one of the traditional trends that constitute the content core of the journal and ensure the continuity of traditions that have developed over the decades in one of the oldest bulletins in Poland and expand the opportunities for discussions, especially relevant nowadays due to both intra- and extralinguistic reasons. As a result of the review study, it was revealed that there is a steady tendency to provide a publication platform to specialists in the field of historical and synchronous studies, including East Slavic linguistics. The comparative study of Slavic languages, dialectology and onomastics, the solution of which is based on the systematization of the extensive multi-level material, remain the core issues; the inexhaustibility of topics is demonstrated by works, which are based on the facts of Polish-East Slavic interaction on the boundary of language contacts. The author emphasizes the fundamental contribution to the study of East Slavic languages made by the publications in the journal, which are organized according to the thematic principle. It can be considered as one of the promising directions of the linguistic journal editorial policy at the present stage.

Key words: Slavic studies, East Slavic linguistics, comparative linguistics, interlingual interaction, interdialectal interaction, linguistic traditions, linguistic innovations, scientific problems of the journal.

Citation. Tupikova N.A. Reflecting Perspectives and Developing Traditions... Polish View on Modern Problems of East Slavic Linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 78-88. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.7>

УДК 811.161:001.53
ББК 81.411-03

Дата поступления статьи: 31.05.2021
Дата принятия статьи: 30.09.2021

ОТРАЖАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ И РАЗВИВАЯ ТРАДИЦИИ... ПОЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Наталья Алексеевна Тупи́кова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье обобщена проблематика исследований, связанных с широким спектром вопросов восточнославянского языкознания, что находит отражение в наиболее важных тематических блоках ежегодника «Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego» по славистике, полонистике, компаративистике и является свидетельством интереса польского научного сообщества. Цель работы заключается в характеристике одного из традиционных направлений, составляющих содержательное ядро журнала и обеспечивающих преемственность традиций, сложившихся за десятилетия в одном из старейших изданий Польши и расширяющих возможности для дискуссий, особенно актуальных в настоящее время по причинам как интра-, так и экстралингвистического порядка. В результате обзорного исследования показана устойчивая тенденция к предоставлению публикационной площадки специалистам в области исторического и синхронного, в том числе восточнославянского, языкознания; стержневыми остаются проблемы сопоставительного изучения славянских языков, диалектологии и ономастики, решение которых базируется на систематизации обширного разноуровневого материала; неисчерпаемость тем демонстрируют работы, опирающиеся на факты польско-восточнославянского взаимодействия на пограничье языковых контактов. Подчеркивается фундаментальный вклад в изучение восточнославянских языков исследований, публикуемых в выпусках журналов, организованных по тематическому принципу, что может рассматриваться как одно из перспективных направлений редакционной политики лингвистического издания на современном этапе.

Ключевые слова: славистика, восточнославянское языкознание, сопоставительное языкознание, межъязыковое взаимодействие, междиалектное взаимодействие, лингвистические традиции, лингвистические новации, научная проблематика журнала.

Цитирование. Тупилова Н. А. Отражая перспективы и развивая традиции... Польский взгляд на современные проблемы восточнославянского языкознания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 78–88. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.7>

Введение

Вечной проблемой лингвистики и одним из вопросов, «задевающим любопытство не столько, может быть, специалистов-языковедов, сколько мыслящей публики», как писал И.А. Бодуэн де Куртенэ со свойственной ему свободой выражения научного мнения, является вопрос «о происхождении языка в роде человеческом» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 84].

Банальное, на первый взгляд, утверждение, что оригинальные идеи этого великого поляка, польского и русского ученого, продолжают жить и развиваться в трудах многих поколений исследователей, перестает быть некой трафаретной фразой, когда имеются очевидные конкретные результаты многолетней подвижнической деятельности различных центров и лингвистических школ. К таким научным сообществам относится и «Łódzkie Towarzystwo Naukowe» (= ŁTN) – Лодзинское научное общество (ЛНО), создавшее серьезную теоретико-методологическую базу для дискуссий о развитии славянских и индоевропейских языков, их диалектной специфике, динамике внутриязыковых и межъязыковых процессов, закономерностях формирования различного рода образований переходного типа и т. д.

Платформой для обсуждения более шестидесяти лет служит ежегодник «Rozprawy Komisji Językowej ŁTN». Его многолетняя история, с момента создания в 1954 г., представляет собой вехи в полонистике, славистике, компаративистике, исторической и сопоставительной диалектологии, ономастике: имена членов Лодзинского научного общества, «отцов-основателей» и редакторов журнала говорят сами за себя. З. Штибер, К. Дейна – известные полонисты, диалектологи, авторы глубоких исследований – от фундаментальных по исторической и сопоставительной грамматике, диалектологии славянских языков, лингвогеографии до вопросов языкового пограничья, образований переходного типа, сопутствующей этому интерференции; С. Грабец – специалист в области славянской филологии, топонимики, лексикографии, исследователь говоров периферийного («окраинного») типа. В поле зрения этих ученых постоянно находились проблемы сопоставительного славянского языкознания и вопросы языковых контактов, связанные с бытованием в том числе переходных восточнославянских говоров на территориях Польши, и др. [Dejna, 1957; 1973; 1981; Hrabiec, 1949; Stieber, 1956; 2005].

Заложенные традиции были продолжены плеядой талантливых руководителей журна-

ла 70–90-х годов. Филологическая проблематика журнала расширялась, и в этом значительная заслуга таких ученых, как В. Цыран, чьи научные работы обращены и к диалектному словообразованию, и к паремиологическому словотворчеству [Cyran, 1977], М. Каминьска, труды которой имеют междисциплинарный лингвокультурологический и социолингвистический характер, базирующийся на анализе богатого эмпирического материала функционально разнородных сфер номинации (от религиозных текстов до городской и диалектной речи) [Kamińska, 1977; 1984; 1995]. В первые десятилетия XXI в. руководил изданием известный ономаст, дериватолог и диалектолог С. Гала, который придал новый импульс опубликованию исследований и материалов в рамках ключевых направлений и тематических блоков, сформированных его учителями [Dejna, Gala, 1998], а также привлек внимание научной общественности к работам, продиктованным новым временем и новыми подходами в трактовке известных явлений, в соответствии с тенденциями к интегративному осмыслению эмпирических фактов в области польской и, шире, славянской филологии, нефилологии, с учетом «контекста» развития современного индоевропейского языкознания. Ключевые интересы этого ученого, связанные с фундаментальными вопросами теоретико-методологического плана, языкового пограничья в диалектологии и лингвогеографии (интердиалектальных явлений), словообразования, ономастики и славянских номинаций, восприняты и находят развитие в работах представителей его школы, среди которых И. Ярос [Jaros, 2009; 2015], в настоящее время возглавляющая журнал и способствующая вместе с коллегами продолжению сложившейся редакционной политики. Усилиями польских лингвистов издание является интересным не только для специалистов разных областей знания, но и для тех, кто только определяет свое направление в рамках современных научных парадигм, стремится соотносить традиционно решаемые проблемы с новыми возможностями трактовки и верификации языковых фактов.

Цель данного обзора – показать проблематику одной из наиболее значимых для российского читателя и актуальных в силу разных

причин в настоящее время областей славистики, которая включает различные аспекты изучения восточнославянских языков и межславянского языкового взаимодействия. Объектом рассмотрения избраны публикации последних лет, демонстрирующие редакционную политику издания как польский взгляд на перспективы развития научного знания, которое представлено в одном из важных тематических блоков, составляющих содержательное ядро журнала «Rozprawy Komisji Językowej ŁTN» («Исследования языковой комиссии ЛНО»; здесь и далее перевод с польского наш).

Результаты и обсуждение

Восточнославянская проблематика чрезвычайно востребована читателями, интересующимися судьбами славянского слова, и особенно значима в настоящее время, по разным причинам, в том числе экстралингвистического порядка, которые так или иначе отражают геополитические процессы в языковых континуумах. Тем отраднее, что польский взгляд на многие вопросы свидетельствует в целом о приверженности сугубо научному ракурсу исследований, без искаженного преломления в угоду конъюнктуре момента.

Важным в редакционной политике представляется регулярный выход автономных в тематическом отношении выпусков журнала. В последние годы это выпуски тома 62 [Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, 2016], посвященного памяти лодзинского ученого В. Смеха, известного специалиста по историческому языкознанию и исторической диалектологии, западнославянским языкам, грамматике польского глагола, топономастике, и выпуск памяти видного полониста, слависта, диалектолога С. Гали – том 67 [Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, 2019].

Содержание последнего из упомянутых выпусков отличается широтой затрагиваемых при обсуждении тем, отражающих прежде всего развитие идей С. Гали о языковых ситуациях в пограничных этноязыковых регионах, «кресах» и перифериях. Происхождение так называемых «периферийных» польских говоров (или «окраинных», *kresowuch*) является давней дискутируемой проблемой. Разновидность польского языка, которая форми-

рвалась на протяжении XVI–XX вв. как результат различных культурно-политических процессов на территории бывшего Великого княжества Литовского и Украины с этнически украинским, белорусским, литовским населением, получившая вследствие периферийного географического положения этих районов по отношению к центральным польским землям название «периферийные» говоры, испытала многочисленные влияния языковых контактов, что способствовало процессу интеграции (одна из гипотез) или появлению говоров переходного типа (другое мнение). Это приводит к диалектальной разнородности языковой базы региона, обнаруживая на одной территории доминантное польско-белорусское, белорусско-литовское влияние, на другой – результаты междиалектного польского, юго-западно-русского и украинского взаимодействия. Дополнительным усложнением языковой ситуации являлась неоднородность социального состава носителей периферийного диалекта, поскольку польский язык, на котором говорили и высшие, и средние слои населения указанного региона, можно рассматривать как местную разновидность культурного диалекта польского языка, или, как пишет Н.Е. Ананьева, разговорного языка образованных людей, наряду с известными познанской, краковской, варшавской разновидностями [Ананьева, 1994, с. 103–105]. Неоднозначность трактовок в этом вопросе – решающее влияние на литературный язык этой устной формы «кресового» варианта либо произведений писателей-кресовцев XVI–XVII вв. на литературный польский язык и значение этой региональной культурной разновидности польского языка, в свою очередь, для крестьянских говоров на «кресах» – побуждает исследователей вновь и вновь обращаться к эмпирическому материалу для установления причинно-следственных связей. Публикации 67 тома, темой которых стало функционирование языков и диалектов на культурно-языковом и диалектальном пограничье (см. статьи: Л. Кароль, Х. Пельцова, М. Плуца, А. Повлачик, М. Рак), вносят новый вклад в рассмотрение данной сложной проблемы на базе методологии сопоставительной научной парадигмы, а также междисциплинарных наук, использующих методы и методики социоло-

гии, этнологии, теории коммуникации и др. для характеристики современных языковых состояний, ситуаций, коммуникативных умений [Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, 2019].

Уместно здесь отметить, что весьма перспективными и обоснованными, на наш взгляд, являются постулаты и утверждения, высказанные на страницах журнала Х. Пельцовой, прогнозирующей развитие взаимодействия в условиях польско-восточнославянского культурно-языкового пограничья: такая ситуация, представленная в языковом, культурном и географическом смысле, является не просто пространством для соединения, состыковки языков и культур, а выступает как широкая зона взаимных уступок, условий, исторических и общественных; то есть пограничье не должно восприниматься буквально как граница, это полоса соприкосновения, соединения, рождающая сосуществование разных явлений и цивилизационно-языковых знаний жителей [Pelcowa, 2019, s. 265]. В этом смысле пограничье вписывается в глобализационные процессы и отвечает одновременно необходимости локальной самоидентификации личности в смысле осознания своей принадлежности к «малой родине» и сопричастности культурным традициям региона. Эти две противопоставленные ипостаси способствуют осознанию нового качества жизни, изменениям в постижении мира с помощью новых способов и форм передачи информации, коммуникации, универсализации культурно-языковых норм, формированию определенных образцов речевого и культурно-языкового поведения в данном континенте [Pelcowa, 2019, s. 265].

Статус и функционирование литературных языков в условиях этнического и/или диалектального пограничья имеет свой польский взгляд и в историческом, историко-литературном аспекте. Так, сохраняет свою актуальность дискуссия о «простой мове» (или «простей русской мове») как языковом субстрате, обслуживавшем в юго-западных землях и на пограничье восточнославянских и западнославянских территорий нужды перевода религиозных текстов на «простой литературный язык» для широких масс населения. Среди языковедов нет единой точки зрения на данный феномен, его происхождение и роль в сложении литературно-языковых традиций вос-

точнославянских народов. Известно, что, функционируя в качестве простой разновидности литературного языка на территории центральной Руси XV–XVI вв., Московской, «проста мова» в дальнейшем не повлияла на русскую языковую ситуацию, тогда как на юго-западе она получает самое широкое распространение, в том числе на пограничных территориях.

В статье, опубликованной в 67-м томе журнала, автором которой является Й. Гетка, приводятся аргументы в пользу концепции своеобразного и оригинального пути развития «простой мовы» на территориях нынешней Украины и Беларуси. Исследовательница анализирует графические обозначения глосек (звуков), графические написания [t] и [d] в русскоязычных изданиях религиозно-дидактической направленности XVIII в. и в результате, сопоставляя и оценивая графический рисунок текстов, выражает несогласие с известной характеристикой «простой мовы» Б.А. Успенским [Getka, 2019, s. 88, 98], который считает, что эта установка на «простоту и понятность языка» отличалась как от церковнославянской традиции, так и от традиций живого языка белорусов и украинцев. Й. Гетка предлагает говорить о «двух простых мовах» со своими характерными чертами – белорусской и украинской [Getka, 2019, s. 89]. При этом автор статьи справедливо полагает, что термины «проста мова» («проста руска мова») и «русский язык» омонимичны, а синонимическое их использование не означает единства языковых систем русского языка и «простой мовы», чего, впрочем, не утверждает и Б.А. Успенский. Анализ графем, случаев смешения написаний в сопоставляемых изданиях дает автору основания утверждать следующее: более правильной представляется тезис, что та своеобразная «церковизация» («cerkiewizacja») или «полонизация» («polonizacja») языков вытекала скорее из возможностей, которые давали уже разработанные орфографии этих языков для отражения черт живых языков, белорусского и украинского [Getka, 2019, s. 99], что, безусловно, нуждается в дополнительной аргументации и подтверждении на эмпирическом материале разноуровневого характера с учетом широкого социокультурного и культурно-исторического контекста эпох.

Не углубляясь в детали многолетнего обсуждения проблем истории и структуры восточнославянских литературных языков, сошлюсь на исследование выдающегося ученого-слависта, автора фундаментальных трудов по истории русского языка, письменности, русской церковной истории В.М. Живова, который подробно излагает точку зрения на ограниченность полифункциональности «простой мовы», отражавшей «компромисс между понятностью и традиционностью» [Живов, 2017, с. 907], указывает на существенные отличия языковой ситуации Московской Руси от ситуации в юго-западных землях, определяет пути формирования стандартного русского литературного языка нового типа XVIII в. в процессе секуляризации культуры [Живов, 2017, с. 898–936]. Сам же факт постановки острых вопросов на страницах журнала «Rozprawy Komisji Językowej ŁTN» свидетельствует о стремлении всесторонне и аргументированно объяснить суть этого противоречивого феномена, образование и функционирование которого связано с бытованием языков на пограничных территориях, в условиях тесных межъязыковых, межрегиональных и культурно-исторических контактов славянских народов.

Безусловно, исключительный интерес для российского читателя представляет выпуск тома 66, имеющий в каком-то смысле автономное значение [Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, 2018], определяемое, конечно, основной направленностью журнала на многоаспектное обсуждение обозначенной проблематики. Тематическое объединение публикаций под заголовком «Języki wschodniosłowiańskie na przestrzeni wieków» («Восточнославянские языки на протяжении веков») символично подкрепляется эпиграфом к изданию, которым предваряет публикации редактор тома Я. Сосновский: *Choć się zmienił cały świat – jesteśmy! Zawiruje jeszcze raz – będziemy, będziemy!* (w: Zbigniew Preisner „Piotr“) [Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, 2018, s. 6] – «Хотя изменился весь мир – мы есть! Еще раз по кругу – мы будем, будем!» (из: Збигнев Прейснер «Петр»). Кажется, точнее не выразить общей интенции как отклика на околонучные «страсти», которыми «кипит» наше доброе время, и на истинные проблемы, которыми по-

прежнему живет и будет жить восточнославянское языкознание. Нельзя не присоединиться к этой оценке и не поблагодарить издателей журнала, главного редактора Ирену Ярос, членов редакции, авторов статей и особенно редактора тома профессора Я. Сосновского за научные изыскания и поддержку восточнославянского языкознания, которое известно своей многолетней историей развития и мировыми достижениями. Вышедший том – еще одно свидетельство заинтересованности польской научной общественности, представителей Лодзинского научного общества в сохранении традиций лингвистических школ, связанных в том числе и с польской русистикой.

Я. Сосновский, автор известных работ в области русского и славянского исторического языкознания [Sosnowski, 2003], объединил польских и зарубежных исследователей из России, Германии, Украины, Болгарии, США, Канады в широкой тематике, касающейся истории и современного функционирования восточнославянских языков и диалектов. Польская «часть» представлена статьями ученых из Варшавы, Кракова, Лодзи, Торуня, Познани, Белостока, Люблина (Н. Барщевска, А. Буджак, Я. Вавжинчик, В. Витковски, М. Вуйтович, И. Грек-Пабисова, С. Гжибовски, Х. Карась, М. Кондратюк, Й. Козловска-Дода, М. Острувка, Д. Пащко-Конечняк, Я. Сосновски, А. Фаловски, А. Филинович, Л. Читко, М. Янас). Центральными являются вопросы, отражающие тематическую направленность журнала (истории восточнославянских языков, истории письменности, балтославянского генезиса), различные аспекты исторической, русской, украинской и белорусской лексикологии, диалектологии, межъязыкового польско-восточнославянского взаимодействия, старообрядческой языковой традиции на территории Польши, проблемы языкового пограничья в синхронии и диахронии. О каждой публикации можно говорить только с положительной интенцией, поскольку все исследования отличает высокий профессионализм, новизна и глубина проникновения в изучаемый материал. Особенно поражает «многообразие», неисчерпаемость ракурсов, которую демонстрируют работы, опирающиеся на факты польско-восточнославянского пограничья языковых контактов. Специалисты-диалектологи,

несомненно, найдут в публикациях вдохновение для собственных научных поисков и новых обобщений, возможных на том эмпирическом материале, который представлен исследователями – авторами статей. Это, конечно, не исключает и дискуссионности некоторых высказанных положений, по поводу которых более корректным было бы обсуждение в кругу специалистов данной области знания.

Наш неизменный интерес вызывают исследования по историческому языкознанию и истории письменности. Новое осмысление процесса заимствования полонизмов в московских говорах дается в публикации М. Вуйтовича («O zapożyczeniach polskich w słownictwie gwag okolic Moskwy») [Wójtowicz, 2018b]. Автор убедительно показывает причины некорректной квалификации явлений, базирующейся на семантической близости языковых единиц или внешнем подобии в обоих языках. Отдельные замечания, высказанные ученым, выстраиваются в целостную картину, обобщающую исследовательский опыт и подходы, которые необходимо вырабатывать для точной характеристики слова, в том числе заимствований, что важно в лексикографической практике, требующей углубленного этимологического анализа, соблюдения принципа полноты в методике собирания материала. Использование таких приемов играет ключевую роль в определении времени и объемов заимствования полонизмов в общерусский язык, что, как справедливо отмечает М. Вуйтович, приходится в основном на XVII и XVIII вв. и позволяет с достоверностью установить украинское или белорусское посредство, не преувеличивая его значение. Выявить цепочку процесса заимствования следует, показав прежде всего роль западноевропейских и классических (немецкого, французского, итальянского, латыни) языков в обогащении польского языка, затем послужившего (в ряде случаев через посредничество восточнославянских языков) делу увеличения словарного состава русского языка. К структуре древних восточнославянских имен обращается в своей статье Я. Сосновский («Древние восточнославянские двучленные имена») [Sosnowski, 2018]. Праславянское и праиндоевропейское языковое наследие, нашедшее отражение в исконной восточнославянской антропонимике, зани-

мают многих исследователей, поскольку в древнерусской (восточнославянской) ономастике обнаруживается четкая противопоставленность двучленных имен, никогда не использовавшихся в функции нарицательных существительных (к двучленным именам принадлежат, например: *Всеволодъ*, *Ратьмиръ*, *Ярополкъ* – сложные имена, композиты; *Завидъ*, *Нажиръ*, *Перенѣгъ* – приставочно-корневые имена; *Избыгнѣвъ*, *Изяславъ*, *Сдеславъ*, где первый член состоит из двух элементов – приставки и корня), и односоставных отапельлятивных имен, равных нарицательным словам (типа *Волчко* – ср.: *волкъ*; *Дрочила* – ср.: *дрочитися*, то есть ‘гордиться’; *Морозъ*; *Опара* – от *опара*, то есть ‘закваска для теста’). Краткий очерк научной традиции исследования антропонимов в работах по восточнославянскому языкознанию, предваряющий полный перечень восточнославянских двучленных имен, приведенных Я. Сосновским, служит своеобразным ориентиром, более или менее исчерпывающим справочником, который позволяет читателю уяснить совокупность источников, в которых дана интерпретация собранного материала, выявить объем эмпирических фактов, подлежащих дальнейшей систематизации, поскольку такие образования, как *Болестрахъ*, *Върхогость*, *Добровстричь* и др. (мужские имена), *Възора*, *Градислава*, *Съновида* и др. (женские имена), по-прежнему вызывают у историков-ономастов вопросы и разные трактовки.

Сложный период в развитии русскоязычной письменности, испытавшей на себе влияние разных традиций, определяет актуальность исследования Л. Читко («Świecka literatura przekładowa XVI wieku – źródło do badań historii języka białoruskiego (na podstawie przekładów romansów rycerskich)» [Citko, 2018]). Русскоязычная письменность, функционировавшая в Великом княжестве Литовском, вписывается в систему литературной книжности, где кроме религиозных текстов большую популярность приобрели переводные произведения. Рыцарские и исторические романы XV–XVII вв. как новые жанры светской восточнославянской письменности в культурно-языковом и собственно лингвистическом плане изучены фрагментарно, особенно в аспекте влияния на русскую и в целом восточно-

славянскую письменную традицию. Исследование Л. Читко в определенной степени восполняет эту лауну. В статье автор рассматривает старобелорусскую версию рыцарского романа о Тристане и Изольде, подробно останавливаясь на характеристике разных уровней языка, особенно выделяя лексическую базу, источники и специфику заимствований. Автор, в частности, обращает внимание на то, что некоторая часть заимствований, зафиксированных в белорусских лексикографических источниках, имеет корни, связанные с периодом славянского языкового единства.

Графико-фонетические и морфологические черты, отраженные в переводном произведении, дают основания судить о состоянии языковой системы XVI в. применительно к литературной традиции старобелорусского языка, свидетельствуют о процессах упорядочения и нормализации под влиянием, с одной стороны, письменной церковнославянской традиции, с другой стороны – черт живой речи (например, в аспекте графической реализации звуков и др.), преобразования морфологической системы, приближающейся к современному облику, обогащения словаря лексическими единицами, называемыми новые реалии. В целом автор классифицирует явления, сходные с развитием литературных языков всего восточнославянского пространства, в том числе русского литературного языка, где наблюдались сходные тенденции. В то же время Л. Читко высказывает оригинальное предположение, касающееся истории старобелорусского периода развития письменности, при попытке квалификации явлений, трудных для однозначной интерпретации, особенно в смысле языков – источников заимствования в белорусской традиции. Гипотеза касается того, что многие неясные моменты возможно было бы объяснить на основе локализации так называемой сербской редакции рассматриваемого текста, который мог служить посредником между текстом, представляющим западноевропейскую (итальянскую) версию рыцарского романа, и ее белорусским вариантом [Citko, 2018, s. 76]. Такого типа связи в славянской литературной традиции неоднократно становились предметом дискуссии славистов, которая продолжает, как представляется, оставаться актуальной.

В предлагаемом обзоре непременно хотелось бы выделить публикацию известного польского лексикографа, полониста и русиста Я. Вавжинчика [Wawrzyńczyk, 2018a]. Наверное, даже неспециалист в области лексикографии может оценить новизну проекта, предлагаемого ученым, – создаваемый под его руководством «Гиперсловарь польского языка» («Hipersłownik – гиперсловарь – hyperdictionary», 2018) и гигантский объем проделанной работы для вычленения даже небольшого фрагмента, фиксирующего восточнославянские элементы, например белорусское в информационном и метаинформационном пространстве польской речи. Тематическое многообразие единиц словника обусловлено прежде всего составом привлеченных источников для отбора материала; основной массив фактов дает примеры отономастических образований, вызванных коммуникативными потребностями и морфосинтаксическими правилами построения польской речи; отражены белорусизмы как с прозрачной, так и с затемненной структурой, зафиксированные в польских текстах. Отдельную, очень интересную и значительную группу слов, охарактеризованную в статье Я. Вавжинчика («Белорусское в *Гиперсловаре польского языка*»), составляют дериваты, появление которых в польских текстах, а затем и в различных словарях польского языка изначально, как полагает автор, связано с переводом оригинальных белорусских текстов (книг, газетных статей и т. п.) на польский язык. На базе обобщения фактов ученый делает вывод, важный в концептуальном отношении для теории лексикографии: «Можно утверждать, что белорусский язык, белорусские темы, представленные в белорусскоязычных текстах, послужили первым толчком для образования целого ряда новых единиц, окказиональных слов польского языка, авторских индивидуализмов, маркированных белорусскостью» [Wawrzyńczyk, 2018a, s. 528], типа *okolomiński*, *pijackobujny*, *podświerkowy*, *podtuningować*, *zadarmocha*, *zapadnorusizm*, *zapomnielisko*, *zmarginesowieć* и др. [Wawrzyńczyk, 2018a, s. 528]. Оригинальный взгляд исследователя на способы фиксации такой информации через непосредственное и опосредованное восприятие «иносферы» формирует новое направление в европейской лексикографической теории и практике, в том числе в восточнославянском языкознании, – лексикографическую семиотику.

Заключение

Работы польских ученых, посвященные восточнославянской проблематике, публикуемые на страницах одного из старейших и авторитетных изданий – «Rozprawy Komisji Językowej ŁTN», отражают взаимосвязь и преемственность исследовательских приемов в части интерпретации фактов истории и современного состояния родственных языков, их сопоставительного изучения при разной степени родства, что во все времена было востребовано читателями, которые интересуются судьбами славянского слова. Польский взгляд на дискуссионные и устоявшиеся трактовки фактов всегда интересен, поскольку отражает новизну и оригинальность подходов лингвистических школ, имеющих давнюю и славную традицию своего развития в Польше. Научная глубина и самостоятельность суждений, отсутствие излишнего пиетета перед авторитетом видных ученых, демократизм в лучшем понимании этого слова – то, что отличало и отличает польских славистов, всегда генерировавших перспективные идеи, можно сказать фонтанировавших ими, щедро делившихся с теми, в мыслях которых могут найти творческий отклик и продолжение на новом витке развития научного знания, в новых трудах, концепциях, теоретико-методологических выкладках и прикладных разработках.

Российскому читателю отраднo, что, несмотря на «соблазны» и особенности политического момента, на страницах польского издания, которое выходит под эгидой известного в профессиональной среде Лодзинского научного общества, приоритетными остаются публикации, культивирующие глубокий интерес к детальному языковедческому анализу, скрупулезному отбору добротного эмпирического материала, выработке строгих системно-классификационных параметров, применению корректных методов и методик для верификации гипотез, деликатность дискуссионной остроты. Это, безусловно, является залогом доверия к полученным научным результатам и создает основу для коллективных и авторских трудов фундаментального характера, чему журнал способствует в значительной мере.

Проанализированные исследования, характеризующие содержательную направленность ежегодника «Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego», «ядерные» темы, которые остаются незабываемыми, отражают высокий статус польской славистики, польской русистики, демонстрируют ракурсы польского видения проблем восточнославянского языкознания. Сложившиеся научные традиции при многообразии научных парадигм составляют «лицо» журнала, в котором специализация и популяризация научного знания не противоречат, но дополняют друг друга, расширяя на «гостеприимных страницах» авторский коллектив, привлекая новые аудитории читателей, формируя в результате польский взгляд на перспективы развития лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьева Н. Е., 1994. История и диалектология польского языка. М. : МГУ. 301 с.
- Бодуэн де Куртенэ И. А., 1963. Язык и языки // Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 2. М. : АН СССР. С. 67–95.
- Живов В. М., 2017. История языка русской письменности. В 2 т. Т. 2. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке. С. 819–1285.
- Citko L., 2018. Świecka literatura przekładowa XVI wieku – źródło do badań historii języka białoruskiego (na podstawie przekładów romansów rycerskich) // Rozprawy komisji Językowej ŁTN. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. LXVI. S. 63–89.
- Cyran W., 1977. Tendencje słowotwórcze w gwarach polskich. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. 138 s.
- Dejna K., 1957. Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław : Zakł. Nar. im. Ossolińskich. 164 s.
- Dejna K., 1973. Dialekty polskie. Wrocław : Zakł. Nar. im. Ossolińskich. 283 s.
- Dejna K., 1981. Atlas polskich innowacji dialektalnych. Warszawa ; Łódź : Wydaw. Naukowe PWN. Wyd. 2. 60 s.
- Dejna K., Gala S., 1998. Atlas gwar polskich. T. 2. Warszawa : UN-O. 408 s.
- Getka J., 2019. Charakterystyka glosek [t] i [d] w wydaniach teologii moralnej z XVIII wieku (na materiale tekstów z Supraśla, Uniowa i Poczajowa). Przyczynek do dyskusji na temat prostej mowy XVIII wieku // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. LXVII. S. 85–103.
- Hrabiec S., 1949. Elementy kresowe w języku niektórych pisarzy polskich XVI i XVII w. Toruń : Towarzystwo Naukowe. 128 s.
- Jaros I., 2009. Nazwy środków czynności w gwarach łeczycko-sieradzkich. Łódź : Wydaw. Uniw. Łódzkiego. 128 s.
- Jaros I., 2015. Uwagi o zmianach znaczenia strukturalnego formacji słowo-twórczych w gwarach // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. LXI. S. 29–41.
- Kamińska M., 1977. O metodzie badań nad językiem mieszkańców wielkich miast // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. XXIII. S. 103–113.
- Kamińska M., 1984. Badania socjolingwistyczne w okręgu bełchatowskim // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. XXX. S. 59–66.
- Kamińska M., 1995. O różnicach leksykalnych między «Psałterzem floriańskim» a «Psałterzem puławskim» // Rozprawy komisji Językowej ŁTN. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. XXXX. S. 153–167.
- Pelcowa H., 2019. Pogranicze językowe i kulturowe polsko-wschodniosłowiańskie w obliczu tendencji globalizacyjnych (na materiale gwar Lubelszczyzny) // Rozprawy komisji Językowej ŁTN. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. LXVII. S. 263–275.
- Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, 2016. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. LXII. 246 s.
- Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, 2018. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. LXVI. 592 s.
- Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, 2019. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. LXVII. 436 s.
- Sosnowski J., 2003. O języku suplik rosyjskich XVII wieku // Rozprawy komisji Językowej ŁTN. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. XXXXVIII. S. 107–121.
- Sosnowski J., 2018. Древние восточнославянские двучленные имена // Rozprawy komisji Językowej ŁTN. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. LXVI. S. 461–496.
- Stieber Z., 1956. Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa : Państwowe Wydaw. Naukowe. 136 s.
- Stieber Z., 2005. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa : Wydaw. Naukowe PWN. 268 s.
- Wawrzyńczyk J., 2018a. Белорусское в Гунерслова-ре польского языка // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. LXVI. S. 523–529.
- Wójtowicz M., 2018b. O zapożyczeniach polskich w słownictwie gwar okolic Moskwy // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź :

Łódzkie Towarzystwo Naukowe. T. LXVI.
S. 553–564.

REFERENCES

- Ananyeva N.E., 1994. *Istoriya i dialektologiya polskiego yazyka* [History and Dialectology of the Polish Language]. Moscow, MGU. 301 p.
- Boduen de Kurtene I.A., 1963. Yazyk i yazyki [Language and Languages]. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. V 2 t. T. 2* [Selected Works on General Linguistics. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, pp. 67-95.
- Zhyvov V.M., 2017. *Istoriya yazyka russkoy pismennosti. V 2 t. T. 2* [History of the Russian Language. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, pp. 819-1285.
- Citko L., 2018. Świecka literatura przekładowa XVI wieku – źródło do badań historii języka białoruskiego (na podstawie przekładów romansów rycerskich). *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe*, t. LXVI, s. 63-89.
- Cyran W., 1977. *Tendencje słotwórcze w gwarach polskich*. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe Publ. 138 s.
- Dejna K., 1957. *Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny*. Wrocław, Zakł. Nar. im. Ossolińskich Publ. 164 s.
- Dejna K., 1973. *Dialekty polskie*. Wrocław, Zakł. Nar. im. Ossolińskich Publ. 283 s.
- Dejna K., 1981. *Atlas polskich innowacji dialektalnych*. Warszawa, Łódź, Wydaw. Naukowe PWN. Wyd. 2. 60 s.
- Dejna K., Gala S., 1998. *Atlas gwar polskich. T. 2*. Warszawa, UN-O. 408 s.
- Getka J., 2019. Charakterystyka glosek (t) i (d) w wydaniach teologii moralnej z XVIII wieku (na materiale tekstów z Supraśla, Uniowa i Poczajowa). Przyczynek do dyskusji na temat prostej mowy XVIII wieku. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe*, t. LXVII, s. 85-103.
- Hrabiec S., 1949. *Elementy kresowe w języku niektórych pisarzy polskich XVI i XVII w.* Toruń, Towarzystwo Naukowe. 128 s.
- Jaros I., 2009. *Nazwy środków czynności w gwarach łęczycko-sieradzkich*. Łódź, Wydaw. Uniw. Łódzkiego. 128 s.
- Jaros I., 2015. Uwagi o zmianach znaczenia strukturalnego formacji słowo-twórczych w gwarach. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe*, t. LXI, s. 29-41.
- Kamińska M., 1977. O metodzie badań nad językiem mieszkańców wielkich miast. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe*, t. XXIII, s. 103-113.
- Kamińska M., 1984. Badania socjolingwistyczne w okręgu bełchatowskim. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe*, t. XXX, s. 59-66.
- Kamińska M., 1995. O różnicach leksykalnych między «Psałterzem floriańskim» a «Psałterzem puławskim». *Rozprawy komisji Językowej ŁTN. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe*, t. XXXX, s. 153-167.
- Pelcowa H., 2019. Pogranicze językowe i kulturowe polsko-wschodniosłowiańskie w obliczu tendencji globalizacyjnych (na materiale gwar Lubelszczyzny). *Rozprawy komisji Językowej ŁTN. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe*, t. LXVII, s. 263-275.
- Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*, 2016. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe, t. LXII. 246 s.
- Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*, 2018. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe, t. LXVI. 592 s.
- Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*, 2019. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe, t. LXVII. 436 s.
- Sosnowski J., 2003. O języku suplik rosyjskich XVII wieku. *Rozprawy komisji Językowej ŁTN. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe*, T. XXXXVIII, s. 107-121.
- Sosnowski J., 2018. Drevniye vostochnoslavyanskiye dvuchlennye imena [Ancient East Slavic Two-Parted Names]. *Rozprawy komisji Językowej ŁTN. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe*, t. LXVI, s. 461-496.
- Stieber Z., 1956. *Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich z wyborem tekstów gwarowych*. Warszawa, Państwowe Wydaw. Naukowe. 136 s.
- Stieber Z., 2005. *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich*. Warszawa, Wydaw. Naukowe PWN Publ. 268 s.
- Wawrzyńczyk J., 2018a. Beloruskoye v Giperslovare polskiego yazyka [Belarusian in the Polish Hyperword]. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe*, t. LXVI, s. 523-529.
- Wójtowicz M., 2018b. O zapożyczeniach polskich w słownictwie gwar okolic Moskwy [On Polish Borrowings in the Vocabulary of Moscow's Dialect]. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. Łódź, Łódzkie Towarzystwo Naukowe*, t. LXVI, s. 553-564.

Information About the Author

Nataliya A. Tupikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, na_tupikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

Информация об авторе

Наталия Алексеевна Тупикова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, na_tupikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.8>

UDC 81'322.4
LBC 81.184

Submitted: 11.01.2021
Accepted: 30.08.2021

MACHINE VS HUMAN TRANSLATION IN THE SYNERGETIC TRANSLATION SPACE

Natalia V. Sokolova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract. The paper focuses on English-to-Russian translations of patent applications on the website of the World Intellectual Property Organization (WIPO). A comparative analysis of patent applications is performed by using translations made with the help of the WIPO Translate tool and human translators within the framework of the synergetic translation space concept encompassing the domains of the author's intentions, text content and composition, energy, translator, recipient, and the translation acceptability notion. The translation erratology aspects were considered from the point of view of the semantic, referential, and syntactic ambiguity within the domains of content-composition and energy space. In the domain of the author, the intention to convey some technical information is revealed, while its rendering in the content-composition and energy domains depends on whether the translation is made by a person or a machine. Genre- and composition-related specifics have been rendered in both cases while machine translation errors have been proven to result from the semantic, referential, or syntactic ambiguity, and this is when the translated output is generally considered unacceptable by the recipient. The results obtained can be used for editing machine translations of patent documentation, assessing the quality of technical documentation translation that is referred to other specific genre conventions.

Key words: patent application, machine translation, ambiguity, acceptability, editing, synergetic approach.

Citation. Sokolova N.V. Machine vs Human Translation in the Synergetic Translation Space. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 89-98. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.8>

УДК 81'322.4
ББК 81.184

Дата поступления статьи: 11.01.2021
Дата принятия статьи: 30.08.2021

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД VS ПЕРЕВОД, ВЫПОЛНЕННЫЙ ЧЕЛОВЕКОМ, В СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Наталья Владимировна Соколова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия

Аннотация. В статье на материале патентных заявок, представленных на веб-сайте Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), рассматриваются лингвистические проблемы перевода с английского языка на русский. Осуществлен сопоставительный анализ переводов патентных заявок, выполненных с помощью инструмента WIPO Translate и человека, в рамках синергетической концепции переводческого пространства, включающей поля автора, содержания и композиции, переводчика, реципиента, а также энергетическое поле, и опирающейся на понятие приемлемости перевода. Эрратологические аспекты перевода охарактеризованы с точки зрения смысловой, референциальной и синтаксической неоднозначности в рамках содержательного, композиционного и энергетического полей. Установлено, что в переводах, выполненных машиной и человеком, в поле автора патентной заявки реализуется намерение передать техническую информацию. Показано, что в содержательном, композиционном и энергетическом полях жанрово-композиционные особенности заявки переданы в переводах обоих типов, а при наличии в оригинале смысловой, референциальной или синтаксической неоднозначности в машинном переводе присутствовали ошибки, а текст перевода воспринимался реципиентом как неприемлемый. Результаты исследования могут быть использованы при редактировании машинных переводов патентной документации, а также при оценивании качества перевода технической документации других жанров.

Ключевые слова: патентная заявка, машинный перевод, неоднозначность, приемлемость, редактирование, синергетический подход.

Цитирование. Соколова Н. В. Машинный перевод vs перевод, выполненный человеком, в синергетическом переводческом пространстве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 89–98. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.8>

Introduction

The role of technical texts, or texts pertaining to the subject area of technology [Lotman, 2000; 2010, p. 67] and conveying respective information, is becoming increasingly important.

Currently, we are witnessing an unprecedented growth of technical information – an umbrella term describing any technology-related data such as technical know-how, standards and specifications, invention and innovation disclosures, patent applications and drawings, manuals, etc. For example, the number of patent applications worldwide has demonstrated a three-fold increase within the period of 2002–2016, according to the World Intellectual Property Organization (WIPO). Pertaining to the domain of technology [Lotman, 2010, p. 17], technical texts play their role in disseminating specific technical knowledge.

Technical information can be further disseminated through translation into other languages. The amount of technical translation accounts for a great proportion of the world's translation output [Franco Aixelá, 2004].

Moreover, technical translation itself often involves utilizing technology. One cannot but witness a growing tendency to have technical texts – such as patent applications – translated via a variety of machine translation tools powered by IT giants.

The intricacies of technical translation have been approached by scholars, with lexical aspects [Shershukova, 2017; Trinozhenko, Goncharova, 2016] or the translator being in focus [Fontanet, 2016], etc. Speculations about the pros and cons of machine vs. human translation are also underway [Zhaorong Zong, 2018].

Within the domain of linguistics, the word-sense, referential, and syntactic ambiguity types have been proven to be the reason behind machine translation errors [Linares, 2008] (see also: [Sokolova, 2019]) which can be explained by the fact that words may have more than one meaning, referent, and can be used in complicated syntactic structures [Linares, 2008, p. 3].

These findings focus on the linguistic material and its translated output leaving the process of translation and its stakeholders behind, along with genre-related aspects. These assumptions make us believe that a broader approach should be applied to human-produced and machine translations of technical texts within the area of translation studies.

This paper does not intend to unravel the misconceptions intertwined with technical translation and brilliantly exposed by Jody Byrne [Byrne, 2004; 2006] such as those of technical translation including economics, law, business etc. and being a non-creative transfer process [Byrne, 2006].

Investigating the technical translation process within a framework embracing the stakeholders and the output of technical translation produced by humans and machines, the paper aims at comparing such output in terms of acceptability.

Material and methodology

When it comes to technical texts, patent documents are of particular interest as they deliver cutting-edge technical knowledge. The European Patent Office (EPO), the United States Patent and Trademark Office (USPTO) are among the institutions accumulating and disseminating patent data. The World Intellectual Property Organization (WIPO) maintains a special database – PATENTSCOPE (WIPO PATENTSCOPE) providing access to over 90 million patent documents and 4 million published international patent applications regardless of country specifics. In addition, the WIPO provides database users with a custom machine translation tool – WIPO Translate.

The paper draws on the English language patents of the WIPO PATENTSCOPE database as the material of the study in the amount of 120,000 characters and their human-produced and machine translations into Russian. The machine translations coming under scrutiny are generated using the custom WIPO Translate tool specifically

trained in the subject area of patents. Human translations were made by professional translators. The English language patents under study pertain to the subject area of information technology and related embodiments in the linguistic field.

According to the WIPO maintaining the PATENTSCOPE database, a technology patent “is an exclusive right to a product or a process that generally provides a new way of doing something or offers a new technical solution to a problem. To get a patent, technical information about the invention must be disclosed to the public in a patent application” (FAQ).

Since the technical translation process involves several stakeholders, and the relevant information should be taken into account, the synergetic translation space approach elaborated by L.V. Kushnina [Kushnina, 2004] might have a potential of explaining the complex process of any translation type, including the technical one.

We assume that this all-encompassing synergetic translation space approach could provide for investigating the technical translation process within the framework of the domains outlined below:

- the author’s domain conveying the intention of the author to render some information in a particular way;
- the composition- and content-related domain which contains terms while their adequate translation ensures the successful transposition of factual meanings; the word-sense, referential, and syntactic ambiguity will come under scrutiny in this respect;
- the energy-related domain of technical texts containing both verbal means such as official clichés rendering emotive meanings and nonverbal means including figures, drawings, etc. [Ketola, 2015];
- the translator’s domain which is intertwined with the translator’s understanding of the author’s intention to be eventually transposed to and embodied in the target text;
- the recipient’s domain within which the target text becomes part and parcel of the recipient’s culture [Kushnina, 2013] (see also: [Larson, 1987]).

This approach provides for transposing factual and emotive meanings of the source text and transplanting them into the target text and culture

[Kushnina, 2004]. The target text should not be identical to the source one; it must sound natural instead [Kushnina, 2013] being acceptable to the target culture.

The paper also makes use of terms such as word-sense ambiguity, with “words having more than one possible meaning or sense” [Linares, 2008, p. 3; Miftakhova, 2017]; referential ambiguity for words having more than one referent [Linares, 2008, p. 3]; and syntactic ambiguity [Linares, 2008, p. 3], which may result in translation errors.

This is when the notion of acceptability should be emphasized as “subscription to norms originating in the target culture determines... acceptability” [Toury, 1995, p. 57].

J. Byrne stresses that the aim of technical translation is to achieve a high level of acceptability because technical texts are intended to function as a target language text [Byrne, 2006, p. 37] while M. Larson points out that “the goal of most translators is to produce translations which are acceptable for the audiences for whom the translations are produced” [Larson, 1987, p. 69].

It is also of crucial importance within the context of this paper to focus on the notions of text and genre as “at a general level, text refers to a sequence of sentences serving an overall rhetorical purpose... genre refers to the conventional linguistic expression associated with speech and writing in certain contexts of situation (e.g. the letter to the editor)” [Baker, Saldanha (eds.), 2011, p. 89]. Ultimately, genres demonstrate definite and relatively stable typical forms as a whole [Bakhtin, 1986].

Patents constitute a genre of their own which makes it possible for us to investigate both the conventional expressions of the patent genre and their textual realization from the perspective of the translation space approach both in the source and target texts of information technology patent documents translated by humans and with the help of the WIPO Translate tool.

Thus, the methodology framework to be applied to human and machine translations of patent documents provides for:

- 1) selecting patent documents and having them translated both with the help of human translators and the WIPO Translate tool;
- 2) investigating the source and target texts – both machine- and human-produced ones – within

the domains of the author, content, energy, translator, recipient;

3) comparing the machine- and human-produced translation output in terms of its acceptability.

Results and discussion

The author's domain

First of all, translation can be generally perceived as a communicative act involving the author, the translator, and the reader [Byrne, 2006, p. 11] so it is the intention [Klushina, 2012] of the author that is crucial in generating the source text and determining its function.

The author's intention to present technical information of patent documents results in their primarily informative function, but "there is more to technical translation than simply transmitting information. Instead, the challenge for technical communicators is to ensure that all the relevant information is indeed conveyed but also that it is conveyed in such a way that the readers can use the information easily, properly and effectively" [Byrne, 2006, p. 10]. "...The sole purpose is to communicate technical information clearly and efficiently" [Byrne, 2006, p. 175].

Thus, the author's intention determines the informative function of technical texts such as patent documents and – respectively – technical translation as a process of communicating relevant information and its resulting output.

The composition and content domain

The intention of the author's domain to provide new technical information clearly and precisely manifests itself in a specific content of patent documents within the framework of the genre-specific composition.

Typically, the genre of patents has conventional composition parts such as *summary*, *related applications*, *technical field*, *background art* which can be rendered into Russian as *реферат*, *родственные заявки*, *область техники / технического применения*, *уровень техники*, respectively.

The invention summary gives a general description while *the brief description of the drawings* (*описание чертежей*) and

description of specific embodiments (*описания внедрений*) focus on drawings and invention applications. Via *Claims* (*формула изобретения*), one can get familiarized with methodological guidelines. Eventually, the parts of patent applications work together to deliver all the relevant technical information both in the verbal and nonverbal forms such as drawings and figures, with the titles of the patent parts being conventionally translated into Russian as specified above.

The custom WIPO tool trained to translate patent documents demonstrates that it can handle the challenges of choosing the proper word within the patent subject area when it comes to genre-specific titles as can be seen in the machine translations below since the *technical field* and *background* are rendered as *область техники и уровень техники* in line with the genre-specific clichés accepted in the Russian technical language and culture:

(1) TECHNICAL FIELD

The present disclosure is generally related to computer systems, and is more specifically related to systems and methods for automated translation of electronic documents from one or more source natural language to one or more target natural languages.

Machine translation: Область техники

Настоящее раскрытие в целом относится к компьютерным системам и, более конкретно, относится к системам и способам автоматического перевода электронных документов из одного или более источников естественного языка на один или более целевых естественных языков.

(2) BACKGROUND

Language translation computer programs perform reasonably well for formal content in well-studied languages (e.g., English, French, Spanish, German, and others). However, for other language, as well as informal or subject area-specific content, a user has often resort to *human translation* and hence bear the associated costs (US20160259760).

Machine translation: Уровень техники

Компьютерные программы машинного перевода достаточно хорошо работают для формального содержания на хорошо изученных языках (например, английский, французский, испанский, немецкий и другие). Однако для другого языка, а также неформального или тематически определенного содержания, пользователь часто прибегает к *трансляции человека* и, следовательно, поддерживает связанные с ними затраты.

At the same time, the machine translation excerpt (2) above demonstrates the wrong and non-acceptable rendering of the term *human translation* as *трансляция человека* instead of *перевод, выполненный человеком*.

This fact shows that polysemantic words and their word-sense ambiguity as well as the proper choice of factual meanings still pose a major challenge even to genre-trained machine translation tools. As for those conventional genre-specific clichés such as titles of patent sections, the machine can easily and error-free replace them with their Russian equivalents within the context of the patent genre.

The author's intention to describe the invention in the most detailed and precise manner could also result in using terms in the form of multi-component collocations [Vlavatskaya, 2011, p. 135] when end words are preceded with other ones, for example, *a Web search engine user interface; an enterprise cloud computing platform; the search engine user interface*, etc. (WO2017151408). As a result, translators deal not only with rendering the meanings of terms but also with challenges of disentangling multi-component collocations and their syntactic relations.

The patent document (WO2017034824) below features a variety of multi-component collocations such as *the source language, the target language, web pages, a web page copy, the human translators translations*, etc. There are also attributes such as participles and clauses identifying these nouns in *detects a second request for the web page from a computing device associated with the target language and in response to detecting the second request outputs to the computing device the translated web page with additional content* (WO2017034824). One can come across subordinate clauses such as *while machine translation is typically faster and less expensive, manual translation can typically provide higher quality translations* (WO2017034824).

Below are the analyzed excerpts translated by a human translator and rendered with the help of the WIPO Translate tool, respectively:

(3) In response to receiving a first request to opt in to the translation feature the server: detects a second request for the **web page** from a computing device associated with the **target language** and in response to detecting the second request outputs to

the computing device the translated web page with additional content relevant to the computing device or a user associated with the computing device (WO2017034824).

Human translation: В ответ на получение первого запроса на выполнение перевода сервер: отслеживает второй запрос *веб-страницы*, поступающий от компьютерного устройства, связанного с работой на *языке перевода*, и в ответ на второй полученный запрос загружает на устройство переведенную веб-страницу с дополнительной информацией, относящейся к устройству или пользователю устройства.

Machine translation: В ответ на прием первого запроса на выполнение перевода сервер: обнаруживает второй запрос *веб-страницы* из вычислительного устройства, связанного с *целевым языком*, и в ответ на обнаружение вторых запросов запроса на вычислительное устройство передает переведенную веб-страницу с дополнительным содержанием, релевантным для вычислительного устройства, или пользователя, ассоциативно связанного с вычислительным устройством.

The comparison of the human and machine translations above makes it evident that the content-related domain is rendered in the machine translation output improperly as the multi-component term *target language* conventionally translated into Russian as *язык перевода* is conveyed as *целевой язык*. At the same time, it is also of particular interest that the term *целевой язык* is becoming more pervasive these days as compared to the traditional term *язык перевода*.

The referential and syntactic ambiguity is also a challenge, with the part *additional content relevant to the computing device or a user associated with the computing device* rendered as *дополнительным содержанием, релевантным для вычислительного устройства, или пользователя, ассоциативно связанного с вычислительным устройством*. In comparison, the human translation output above demonstrates a variety of techniques relevant in the context which make the resulting output acceptable.

The next example below demonstrates again that the machine translation tool fails to render the terms due to the word-sense and referential ambiguity, with *manual translation* being conveyed as *ручная трансляция*, while the human translator opted for using the antonymous translation *немашинный перевод*:

(4) While *machine translation* is typically faster and less expensive, *manual translation* can typically provide higher quality translations (WO2017034824).

Machine translation: Хотя *машинное преобразование* обычно является более быстрым и менее дорогостоящим, *ручная трансляция* может, как правило, предоставлять переводы более высокого качества.

Human translation: Несмотря на то, что *машинный перевод* чаще оказывается быстрее и дешевле, *немашинный*, как правило, отличается более высоким качеством.

One cannot but conclude that the acceptability is not the case when terms and multi-component collocations within the content-related domain of patent documents are translated using machine tools as opposed to and compared with translations made by humans. Machines are “baffled” by the word-sense ambiguity [Linares, 2008] of terms in the context such as *translation – перевод – трансляция, machine translation – машинный перевод – машинная трансляция*, etc., with this type of ambiguity being the result of using “words having more than one possible meaning or sense” [Linares, 2008, p. 3; Miftakhova, 2017].

The author’s intention to define the notions as comprehensively and precisely as possible also results in using descriptive participles and clauses, for example:

(5) Also presented are *a server having one or more processors configured* to perform operations and *a computer-readable medium...*

Machine translation: Также представлены *сервер, имеющий* один или более *процессоров, сконфигурированных* для выполнения операций, и *машиночитаемый носитель...*

And the machine translation above demonstrates the fact that this type of the syntactic ambiguity is an obstacle overcome since the linear syntactical structures of patent texts can be easily transposed to the target language.

Thus, the conventional titles of patent parts – *background, summary*, etc. – can be rendered equally acceptably both by humans and the WIPO Translate tool trained using the patent genre features. This statement is also true of syntactic structures consisting of nouns and identified with participles and clauses which are typical of the patent genre.

However, when it comes to the ambiguity of polysemantic words and the referential ambiguity in the patent texts, the machine translation tool happens to be incapable of choosing the proper factual meaning in the context while the human translator makes proper choices.

The energy domain

There is a stereotype that patents deliver information in the most impassionate way, and it turns out to be untrue when taking a closer look at the conventional composition of patent applications and their textual content.

As mentioned earlier, the *Background* section of patent applications describes the problem associated with the current state of technology which might be *too slow, too expensive, not easy to use*, etc. This is when the proposed invention is supposed to be helpful in solving this problem. And this is when the emotive meanings may come forward in the *Background* section due to conveying the persuasive intention of the author and setting the positive tonality [Matveeva, 2006] of the section offering some cutting-edge solution to the problem specified.

The analysis of the patent document below (US20120215521) shows that the *Background* section can be built around the antithesis of the prior, present, and the future state of things, with the prior or present ones being *problematic* and the invention method being *effective, accurate, necessary, enabling users to clearly and easily communicate*, etc. The emotive words can also be accompanied by intensifiers such as *highly*, etc.:

(6) The present invention is a software application that is designed to allow individuals, who speak different languages, *to clearly and easily communicate* with each other. <...> Users may speak or type messages with the software application and then press a “translate” button to select a language in order to send the message in that language. <...>

Many individuals find themselves in situations that require knowledge of other languages. While vacationing, working, or visiting areas in which the native language is unfamiliar, individuals may find themselves unable to communicate with the people around them. This can be *highly problematic*, especially if these individuals become lost, are sent to

the hospital, or find themselves in other emergency situations (US20120215521).

Machine translation: Настоящее изобретение представляет собой приложение программного обеспечения, которое предназначено для того, чтобы дать возможность людям, которые говорят на разных языках, *ясно и легко* связываться друг с другом. Пользователи могут говорить или тип сообщений с приложением программного обеспечения и затем нажать кнопку “транслировать” для того, чтобы выбрать язык для того, чтобы послать сообщение на этом языке.

Многие люди находят себя в ситуациях, которые требуют знания других языков. В то время как истощение, обработка или посещающие области, в которых родной язык неизвестны, индивидуумы могут найти себя неспособным связаться с людьми вокруг них. Это может быть *весьма проблематичным*, особенно если эти люди потеряны, отправлены в больницу или находят себя в других чрезвычайных ситуациях.

Human translation: Настоящее изобретение представляет собой программное приложение, которое предназначено для того, чтобы предоставить возможность людям, говорящим на разных языках, *легко общаться и понимать друг друга*. <...> Пользователи могут произнести или напечатать сообщение, а затем нажать кнопку «перевод», чтобы выбрать язык и отправить сообщение на этом языке. <...>

Многие оказываются в ситуациях, когда необходимо знание языков. В отпуске, на работе либо при посещении территорий, где говорят на неизвестном языке, люди не могут вступить в общение с окружающими. Это может быть *весьма проблематичным*, особенно если человек заблудился, попал в больницу или оказался в чрезвычайной ситуации.

The patent excerpts above feature qualitative adjectives and adverbs such as *easily and highly problematic* among others, which may not be considered typical of ‘dry’ technical texts. However, within this context, such words serve to render the persuasive intention of the author trying to provide some substantiation for the invention. To describe the current situation, the negatively-charged adjective *highly problematic* is used while the positively-charged one – *easily* – demonstrates the benefits of the solution described in the patent document.

As it turns out, all the qualitative adjectives and adverbs of the energy domain are rendered properly both in the human and

machine translations since they have the literal meaning *easy* which means *легкий*, etc. in this context.

However, acceptability is not achieved in the content-related domain of the machine translation due to numerous errors resulting from the world-sense and syntactical ambiguity whereas *vacationing, working, or visiting areas* are translated as *истощение, обработка или посещающие области*, etc.

This is also true of one more manifestation of the energy field in patent documentation such as metaphorical idioms. For example, the idiom *word of mouth – the verbal sharing of information* (Free Dictionary) – is used for describing aspects of creating patent databases as a result of word-of-mouth referrals. The machine translation (7) where this idiom is rendered as *слов-референтов в ротовой полости* is unacceptable:

(7) Physicians typically derive their patient base from word-of-mouth referrals. These word of mouth referrals generally come from former patients (WO2001035275).

Machine translation: Врачи, как правило, получают свое основание пациента из слов-референтов в ротовой полости. Эти слова, относящиеся к рту, как правило, поступают от прежних пациентов. Таким образом, врачи зависят от пациентов при построении основы пациента.

Human translation: Как правило, база пациентов врачей-терапевтов формируется на основании устных рекомендаций, которые предоставляют бывшие пациенты.

As compared to the machine translation above, the human-produced translation demonstrates a completely different picture, with the idiom rendered properly.

The translator’s and the recipient’s domains

The examples evidence the fact that it is the human translator who is capable of assembling and making sense of all the domains of the author’s intention, genre composition and terminology content, as well as the emotive energy in order to deliver an acceptable translation output.

To assess such acceptability from the point of view of the recipient, a questionnaire was created and shown in a table below. With two

translators in the area having been questioned to range these translations within the acceptable – partly acceptable – unacceptable criteria:

Target patent application translation	Human	Machine
Content domain	Acceptable	Unacceptable
Composition domain	Acceptable	Acceptable
Energy domain	Acceptable	Partly acceptable / Unacceptable

As it follows from the table, the answers are identical when it comes to the content and composition domain. As for the energy domain, the answers range from partly acceptable to unacceptable providing assessments to the translation of separate emotive words such as *highly problematic* and idioms.

The machine translations under study lack acceptability mostly in the domains of rendering the author’s intention, terminology content, and energy since the translation is a purposeful activity [Nord, 1997] – being far from a mere and primitive word-by-word substitution.

Undeniably, the machine translation tool under study shows progress in conveying the conventional translations of the genre-specific titles and linear syntactical structures along with single emotive words such as adjectives and adverbs while the idioms and culture-acceptable use of words leave the software tool ‘baffled’.

Conclusion

Patent documents account for a great proportion of technical translation, with machine translation tools often touted as providing a solution, which the recipient might need in terms of getting comprehensible information. However, the translations produced by the WIPO Translate tool demonstrate that the machine translations of patents contain errors resulting from the semantic, referential, and syntactic ambiguity as compared to the patent translations made by humans. The premises come from the comparative analysis of the machine and human patent translations that was performed within the framework of the synergetic translation space concept, spanning the domains of the author, content and composition, energy, translator, recipient, and acceptability.

The synergetic translation space approach proved to be instrumental in unraveling the myth

of coming-to-rescue machine translation since – despite the progress made – only purposefully produced human translations demonstrate a viable potential of delivering the target culture-acceptable output fitting within all the translation domains of the author, composition, content, energy, and recipient and delivering their synergy while the machine translation tool can handle the process only within the conventional aspects of the patent genre composition. Assessing acceptability of rendering pointed to certain disparity in the content-composition and energy domains, as the technical and emotive information encoded by the author is delivered more accurately by a human translator. Genre- and composition-related specifics have been rendered in both cases while the machine translation errors in the content and energy domains have been proven to result from the semantic, referential, or syntactic ambiguity, and this is when the translated output is generally considered unacceptable by the recipient.

The outlined findings could be instrumental in paving the way for improving machine translation quality and acceptability as perceived by human recipients.

REFERENCES

- Bakhtin M.M., 1986. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 250-296.
- Baker M., Saldanha G., eds., 2011. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London and New York, Routledge, Taylor and Francis Group. 22. 674 p.
- Byrne J., 2004. *Textual Cognetics and the Role of Iconic Linkage in Software User Guides. Doctoral Dissertation*. Dublin, Dublin City University. 357 p.
- Byrne J., 2006. *Technical Translation. Usability Strategies for Translating Technical Documentation*. Netherlands, Springer, 13. 280 p.
- Fontanet M., 2003. The Technical Translator: The Sherlock Holmes of Translation? *ATA Chronicle*, 2013, July, vol. 42, no. 7, pp. 18-26. URL: https://www.ata-chronicle.online/wp-content/uploads/4207_18_mathilde_fontanet.pdf (accessed 28 November 2020).
- Franco Aixelá J., 2004. The Study of Technical and Scientific Translation: An Examination of Its Historical Development. *Journal of Specialised Translation*, no. 1, pp. 29-49.

- Ketola A., 2015. Translation Diaries of an Illustrated Technical Text. *Connexions International Professional Communication Journal*, no. 3 (2), pp. 13-40.
- Klushina N.I., 2012. Intentsionalnyi metod v sovremennoi lingvisticheskoi paradigm [Intentional Method in the Modern Linguistic Paradigm]. *Mediastilistka* [Mediastylistics], iss. 4. URL: <http://mediascope.ru/node/1242> (accessed 10 January 2021).
- Kushnina L.V., 2004. *Vzaimodeistvie yazykov i kultur v perevodcheskom prostranstve: geshtalt-sinergeticheskii podkhod: dis. ... d-ra filol. nauk* [The Interaction of Languages and Cultures in the Translation Space: The Gestalt-Synergetic Approach. Dr. philol. sci. diss.]. Perm. 437 p.
- Kushnina L.V., 2013. Funktsionirovanie tekhnicheskikh tekstov v perevodcheskom prostranstve [The Functioning of Technical Texts in the Translation Space]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 11 (29), part 2, pp. 119-121.
- Larson M., 1987. Establishing Project-Specific Criteria for Acceptability of Translations. Rose M.G., ed. *Translation Excellence: Assessment, Achievement, Maintenance. American Translators Association Scholarly Monographs*. Binghamton, New York, University Center, State University of New York, pp. 69-76.
- Linares J.A.G., 2008. *Empirical Machine Translation and Its Evaluation. Doctoral Dissertation*. Barcelona. 247 p.
- Lotman Yu.M., 2000. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ. 704 p.
- Lotman Yu.M., 2010. *Nepredskazuemye mekhanizmy kultury* [Unpredictable Mechanisms of Culture]. Tallinn, TLU Press. 232 p.
- Matveeva T.V., 2006. Tekstovaya kategoriya [Textual Category]. Kozhina M.N., ed. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar russkogo yazyka* [The Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 549-552.
- Miftakhova R.G., 2017. *Formalizatsiya estestvennogo yazyka v mashinnom perevode s oporoi na dopolnitel'nyi korpus rodstvennogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Formalizing the Natural Language Using the Additional Corpus of the Related Language. Cand. philol. sci. diss.]. Ufa. 187 p.
- Nord C., 1997. *Translating As a Purposeful Activity*. Manchester, St. Jerome Publishing. 154 p.
- Shershukova N.V., 2017. Spetsifika perevoda nauchnykh i tekhnicheskikh tekstov (patentov) [Specifics of Translating Scientific and Technical Texts (Patents)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 3 (69), part 2, pp. 182-184.
- Sokolova N.V., 2019. Mashinnyi perevod patentov: tipichnye oshibki [Machine Patent Translation: Typical Errors]. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya: lingvisticheskie aspekty: sb. materialov VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (28–29 marta 2019 g.)* [Intercultural Communication: Linguistic Aspects. Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference (March 28–29, 2019)]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, pp. 173-178.
- Toury G., 1995. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins. 311 p.
- Trinozhenko M.D., Goncharova Yu.L., 2016. Spetsifika perevoda patentnoi dokumentatsii [Specifics of Translating Patent Documents]. *Yunyi issledovatel Dona* [Don's Young Researcher], no. 1 (1), pp. 1-6.
- Vlavatskaya M.V., 2011. *Teoreticheskie problemy kombinatornoi lingvistiki. Leksikologiya. Leksikografiya* [Theoretical Issues of Combinatorial Linguistics. Lexicology. Lexicography]. Novosibirsk, NGTU. 508 p.
- Zhaorong Zong, 2018. Research on the Relations Between Machine Translation and Human Translation. *Journal of Physics: Conferences Series*, vol. 1087, iss. 06, pp. 1-6. DOI: 10.1088/1742-6596/1087/6/062046.

SOURCES

- EPO – European Patent Office. URL: <https://www.epo.org/> (accessed 10 January 2021).
- FAQ – Frequently Asked Questions: Patents. URL: https://www.wipo.int/patents/en/faq_patents.html (accessed 10 January 2021).
- Free Dictionary – Free Dictionary. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/word-of-mouth> (accessed 10 January 2021).
- USPTO – United States Patent and Trademark Office. URL: <https://www.uspto.gov/patents-application-process/search-patents> (accessed 10 January 2021).
- US20120215521 – Software Application Method to Translate an Incoming Message, an Outgoing Message, or a User Input Text // WIPO PATENSCOPE. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US74346340&tab=PCTDESCRIPTION&_cid=P10-K1QKXL-27077-1 (accessed 10 January 2021).
- US20160259760 – Automated Document Translation // WIPO PATENSCOPE. URL: <https://>

patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US177603917&tab=PCTDESCRIPTION&_cid=P10-K3G6FH-49819-2 (accessed 10 January 2021).

WO2001035275 – Building Metaphor // WIPO PATENTSCOPE. URL: https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=WO2001035275&_cid=P20-KJRFZX-74690-1 (accessed 10 January 2021).

WO2017034824 – Techniques for Crowd Sourcing Human Translations to Provide Translated Versions of Web Pages with Additional Content // WIPO PATENTSCOPE. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=WO2017034824&_cid=P10-K3D8ET-84783-1 (accessed 10 January 2021).

docId=WO2017034824&_cid=P10-K3D8ET-84783-1 (accessed 10 January 2021).

WO2017151408 – Blending Enterprise Content and Web Results // WIPO PATENTSCOPE. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=WO2017151408&tab=PCTBIBLIO&_cid=P20-JY16IZ-51668-1 (accessed 10 January 2021).

WIPO – World Intellectual Property Organization. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2017-chapter2.pdf (accessed 10 January 2021).

WIPO PATENTSCOPE – WIPO PATENTSCOPE. URL: <https://www.wipo.int/patentscope/en/> (accessed 10 January 2021).

Information About the Author

Natalia V. Sokolova, Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Prosp. Komsomolsky, 29, 614990 Perm, Russia, ntlk0@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0550-2272>

Информация об авторе

Наталья Владимировна Соколова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, просп. Комсомольский, 29, 614990 г. Пермь, Россия, ntlk0@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0550-2272>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.9>

UDC 811.111'42:398.21
LBC 81.432.1-51

Submitted: 29.01.2021
Accepted: 30.08.2021

**LINGUOSEMIOTIC REALIZATION OF THE CONCEPT *SHAPE SHIFTING*
IN THE ENGLISH FOLK CULTURE
(BASED ON THE FOLK TALE DISCOURSE)**

Olga A. Plakhova

Togliatti State University, Togliatti, Russia

Abstract. The research objective consists in the study of the linguosemiotic manifestation of the concept *shape shifting* in the English folk culture. The present work allows to identify the concept structure as a scenario frame whose structural minimum comprises the classifiers: the “subject of the shape shifting”, “object of the shape shifting”, “action” and “circumstances of the action”. The temporal and causal classifiers as well as the “state of the shape shifting object” and “consequences of shape shifting” belong to the optional ones having irregular linguosemiotic actualization. The English folk tale discourse demonstrates the diversity of the linguosemiotic manifestation of the concept represented by items of a wide range of codes (zoomorphic, ornithomorphic, amphibiomorphic, reptilemorphic, somatic, artifact, mineral, coloromorphic, temporal, numerological, esoteric, manipulative, etc.). The article confirms the idea that the original and the transformed shapes of the objects of shape shifting are opposed in the English folk tale discourse as “alive – dead”, “beautiful – ugly”, “sublime – terrible”. In its complete form the concept *shape shifting* can be revealed within one folk text more than once. All the elements of the structural-meaningful minimum are proved to remain constant; only the intention of the subject of the shape shifting becomes variable. Accordingly it concerns either casting a spell on, or taking a spell off, or punishing for doing the evil (shape shifting as retribution). The paper contains the examples of a discursive link between the first two shape shifting motifs (enchantment – disenchantment) manifested by the conditions of regaining the original shape.

Key words: discourse, folk tale discourse, folklore, concept, frame, linguosemiotics, shape shifting.

Citation. Plakhova O.A. Linguosemiotic Realization of the Concept *Shape Shifting* in the English Folk Culture (Based on the Folk Tale Discourse). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 99-110. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.9>

УДК 811.111'42:398.21
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 29.01.2021
Дата принятия статьи: 30.08.2021

**ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
КОНЦЕПТА «SHAPE SHIFTING / ОБОРОТНИЧЕСТВО»
В АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА)**

Ольга Александровна Плахова

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия

Аннотация. Цель исследования состоит в описании лингвосемиотического представления концепта «shape shifting / оборотничество» в английской традиционной культуре. Установлено, что концепт имеет вид сценарного фрейма, в структурный минимум которого входят классификаторы «субъект», «объект», «действие» и «обстоятельства действия». Все элементы структурно-содержательного минимума остаются постоянными. Переменной величиной становится только интенция субъекта оборотничества, в соответствии с

которой возможно наложение заклятия (заколдовывание), снятие заклятия (расколдовывание) и кара за содеянное зло (оборотничество как воздаяние). Периферийные когнитивные признаки классификатора «объект» осуществляют связь исследуемого концепта с другими концептами группы «изменение внешнего облика». Особое внимание уделено дискурсивной связи двух мотивов оборотничества (заколдовывание – расколдовывание), которая осуществляется за счет вербализации когнитивного признака «условия возвращения исходного облика». Результаты анализа языкового материала свидетельствуют о том, что лингвосемиотическая манифестация концепта разнообразна и отличается широкой номенклатурой единиц зооморфного, орнитоморфного, амфибиоморфного, рептилеморфного, инсектоморфного, соматического, артефактного, минерального, колороморфного, темпорального, нумерологического, эзотерического, манипулятивного, акционального и других кодов. Противопоставление исходного и трансформированного обликов объектов оборотничества реализуется в англоязычном сказочном дискурсе в оппозициях «живой – мертвый», «прекрасное – безобразное», «возвышенное – ужасное».

Ключевые слова: дискурс, сказочный дискурс, фольклор, концепт, фрейм, лингвосемиотика, оборотничество.

Цитирование. Плахова О. А. Лингвосемиотическое воплощение концепта «shape shifting / оборотничество» в английской народной культуре (на материале сказочного дискурса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 99–110. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.9>

Введение

Оборотничество как явление магической смены облика уходит своими корнями в тотемические и анимистические верования. В исследованиях тотемических мифов выделяют связанные с разным устройством архаического общества (матриархат и патриархат) сюжеты, в которых заключается брак человека с тотемом. При этом маркером «чужой» отмечен либо жених героини (матрилинейный счет родства), либо невеста героя (отцовское право) [Решетникова, 2006, с. 120]. Животные-тотемы воспринимались в древности как прародители, как проводники, ведущие человека в сложных ситуациях жизни, как некие константы бытия и глубокие образы, наделенные определенным набором качеств, которые со временем укоренились в коллективном бессознательном в виде архетипов [Жарова, 2014; Калинин, 2015; Киндря, 2010; Хазанкович, 2009].

Оборотни устойчиво связываются в народном сознании с потусторонним миром. Соответственно, оборотничество маркируется как хаотическое и демоническое, противопоставляясь упорядоченности и правильности реального мира [Неклюдов, 1979; 1998]. Подобное противопоставление выражается в культуре в оппозициях «высокое – низкое», «свое – чужое», «истинное – преображенное», «живое – мертвое», «одушевленное – неодушевленное», «видимое – невидимое», «красивый – уродливый», «добрый – злой» [Кузьмин, 2009]. Эту же точку зре-

ния разделяет А.П. Решетникова, указывая на генетическую корреляцию дефектности хтонических существ и половинчатости оборотней-тотемов [Решетникова, 2006, с. 122].

Мотив смены человеческого облика на зооморфный / орнитоморфный обладает глубоким смыслом для человеческой культуры в целом и находит отражение не только в фольклорном, но и в художественном дискурсе [Королькова, 2013; Любимова, 2016; Тиманова, 2008; Хазанкович, 2009].

Феномен изменения внешнего облика героя исключительно многообразен в народной культуре, что приводит к сложностям в определении объема понятия «оборотничество». С одной стороны, оборотничество приравнивается к превращению, поскольку последнее представляет собой переход одной материи в другую [Коломакина, 2012; 2017]. С другой стороны, оборотничество, предполагающее слияние, вытеснение и подмену сущностей, практически исключается из мифопоэтической картины мира. Вместо него, как считает Н.А. Киндря, исследователь в большинстве случаев имеет дело с оборачиванием, будь то трансформация Иванушки-дурачка в Ивана-царя или царевича в Ясного сокола [Киндря, 2009, с. 174–175]. Кроме того, оборотничество рассматривается как одна из форм изменения внешнего облика, наряду с маскарадом, наготой, обнажением, заголением и т. д. [Краюшкина, 2008, с. 73].

В народной культуре трансформация облика является одним из результатов магического воздействия сказочного персонажа [Астафурова, Плахова, 2013, с. 121]. Вместе с тем способность к смене личины различается не только у мифологических персонажей разных групп, но и у существ, объединенных фольклорным сознанием в один концепт. В частности, изучение англоязычного сказочного дискурса свидетельствует о том, что данным признаком обладают мифологические персонажи, формирующие ядро соответствующего концепта – фейри или великаны. Персонажи, занимающие периферийные области, данного свойства уже лишаются, компенсируя его отсутствие социально значимыми признаками [Плахова, 2011а; 2011б; 2011в; Плахова, Астафурова, 2011].

Исходя из разного понимания сущности оборотничества, авторы предлагают разные принципы классификации явления. Оборотничество может быть высоким (восходящим к тотемизму), низким или относиться к нашему миру. По цели выделяются возрастное оборотничество, принятие облика другого ролевого плана, изменение сущности. Кроме того, оборотничество классифицируется как временное, сознательное и несознательное, полное и частичное, добровольное и насильственное, а также субъектно-субъектное и субъектно-объектное [Коломакина, 2012, с. 20; Коломакина, 2017, с. 35; Краюшкина, 2008, с. 73–75].

Актуальность избранной темы связана с недостаточной изученностью значимого для исследуемой лингвокультуры концепта «shape shifting / оборотничество» в лингвосемиотическом и когнитивном аспектах, его структурно-содержательного минимума и связи с другими мифологическими концептами.

Новизна предлагаемого вниманию читателя исследования состоит в изучении особенностей лингвосемиотического представления концепта «shape shifting / оборотничество» в англоязычном сказочном дискурсе и описании его структурно-семантических характеристик.

Понимание оборотничества в настоящей работе базируется на семантике ключевой номинации соответствующего концепта в английской лингвокультуре. Первый элемент

лексемы *shape shifting* получает в словаре следующее толкование: *shape* – 1. The **outer form of something** (выделено нами. – О. П.), by which it can be seen (or felt) to be different from something else (LDELС, 2000, p. 1236) / Внешний облик, по которому что-либо воспринимается как другое, отличается от других (здесь и далее перевод с английского наш. – О. П.). Данное значение полностью передает сущность оборотничества как полную смену формы кого-либо (чего-либо). Соответственно, к оборотничеству мы относим широкий спектр явлений, включая трансформации животных-тотемов, традиционную для волшебных сказок добровольную и насильственную смену антропоморфного облика на любой другой (зооморфный, орнитоморфный, флороморфный, артефактный и т. д.), а также чары (*glamour*), посредством которых мифологические существа заставляют человека воспринимать окружающие объекты в искаженном виде. Более подробно данный вид гипнотического воздействия был описан в [Плахова, 2012]. Переходными между оборотничеством и иными формами изменения внешнего облика являются частичная трансформация внешности персонажа в результате увечий и сокрытие героиней своего истинного облика посредством переодевания в одежду из растений, шкур животных или перьев птиц.

Материал и методы

Целью данной работы является дескрипция специфики лингвосемиотической манифестации концепта «shape shifting / оборотничество» в английской народной культуре.

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что в структурном отношении концепт «shape shifting / оборотничество» представляет собой сценарный фрейм, состоящий из постоянных и переменных величин. Входящие в структурный минимум концепта когнитивные признаки осуществляют его связь с другими концептами, аккумулирующими в народном сознании представления о смене внешнего облика. Мы предполагаем, что данный концепт фиксируется в англоязычном сказочном дискурсе посредством лингвосемиотических единиц разных групп, организованных в оппозиции категории «чудесное».

В качестве материала исследования были использованы тексты разных жанров, составляющие англоязычный сказочный дискурс (классические волшебные сказки, предания, легенды). Исследуемый корпус составили 124 текста, входящие в три сборника английских сказок общим объемом 635 страниц.

В структурном отношении концепт «*shape shifting* / оборотничество» является сценарным фреймом и входит в народном сознании в качестве элемента в структуру большинства мифологических концептов («*barguest* / баргест», «*boggle* / боггл», «*bogie* / боуги», «*giant* / великан», «*water spirits* / водные духи», «*goblin* / гоблин», «*dragon* / дракон», «*devil* / дьявол», «*people with magic ability* / люди, обладающие магическими способностями», «*mermaid* / русалка», «*fairy* / феири», «*hobgoblin* / хобгоблин»), в том числе во многих случаях в структурно-содержательный минимум концепта [Плахова, 2013].

Результаты и обсуждение

Структурно-содержательный минимум концепта «*shape shifting* / оборотничество»

Будучи концептом сценарного типа, «*shape shifting* / оборотничество» содержит в своей структуре информацию о том, как данный процесс разворачивается во времени. Обязательными классификаторами фрейма концепта являются «субъект оборотничества», «объект оборотничества», «действие» и «обстоятельства действия». Рассмотрим, какие лингвосомиотические средства используются для их репрезентации в сказочном дискурсе.

Субъект оборотничества. Субъектом оборотничества традиционно выступают мифологические персонажи (*the Red Ettin*; *Spug*; *the wicked dwarf*; *barguest*; *boggle*; *bogie*; *giant*; *goblin*; *dragon*; *devil*; *mermaid*; *fairy*; *hobgoblin*, etc. / Рыжий Эттин; Сплаг; злой гном баргест; боггл; боуги; великан; гоблин; дракон; дьявол; русалка; феири; хобгоблин), животные-тотемы (*a husband that she never saw*; *bird*, etc. / муж, которого она никогда не видела; птица и т. д.), маги и колдуньи как транзитивные персонажи между реальным и

потусторонним мирами (*conjurer*; *wicked witch woman*; *the Witch Queen*; *hen-wife*; *witch*; *wizard*, etc. / волшебник; злая ведьма; королева-ведьма; птичница; ведьма; волшебник и т. д.) и даже герои профанного мира (*a beautiful maiden*; *Childe Wynd*; *queen*; *Kate Crackernut*, etc. / прекрасная дева; Чайлд Уинд; королева; Кейт-Щелкунчик и т. д.). Средствами их репрезентации являются знаки-антропонимы и знаки-мифонимы, как нарицательные, так и собственные.

Объект оборотничества. Объект оборотничества всегда представлен в двух формах – исходной (первоначальной) и конечной (трансформированной). В случае насильственного оборотничества его объектом выступают, как правило, герои-люди. Их исходный облик манифестируется антропонимами, указывающими на их гендерную принадлежность и социальный статус, в сочетании с качественными: *knights and ladies*; *a duke's daughter*; *prince*; *a beauteous maiden*; *his sister Margaret*; *the Queen of the Golden Mountain*; *Coo-my-dove*; *Tamlane*; *many beautiful ladies and valiant knights*; *a bonny girl*; *a handsome young prince* / рыцари и дамы; дочь герцога; принц; прекрасная дева; его сестра Маргарет; королева Золотой Горы; Воркующий Голубь; Тэмлейн; много прекрасных дам и доблестных рыцарей; красивая девушка; красивый молодой принц.

Трансформированный образ передается в сказочном дискурсе посредством широкой номенклатуры знаков зооморфного, орнитоморфного, амфибиоморфного и других кодов, обозначающих живых существ (*hind*; *dove*; *bird*; *a sheep's head*; *a Laidly Worm*; *snake*; *adder*; *all sorts of birds and beasts*; *fishes and insects*; *frog*; *goshawk*; *heron*; *cygnet*; *swan* / лань; голубь; птица; овечья голова; Уродливый Змей; змея; гадюка; разные птицы и звери; рыбы и насекомые; лягушка; ястреб-тетеревятник; цапля; лебеденок; лебедь), знаков артефактного (*a red-hot glaive* / меч, раскаленный докрасна), метеорологического (*frozen ice*; *a huge flame of roaring fire* / замерзший лед; ревущее огненное пламя) и минерального (*a pillar of stone*; *stones* / каменная колонна; камни) кодов, которые могут сопровождаться единицами колороморфного и нумерологического кодов (*a white hind*;

twenty-four grey herons; seven cygnets / белая лань; двадцать четыре серые цапли; семь лебедят). В некоторых случаях в сказке используются вербальные знаки обобщенной семантики в сочетании с негативно маркированными квалитативами: *shapes and forms; those frightful things; those unearthly monsters* / формы и очертания; те ужасные существа; те таинственные чудовища.

Промежуточной ступенью между собственно оборотничеством и переодеванием являются ситуации приобретения персонажами увечий и неизлечимых заболеваний (*a mangy face; leprosy; an ugly face; a squeaky voice; a lame leg; lameness* / паршивое лицо; проказа; уродливое лицо; скрипучий голос; хромая нога; хромота) или переодевания в шкуры животных, одежду из тростника и оперений птиц (*they made her a coat of catskin; the Catskin; the Rushen Coatie; and they took all the feathers and made a coat of them and gave it to her* / они сшили ей одежду из кошачьей шкуры; Кошачья Шкура; Тростниковая Шапка; и взяли они все перья, и сшили из них плащ, и отдали его ей). В первом случае деформацию тела можно рассматривать как нарушение упорядоченности и возврат к бесформенности потустороннего мира; во втором случае внешний облик героини сохраняет реминисценции тотемических трансформаций. В этой связи когнитивные признаки «увечья» и «внешнее уподобление тотему» располагаются в периферийной области концепта «оборотничество», осуществляя его связь с другими концептами группы «изменение внешнего облика».

В отдельных случаях в ситуации расколдовывания объект оборотничества проходит несколько стадий смены облика, прежде чем предстанет в своем изначальном антропоморфном виде. Яркой иллюстрацией последовательной смены обликов может служить сказка «Тамлане»: *the knight* → *frozen ice* → *a huge flame of roaring fire* → *an adder was skipping through her arms* → *a snake that reared up as if to bite her* → *a dove was struggling in her arms* → *a swan* → *a red-hot glaive* → *and this she cast into a well of water and then he turned back into a mother-naked man* (Jacobs, 1894) / рыцарь → замерзший лед → ревущее огненное пламя → гадюка, вы-

рывающаяся из ее рук → змея, готовая уку- сить ее → голубь, бьющийся в ее руках → лебедь → меч, раскаленный докрасна → она бросила его в колодец, и вышел он из него словно заново рожденный.

В ситуации добровольного оборотничества субъект и объект могут совпадать. Ими чаще выступают люди, обладающие магическими способностями, реже – мифологические персонажи. В результате трансформации они, как правило, теряют свой антропоморфный облик, что и находит отражение в единицах зооморфного кода (*toad; cat; a suspiciously bright-eyed cat; a fierce old wehr-wolf; blackbird; hare; hound (greyhound); dog; the white doe; a black mare; a large black ox; owl; mouse; jackdaw* / жаба; кошка; кошка со странными горящими глазами; свирепый старый волк-оборотень; черный дрозд; заяц; гончая; собака; белая лань; воронья кобылица; огромный черный бык; сова; мышь; галка).

Сосуществование в сказочном дискурсе исходного и трансформированного образов становится возможным благодаря эксплицитной манифестации элементов оппозиций «живой – мертвый» (*and this she cast into a well of water and then he turned back into a mother-naked man; when his brother started into life – lay there entombed as if dead* / она бросила его в колодец, и вышел он из него словно заново рожденный; когда его брат ожил – лежал там погребенный, словно мертвый), «прекрасное – безобразное» (*a beauteous maiden; many beautiful ladies; a bonny girl; a handsome young prince; her own pretty head – a nasty frog; a Laidly Worm; the loathsome thing; a dreadful dragon; a huge ugly toad; a horrid wrinkled toad; a great ugly cat* / прекрасная дева; много прекрасных дам; красивая девушка; красивый молодой принц; своей милой головкой – отвратительная лягушка; Уродливый Змей; отвратительное существо; ужасный дракон; огромная отвратительная жаба; ужасная морщинистая жаба; огромная отвратительная кошка), а также правого члена оппозиции «возвышенное – ужасное» (*those frightful things; those unearthly monsters* / те ужасные существа; те таинственные чудовища).

В случае наложения чар на человека (*glamour*) наблюдается смысловой сдвиг оп-

позиции «прекрасное – безобразное», поскольку искаженное восприятие объектов действительности, наоборот, маркируется лексемами с позитивными коннотациями в противоположность номинациям истинного облика. При этом в противопоставлении участвуют преимущественно знаки артефактного, с одной стороны, и натурморфного и соматического кодов, с другой стороны: *the neat cottage – the large overhanging branches of an ancient oak; the fire place – hollow and moss-grown trunk; lamps – glow-worms; two older children – little flat-nosed imps; with many a grin and grimace were pulling the mothers ears with their long hairy paws* / аккуратный дом – большие нависающие ветви старого дуба; камин – полый и покрытый лишайником ствол; лампы – светляки; двое старших детей – маленькие плосконосые чертята; ухмыляясь и гримасничая, тянули мать за уши длинными мохнатыми лапами.

Действие. Когнитивный классификатор «действие» концепта «оборотничество» представлен в английской народной культуре знаками нескольких кодов. Важнейшую группу составляют эзотерические, акустические, манипулятивные и волюнтаристские акциональные знаки, которые в ситуации колдовства демонстрируют переход объекта оборотничества из одного качества в другое: *transform into; turn into; change into; off falls her own pretty head, and on jumps a sheep's head; took a mallet and knocked him on the head; enchant; spell; cruel enchantment; bespell; it was this that had her forced to take on the dragon's shape; muttering over some burning herbs* / трансформировать(ся) в; превратить(ся) в; превратиться(ся) в; отвалилась ее собственная милая головка, а на ее месте появилась овечья голова; взял молоток и стукнул его по голове; очаровывать; накладывать заклятие; жестокое колдовство; накладывать заклятие; именно это прератило ее в дракона; бормочущая над горящими травами.

Процесс расколдовывания объекта актуализируется глагольными конструкциями с семантикой «освобождение от заклятия» (*the enchantment broke; having broken his cruel enchantment; the spell was broken; unspell; when took the spell off him; release my sister from thy spells; she was disenchanting; free of*

the weirding of her father's wife / чары пали; разрушил жестокое колдовство; заклятие было разрушено; разрушить магическое заклинание; сняла с него заклятие; освободить мою сестру от заклятия; ее расколдовали; свободная от чар своей мачехи), конструкциями с семантикой «возвращение к жизни» (*his brother started into life; raise my brothers to life; and they sprang at once into life* / его брат ожил; вернуть моих братьев к жизни; и они ожили) и «возвращение исходного облика» (*returned to their proper shapes; she be borrowed to her natural shape; and she was her own pretty self again* / вернули свой изначальный облик; вернуть ей изначальный облик; вновь стала хорошенькой), акциональными и манипулятивными глаголами (*young Tamlane had again been sained by the holy water and made Christian once more; he had only to touch with his wand; touched Anne three times with the wand; kiss; spring; seize; cling hold, etc.* / молодой Тэмлейн был очищен святой водой и вновь стал христианином; ему нужно было всего лишь дотронуться палочкой; трижды коснулся Энн палочкой; поцеловать; прыгнуть; схватить; вцепиться и т. д.).

В сказочном тексте традиционно отсутствуют подробности принятия героем зооморфной личины. Трансформация происходит мгновенно, как, например, в «Earl Mar's Daughter»:

Suddenly Coo-my-dove changed into a goshawk and around him flew twenty-four grey herons and above them flew seven cygnets (Jacobs, 1890) / Внезапно превратился Воркующий Голубь в ястреба и улетел, окруженный двадцатью четырьмя серыми цаплями, и летели над ним семь лебедят.

Возвращение своего естественного антропоморфного облика получает более детальную дескрипцию за счет дополнительной актуализации знаков, отвечающих за чувственную сферу восприятия человека (аудитивных, тактильных, визуальных и др.). Приведем примеры из разных вариантов сказки «The Laidly Worm»:

The dragon's skin began to crack, then to peel away. First a human hand came out, then a shoulder, and then the flushed face of his sister, Margaret. The scaly skin fell to the ground, and there she stood, free of the weirding of her father's wife (Keding, Douglas, 2005, p. 73) / Кожа дракона начала трескаться и слезать. Сначала показалась рука, затем

плечо, а затем и смущенное лицо его сестры Маргарет. Чешуйчатая шкура упала на землю, и она стояла, свободная от заклятия своей мачехи.

...*And with a hiss and a roar the Laidly Worm reared back and before Childe Wynd stood his sister Margaret* (Jacobs, 1890) / ...С шипением и ревом отпрянул Уродливый Змей, и перед Чайлд Уиндом стояла его сестра Маргарет.

Обстоятельства действия. Данный классификатор отражает несколько важных когнитивных признаков, однако не все из них получают одновременную лингвосемиотическую репрезентацию в англоязычном сказочном дискурсе.

Признак «инструменты и атрибуты превращения» представлен преимущественно артефактными, эзотерическими, натуромфными и нумерологическими знаками: *mallet; spells; wand; green mantle; witchery; herbs; a twig of a rowan-tree; with spells three times three, and with passes nine times nine, etc.* / молоток; заклинания; палочка; зеленая мантия; колдовство; травы; ветка рябины; заклинания три раза по три и пассами девять раз по девять и т. д. В сказке также манифестируются концептуальные признаки «обязательные условия оборотничества» (*lifted the lid off the pot; to send the lassie to her next morning fasting* / подняла крышку горшка; на следующее утро отправила девушку голодной) и «условия предотвращения оборотничества» (*answer three questions; do as she wished* / ответить на три вопроса; сделать так, как она пожелала).

Достаточно часто в обстоятельства оборотничества включаются и условия возвращения герою исходного облика посредством единиц акционального, вербального, аудиального, манипулятивного, эзотерического, нумерологического и других кодов (*until a beautiful maiden of her own free will should do him a favor; some girl would do his bidding for a whole night, and chop off his head at the end of it; exercise all their magic on me; tried their spells on young Tamlane; give them no answer; let them do what they will, even if they beat and torment you; speak not a word, or you cannot save me, etc.* / пока прекрасная дева по своей воли не окажет ему любезность; девушке придется выполнять его приказания в течение ночи и отрубить ему голову на рас-

свете; опробовал на мне все свое магическое мастерство; наложила заклятие на молодого Тэмлейна; не отвечать; позволить им сделать все, что они хотят, даже если они будут бить и мучить тебя; молчи, или ты не сможешь спасти меня и т. д.).

Такие условия могут вслух проговариваться субъектом оборотничества и быть известными слушателям с самого начала сказки (*I weird ye to be a Laidly Worm, / And borrowed shall ye never be, / Until Childe Wynd, the King's own son / Come to the Heugh and thrice kiss thee; / Until the world comes to an end, / Borrowed shall ye never be* / Быть тебе Уродливым Змеем, пока Чайлд Уинд не придет не поцелует тебя трижды, до тех пор, пока существует мир, ты будешь внушать отвращение). Однако в большинстве случаев эти условия раскрываются в финальной части сказки, после того как герой освобождается от колдовских чар. В таком случае объект оборотничества является в сказке носителем знания о необходимых условиях снятия заклятия, но далеко не всегда может передать их герою профанного мира, которому предстоит быть субъектом в ситуации расколдовывания. В таком случае последний действует неосознанно, интуитивно или подчиняется давлению со стороны его окружения.

Установление контакта с персонажем, подвергшимся колдовству, позволяет героине как потенциальному субъекту оборотничества получить все необходимые инструкции, имеющие целью освободить пострадавшую сторону от действия колдовских чар. Яркий пример такого инструктажа мы находим в сказке «Тамлане»:

You must spring upon me suddenly, and I will fall to the ground. Then seize me quick, and whatever change befall me, for they will exercise all their magic on me, cling hold to me till they turn me into red-hot iron. Then cast me into this pool and I will be turned back into a mother-naked man. Cast then your green mantle over me, and I shall be yours, and be of the world again (Jacobs, 1894) / Тебе нужно внезапно прыгнуть на меня, и я упаду на землю. Тогда крепко хватай меня, и, что бы ни случилось, а они применяют всю свою магию, крепко держи меня, пока меня не превратят в раскаленное железо. Тогда бросай меня в воду, и я снова стану человеком. Тогда набрось на меня свою зеленую мантию, и я стану твоим и буду принадлежать миру.

В нужное время героиня поступает именно таким образом, который ей был открыт, и процесс оборотничества запускается:

...*Springing forward she seized the bridle of the milk-white steed and pulled its rider down. And as soon as he had touched the ground she let go the bridle and seized him in her arms* (Jacobs, 1894) / ...Прыгнув вперед, она схватила под уздцы молочно-белого жеребца и стащила всадника вниз. Как только он коснулся земли, она отпустила уздечку и схватила его.

Исследование лингвосомиотических средств реализации концепта «оборотничество» свидетельствует о том, что данный концепт в своей полной форме может проявляться в пределах одного сказочного текста более одного раза. Все элементы структурно-содержательного минимума остаются постоянными; переменной величиной становится лишь интенция субъекта оборотничества, в соответствии с которой речь идет о наложении заклятия (заколдовывание), снятии заклятия (расколдовывание) и каре за содеянное зло (оборотничество как воздаяние). Дискурсивная сцепка двух мотивов оборотничества (заколдовывание – расколдовывание) происходит за счет вербализации когнитивного признака «условия возвращения исходного облика».

Факультативные классификаторы концепта «shape shifting / оборотничество»

Факультативными классификаторами концепта, не входящими в его структурно-содержательный минимум и имеющими в англоязычном сказочном дискурсе нерегулярную лингвосомиотическую актуализацию, являются «продолжительность действия заклятия» (темпоральный), «каузальный», «состояние объекта оборотничества» и «последствия оборотничества».

Продолжительность действия заклятия. По сравнению с остальными факультативными классификаторами темпоральный имеет наиболее детальную репрезентацию в сказочном дискурсе: активно используются нумерологические и хронологические маркеры, в том числе указатели неопределенной (реже определенной) длитель-

ности (*a dove by day; at night her spells lose their power; By day a bird, by night a prince; you have broken the enchantment by night; that by day has yet to be overcome; twelve long years have I waited for a deliverer; Molly was to go lame on her right leg for seven long years; lame she went for nearly the whole of that period; lameness seized him all on one side, which continued on him as long as he lived; the pixies were kind enough to let her off with a lame leg, which was so to continue only for seven years* / голубь днем; ночью ее заклинания теряют силу; днем – птица, ночью – принц; ты разрушила ночные чары; ночные чары еще предстоит снять; долгие двенадцать лет я ждала посланника; Молли должна была хромать на правую ногу семь долгих лет; она охромела почти на все это время; хромота осталась с ним до конца его дней; пикси проявили доброту, освободив ее от хромоты, которая продолжалась семь лет).

Каузальный классификатор характеризуется слабой дискурсивной манифестацией, в которой эксплицитное выражение (например, *wanted to marry him* / хотела выйти за него замуж) чаще заменяется имплицитным, понимаемым только при учете контекста. Так, колдовские действия мачехи-ведьмы в сказке «The Laidly Worm of Spindleston Heugh» обусловлены исключительно ее завистью к красоте и молодости падчерицы. В сказке прямая номинация эмоционального состояния королевы как субъекта оборотничества подменяется указанием на ее интенцию:

I'll soon put an end to her beauty (Jacobs, 1890) / Я скоро положу конец ее красоте.

Состояние объекта оборотничества как классификатор соответствующего концепта представлено единичными вербальными маркерами (например, *live pitifully in confinement* / влечить жалкое существование в заточении), что подчеркивает большую ориентацию сказки на действие, чем на воссоздание эмоциональных состояний и переживаниями героев.

Последствия оборотничества. Воздаяние за насильственное оборотничество получает эксплицитную вербализацию в исклю-

чительно редких случаях (например, *be rightly punished* / получить по заслугам). Гораздо чаще субъект оборотничества лишается жизни без прямой референции к тому, что было им содеяно, либо в силу своей обезличенности и удаленности ситуации наложения чар во времени остается безнаказанным.

Выводы

Концепт «shape shifting / оборотничество» в английской традиционной культуре имеет вид сценарного фрейма, в структурный минимум которого входят классификаторы «субъект оборотничества», «объект оборотничества», «действие» и «обстоятельства действия». К факультативным классификаторам концепта, имеющим в англоязычном сказочном дискурсе крайне нерегулярную лингвосемиотическую актуализацию, относятся «темпоральный», «казуальный», «состояние объекта оборотничества» и «последствия оборотничества».

Связь концепта «shape shifting / оборотничество» в национальной концептосфере с другими концептами группы «изменение внешнего облика» осуществляется за счет когнитивных признаков «увечья» и «внешнее уподобление тотему», которые принадлежат классификатору «объект оборотничества» и относятся к периферийной области концепта.

Лингвосемиотическая манифестация концепта чрезвычайно разнообразна и представлена широкой номенклатурой единиц зооморфного, орнитоморфного, амфибиоморфного, рептилеморфного, инсектоморфного, соматического, артефактного, минерального, колороморфного, темпорального, нумерологического, эзотерического, манипулятивного, акционального и других кодов. Противопоставление исходного и трансформированного обликов объектов оборотничества реализуется в англоязычном сказочном дискурсе в оппозициях «живой – мертвый», «прекрасное – безобразное», «возвышенное – ужасное».

В своей полной форме концепт «shape shifting / оборотничество» может проявляться в пределах одного сказочного текста более одного раза. Все элементы структурно-содержательного минимума остаются постоянными; переменной величиной становится лишь интенция субъекта оборотничества, в

соответствии с которой возможно наложение заклятия (заколдовывание), снятие заклятия (расколдовывание) и кара за содеянное зло (оборотничество как воздаяние). Дискурсивная связь двух мотивов оборотничества (заколдовывание – расколдовывание) происходит за счет вербализации когнитивного признака «уловия возвращения исходного облика».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астафурова Т. Н., Плахова О. А., 2013. Лингвосемиотика магии в сказочном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 3 (19). С. 119–127.
- Жарова О. С., 2014. Образ волка как идея реализации жизненных аспектов бытия у народов Евразии // Сборники конференций НИЦ Социосфера. № 22. С. 92–96.
- Калинин С. С., 2015. Образ-символ кошки в мифологической картине мира древних германцев // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. № 4. С. 92–100.
- Киндря Н. А., 2009. Оборотничество и оборачивание в мифопоэтической картине мира // Ученые записки Российского государственного социального университета. № 3. С. 173–176.
- Киндря Н. А., 2010. Животные-тотемы в древнем сознании: лингвосемиотический контекст // Ученые записки Российского государственного социального университета. № 1. С. 136–140.
- Коломакина Б. А., 2012. Мотив превращения человека в животное в волшебных сказках бурят и шорцев // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 19–23.
- Коломакина Б. А., 2017. Мотив превращения в сибирских сказаниях: структура, классификация // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (73), ч. 1. С. 34–44.
- Королькова Я. В., 2013. Культурная модель оборотничества в романе-фэнтези М. Семеновой о Волкодаве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11, ч. 1. С. 87–89.
- Краюшкина Т. В., 2008. Группа мотивов изменения внешнего облика человека в русской народной волшебной сказке: типы и функции // Вестник Челябинского государственного университета. № 12. С. 73–78.
- Кузьмин А. А., 2009. Трансформации «телесного кода» в русской традиционной культуре (на материале волшебных сказок) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 4. С. 104–107.

- Любимова Е. А., 2016. Мотив оборотничества в пьесе-сказке Е.Л. Шварца «Обыкновенное чудо» // Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом. Новосибирск : Инновационный центр развития образования и науки. С. 33–35.
- Неклюдов С. Ю., 1979. О кривом оборотне (к исследованию семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии. Л. : Наука. С. 133–141.
- Неклюдов С. Ю., 1998. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М. : Наследие. С. 6–43.
- Плахова О. А., 2011а. Динамика мифологического концепта «Великан» (на материале английских народных сказок) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 2 (14). С. 95–100.
- Плахова О. А., 2011б. Медиаторная роль мифоконцепта «Мальчик-с-пальчик / Tom Thumb» в английской национальной концептосфере // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. № 2. С. 79–86.
- Плахова О. А., 2011в. Мифологическое и социальное в образе Тома Хикатрифта: описание макроструктуры концепта // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 4. С. 52–60.
- Плахова О. А., 2012. Манифестация представлений о фейри как носителях магического знания в англоязычном сказочном дискурсе // Вестник Тихоокеанского государственного университета. № 3. С. 239–248.
- Плахова О. А., 2013. Лингвосомиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград. 542 с.
- Плахова О. А., Астафурова Т. Н., 2011. Демифологизация концепта «fairy» в англоязычном сказочном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (14). С. 84–90.
- Решетникова А. П., 2006. Образ животного-первотворца – индикаторный маркер «чужого» // Наука и образование. № 3. С. 120–126.
- Тиманова О. И., 2008. Мифопоэтические контексты «волшебной повести» Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. № 4 (16). С. 19–27.
- Хазанкович Ю. Г., 2009. Образ «волка» в фольклоре и литературе: к проблеме архетипа // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 2. С. 186–188.

- Jacobs J. English Fairy Tales. L. : David Nutt, 1890. URL: www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/index.htm (date of access: 29.01.2020).
- Jacobs J. More English Fairy Tales. L. : David Nutt, 1894. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/eng/meft/index.htm> (date of access: 29.01.2020).
- Keding D., Douglas A. English Folktales. Westport, L. : Greenwood Publishing Inc., 2005. 231 p.
- LDELС – Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow (Essex) : Longman Group UK Ltd., 2000. 1568 p.

REFERENCES

- Astafurova T.N., Plakhova O.A., 2013. Lingvosemiotika magii v skazochnom diskurse [Linguosemiotics of Magic in Folk Tale Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (19), p. 119-127.
- Zharova O.S., 2014. Obraz volka kak ideya realizatsii zhiznennykh aspektov bytiya u narodov Evrazii [The Image of a Wolf As an Idea of Realization of the Vital Aspects of Existence Among the Peoples of Eurasia]. *Sborniki konferentsiy NITS Sotsiosfera* [Proceedings of the Research Centre Sociosfera Conferences], no. 22, pp. 92-96.
- Kalinin S.S., 2015. Obraz-simvol koshki v mifologicheskoy kartine mira drevnikh germantsev [Use of Cat As an Image and Symbol in the Mythological World View of Ancient Germanic People]. *Sotsiokulturnoe prostranstvo Rossii i zarubezhya: obshchestvo, obrazovanie, yazyk*, no. 4, pp. 92-100.
- Kindrya N.A., 2009. Oborotnichestvo i oborachivanie v mifopoeticheskoy kartine mira [Transmogrification and Wrap in Myth's and Poetic Picture of the World]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsialnogo universiteta*, no. 3, pp. 173-176.
- Kindrya N.A., 2010. Zhivotnye-totemy v drevnem soznanii: lingvosemioticheskiy kontekst [Animal Totems in Ancient Consciousness: Linguosemiotic Context]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsialnogo universiteta*, no. 1, pp. 136-140.
- Kolomakina B.A., 2012. Motiv prevrashcheniya cheloveka v zhitvnoe v volshebnykh skazkakh buryat i shortsev [The Motif of Transfiguring a Human Being into an Animal

- in Buryat and Shor Fairy Tales]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 3, pp. 19-23.
- Kolomakina B.A., 2017. Motiv prevrashcheniya v sibirskikh skazaniyakh: struktura, klassifikatsiya [The Motif of Transformation in Siberian Legends: Structure and Classification]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 7 (73), part 1, pp. 34-44.
- Korolkova Ya.V., 2013. Kul'turnaya model' oborotnichestva v romane-fentezi M. Semenovoy o Volkodave [Cultural Model of Lycanthropy in Fantasy Novels About Wolfhound by M. Semenova]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 11, part 1, pp. 87-89.
- Krayushkina T.V., 2008. Gruppya motivov izmeneniya vneshnego oblika cheloveka v russkoy narodnoy volshebnoy skazke: tipy i funktsii [A Group of Motives for Changing the Appearance of a Person in a Russian Folk Fairy Tale: Types and Functions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 12, pp. 73-78.
- Kuzmin A.A., 2009. Transformatsii «telesnogo koda» v russkoy traditsionnoy kul'ture (na materiale volshebnykh skazok) [Transformations of the "Body Code" in Russian Traditional Culture (On the Material of Fairy Tales)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], no. 4, pp. 104-107.
- Lyubimova E.A., 2016. Motiv oborotnichestva v p'ese-skazke E.L. Shvartsa «Obyknovennoe chudo» [The Motif of Werewolf in the Fairy Tale Play by E.L. Schwartz "An Ordinary Miracle"]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh nauk v Rossii i za rubezhom* [Actual Problems of the Humanities in Russia and Abroad]. Novosibirsk, Innovatsionnyy tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki, pp. 33-35.
- Neklyudov S.Yu., 1979. O krivom oborotne (k issledovaniyu semantiki folklornogo motiva) [About the Crooked Werewolf (To the Study of the Semantics of the Folklore Motif)]. *Problemy slavyanskoy etnografii* [Problems of Slavic Ethnography]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 133-141.
- Neklyudov S.Yu., 1998. Obrazy potustoronnego mira v narodnykh verovaniyakh i traditsionnoy slovesnosti [Images of the Other World in Folk Beliefs and Traditional Literature]. *Vostochnaya demonologiya. Ot narodnykh verovaniy k literature* [Eastern Demonology. From Folk Beliefs to Literature]. Moscow, Nasledie Publ., pp. 6-43.
- Plakhova O.A., 2011a. Dinamika mifologicheskogo kontsepta «Velikan» (na materiale angliyskikh narodnykh skazok) [Dynamics of the Mythological Concept "Giant" (On English Folk Tales)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], no. 2 (14), pp. 95-100.
- Plakhova O.A., 2011b. Mediatornaya rol' mifokontsepta «Malchik-s-palchik / Tom Thumb» v angliyskoy natsionalnoy kontseptosfere [The Mediatory Role of the Mythoconcept "Tom Thumb" in the English National Conceptosphere]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*, no. 2, pp. 79-86.
- Plakhova O. A., 2011v. Mifologicheskoe i socialnoe v obraze Toma Khikatrifita: opisanie makrostruktury kontsepta [Mythological and Social Features of Tom Hickathrift's Image: Towards the Macrostructure of the Concept]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 4, pp. 52-60.
- Plakhova O.A., 2012. Manifestatsiya predstavleniy o feyri kak nositelyakh magicheskogo znaniya v angloyazychnom skazochnom diskurse [Manifestation of Ideas of Fairies As Magic Knowledge Bearers in the English Folk Tale Discourse]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 239-248.
- Plakhova O.A., 2013. *Lingvosemiotika angliyskoy skazki: zhanrovoe prostranstvo, znakovaya reprezentatsiya, diskursivnaya aktualizatsiya: dis. ... d-ra filol. nauk* [Linguosemiotics of the English Fairy Tale: Genre Space, Symbolic Representation, Discursive Actualization. Dr. philol. sci. diss.]. Volgograd. 542 p.
- Plakhova O.A., Astafurova T.N., 2011. Demifologizatsiya kontsepta «fairy» v angloyazychnom skazochnom diskurse [Demythologization of the Concept "Fairy" in English Folk Tale Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (14), pp. 84-90.
- Reshetnikova A.P., 2006. Obraz zhivotnogo-pervopredka – inoskazatelnyy marker «chuzhogo» [The Image of the Ancestral Animal is an Allegorical Marker of the "Alien"]. *Nauka i obrazovanie*, no. 3, pp. 120-126.
- Timanova O.I., 2008. Mifopoeticheskie konteksty «volshebnoy povesti» Antoniya Pogorelskogo

«Chernaya kuritsa, ili Podzemnye zhiteli» [Mythopoetic Contexts of Antony Pogorelsky's "The Black Hen, or the Underground Inhabitants"]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], no. 4 (16), pp. 19-27.

Hazankovich Yu.G., 2009. Demifologizatsiya kontsepta «fairy» v angloyazychnom skazochnom diskurse [Image of Wolf in Folklore and Literature: To an Archetype Problem]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 186-188.

SOURCES AND DICTIONARIES

Jacobs J. *English Fairy Tales*. London, David Nutt, 1890. URL: www.sacred-texts.com/neu/eng/ef/index.htm (accessed 29 January 2020).

Jacobs J. *More English Fairy Tales*. London, David Nutt, 1894. URL: www.sacred-texts.com/neu/eng/mef/index.htm (accessed 29 January 2020).

Keding D., Douglas A. *English Folktales*. Westport, London, Greenwood Publishing Inc., 2005. 231 p.
Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow (Essex), Longman Group UK Ltd., 2000. 1568 p.

Information About the Author

Olga A. Plakhova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Foreign Languages and Cultures, Togliatti State University, Belorusskaya St, 14, 445020 Togliatti, Russia, plakhova_oa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0911-2546>

Информация об авторе

Ольга Александровна Плахова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики преподавания иностранных языков и культур, Тольяттинский государственный университет, ул. Белорусская, 14, 445020 г. Тольятти, Россия, plakhova_oa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0911-2546>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.10>

UDC 81'373.2
LBC 81.053.16

Submitted: 19.04.2021
Accepted: 30.08.2021

REGIONAL ONOMASTIC VOCABULARY IN LINGUACULTUROLOGICAL STUDIES

Inna A. Koroleva

Smolensk State University, Smolensk, Russia

Abstract. The article considers the possibility of implementing an integrated approach to the representation of a toponym in reference systems and databases, taking its linguistic and cultural specifics into account. It is shown that their informative field contains both linguistic and encyclopedic information, it is revealed that various information is encoded in the basics of toponyms: historical, geographical, social, cultural, ethnographic, linguistic aspects. Based on the material of the toponyms of Smolensk region, which are included in the electronic information system "Toponymy of Russia", created at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, the implementation of an integrated approach in the presentation of a meaningful plan of toponyms is demonstrated. Cultural codes, which are contained in toponyms and reflect the national and cultural specifics of geographical names are characterized: anthropomorphic, faunal, spiritual, industrial (landscape), topomorphic (hydromorphic), emotional and characteristic, and cases of combining different codes in one toponym are described. Special attention is paid to cultural codes reflected in toponymic units with the names of geographical objects of the Russian-Belarusian border area. As a result of the conducted research, it is proposed to include information about cultural codes in the description of toponyms and present it as a separate parameter in the information system "Toponymy of Russia", which will allow users to expand their knowledge about the nominated object and its national and cultural specifics.

Key words: linguaculturology, onomastics, regional toponymy, Smolensk region, informative field, linguaculturological background of proper name, cultural codes, information system "Toponymy of Russia".

Citation. Koroleva I.A. Regional Onomastic Vocabulary in Linguaculturological Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 111-121. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.10>

УДК 81'373.2
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 19.04.2021
Дата принятия статьи: 30.08.2021

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Инна Александровна Королева

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается возможность реализации комплексного подхода к представлению топонима в справочных системах и базах данных с учетом его лингвокультурологической специфики. Показано, что информативное поле топонимов содержит как лингвистическую, так и энциклопедическую информацию. Выявлено, что в основах топонимов закодированы разнообразные сведения: исторические, географичес-

кие, социальные, культурологические, этнографические, лингвистические. На материале топонимов Смоленской области, которые включены в электронную информационную систему «Топонимия России», созданную в Институте языкознания РАН, демонстрируется реализация комплексного подхода в представлении содержательного плана топонимов. Установлены коды культуры, содержащиеся в топоосновах и отражающие национально-культурную специфику географических названий: антропоморфный, фаунистический, духовный, производственный (ландшафтный), топоморфный (гидроморфный), эмоционально-характеристический, а также случаи совмещения разных кодов в одном топониме. Особое внимание при изучении культурных кодов, отраженных в топонимических единицах, уделено названиям географических объектов русско-белорусского приграничья. В результате проведенного исследования предлагается информацию о кодах культуры включать в описание топонимов и подавать как отдельный параметр в системе «Топонимия России», что позволит пользователям расширить знания о номинируемом объекте и его национально-культурной специфике.

Ключевые слова: лингвокультурология, ономастика, региональная топонимия, Смоленская область, информативное поле, информативное поле имени собственного, код культуры, информационная система «Топонимия России».

Цитирование. Королева И. А. Региональная ономастическая лексика в лингвокультурологическом освещении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 111–121. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.10>

Введение

Идея антропоцентричности языка в настоящее время неоспорима и лингвокультурология как область современного знания получила мощное развитие [Березович, 2009; Васильева, 2012; Воробьев, 1997; Красных, 2002; Маслова, 2004; Мезенко, 2011; Телия, 1995; и др.]. Главное направление исследований – изучение культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке. По словам известного белорусского лингвокультуролога В.А. Масловой, «лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности» [Маслова, 2004, с. 8]. Как пишет Е.Л. Березович, лингвокультурология «изучает определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, дает системное описание языковой “картины мира”...» [Березович, 2009, с. 125].

Каков объект изучения в лингвокультурологии? По мнению В.А. Масловой, это: 1) слова и выражения, описываемые в лингвострановедении; 2) мифологизированные языковые единицы; 3) паремиологический фонд языка; 4) фразеологический фонд языка; 5) эталоны, стереотипы, символы; 6) метафоры и образы; 7) стилистический уклад разных

языков; 8) формулы речевого этикета [Маслова, 2004, с. 37–47]. Такие объекты отражают основные области взаимодействия языка и культуры. Однако их перечень можно, как нам представляется, расширить за счет включения в него имен собственных (далее – ИС).

Не останавливаясь на теоретическом вопросе о наличии / отсутствии у имен собственных значения, скажем только, что мы присоединяемся к точке зрения тех лингвистов, которые считают, что имена собственные эксплицируют широкий спектр сведений [Болотов, 1993, с. 37]. Информация, содержащаяся в основах ИС, двупланова: языковая (лингвистическая) и неязыковая (энциклопедическая) (подробно см.: [Королева, 2016, с. 17]). Такая двуплановость отражает связь имени с объектом, который оно номинирует, и отношение говорящего к этому объекту. Объем информации зависит и от ситуации употребления ИС, и от знаний о мире самого говорящего.

Современный этап развития ономастики характеризуется повышенным вниманием к вопросам описания топонимов с антропоцентрических позиций и отмечен активным интересом к региональным ономастическим единицам, в частности к топонимам. Эти ИС сохраняют и транслируют ценную этнографическую и историко-культурную информацию, поэтому все большую актуальность приобретают исследования топонимов, осуществляемые в рамках этнолингвистического, когнитивного, лингвокультурологического, лингвостра-

новедческого, лингвогеографического подходов [Мезенко и др., 2017, с. 10]. Культура аккумулирует черты определенной эпохи, потребности и интересы общества, которые впоследствии полностью или частично воплощаются в наименованиях объектов, в том числе топонимических. Основы топонимов содержат ценнейшую информацию о прошлом территории, этнических контактах населявших ее народов, географии региона. В них закодированы сведения о верованиях жителей, их социальной и профессиональной деятельности, народной культуре, воплощены национальные ценности, значимые для этноса смыслы, культурно маркированная информация.

Каждый топоним формирует обширное информативное поле, включающее как лингвистические, так и нелингвистические сведения. Лингвистическая информация – это грамматические характеристики названия, его этимология, способ образования, ударение, словообразовательный потенциал. Внелингвистическая информация – это комплекс сведений из различных областей знания. Так, обязательна географическая информация, административно-территориальная, историческая, социокультурная. Как лингвистическая, так и энциклопедическая информация в слове закодированы, свернуты. Топоним – это свернутый лингвокультурный код, который требует расшифровки (подробно об этом см.: [Королева, 2015]), в результате чего носитель языка получает представление о географическом названии в полном объеме. Этому способствует лексикографическое представление топонимов.

Цель статьи – охарактеризовать некоторые лакуны в комплексном описании топонима, возникающие при неполном учете культурологической информации, закодированной в его основе и аффиксах.

Материал и методы

В статье рассматриваются топонимы Смоленской области. Материалом для исследования послужила картотека, состоящая из 500 топонимов, собранных в основном в приграничной смоленско-белорусской зоне. Источниками являются географические карты и официальные сайты администрации районов Смоленщины.

Именно в лингвокультурологическом курсе и составляются так называемые карточки топонимов для информационной системы «Топонимия России» – базы данных о российских топонимах микро- и макроуровней. Эта система разработана в 2014 г. в секторе прикладного языкознания Института языкознания РАН. Сбор и систематизация региональных топонимов, выработка единых критериев их описания – основные направления работы научных сотрудников. Информационная система была создана в память об известном ученом-ономасте Александре Васильевне Суперанской (1929–2013), практически вся деятельность которой была связана с Институтом языкознания РАН. На платформе помещены и региональные смоленские топонимы, описанные нами. Образец представлен в печатном издании Ю.Ю. Гордовой: в книге дан вариант карточки «Гнёздово» – места, где находятся всемирно известные курганы и найден глиняный кувшин с древнейшей известной кириллической надписью [Гордова, 2020, с. 87].

Единая база данных по топонимии России – это уникальное хранилище комплексной топонимической информации, представляющей собой развернутый топонимический код для каждого топонима. Чтобы структурировать вводимую в информационную систему топонимическую единицу, была разработана схема описания – карточка топонима. Информация структурируется по трем разделам: внелингвистическая, лингвистическая и справочно-иллюстрационная [Гордова, 2020, с. 90]. Расположенные в определенной последовательности, они и составляют общий план описания топонима. Первый раздел – внелингвистическая информация – содержит обязательные поля: «Регион расположения географического объекта», «Тип объекта» и «Общие сведения административно-территориального и географического характера». Второй раздел – лингвистическая информация – включает поля: «Разряд», «Упоминание в документах», «Происхождение топонима», «Словообразовательная модель», «Наименование жителей», «Производные», «Близкие топонимы» [Гордова, 2020, с. 93]. Обязательно включение специального поля – «Историко-культурная информация». Такая информация необходима и традиционно включается в топонимические

словари (Смолицкая, 2002). В третьем разделе содержатся список литературы и источников, географические карты и др., что позволяет верифицировать лингвистическую и внелингвистическую информацию.

При подготовке системы ее разработчиками был проведен опрос среди разных групп потенциальных пользователей [Гордова, 2020, с. 95]. В ходе опроса выяснилось, что отдельные социальные и возрастные группы респондентов по-своему представляют объем и подачу информации о топониме. Так, школьников интересует происхождение топонима, но в популярном представлении, без точных ссылок и доказательств. Исследователей-топонимистов, наоборот, – максимальная достоверность информации и ее подтверждение в описании топонима. Составители базы приняли второй вариант представления материала, но в перспективе предполагают и создание популярного варианта описания.

В качестве иллюстрации применения комплексной схемы описания топонима приведем некоторые карточки топонимов Смоленской области и покажем возможности расширения информации, включенной в них (см. табл. 1, 2).

Результаты и обсуждение

«Любое исследование собственных имен преследует цель: познать непознанное, обнаружить неизвестное. Поэтому каждая новая ономастическая работа опирается на предыдущий опыт и сама в свою очередь служит фундаментом для последующих работ» [Суперанская и др., 2009, с. 215]. Единая электронная информационная система «Топонимия России» и есть такая база для топонимических исследований разного рода. Она, по словам составителей, позволяет получать широкому кругу пользователей объективную и достоверную информацию: помимо ономастов, системой могут пользоваться географы, историки, этнографы, региональные краеведы [Гордова, 2018].

В свете лингвокультурологического изучения топонимической лексики в информативном поле топонимов особую значимость представляют так называемые коды культуры, которые являются одним из способов рекон-

струкции языковой картины мира человека. В их основе лежат различные фрагменты окружающей действительности [Васильева, 2012, с. 65], поэтому культура любого народа – это система таких кодов. При изучении топонимов в лингвокультурологическом аспекте считаем целесообразным опираться на сформулированное Н.И. Толстым и С.М. Толстой понимание кода культуры как вторичной знаковой системы, которая использует «различные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума» [Толстой, Толстая, 1995, с. 5].

Культурологами выделяются базовые коды культуры – их количество колеблется от 4 до 15. Имена собственные воплощают в себе коды традиционной культуры, поскольку в своих основах заключают, как мы уже указывали, значительный объем культурологической информации, то есть сведений о мировоззрении народа, его верованиях, обычаях, сведения о различных сферах жизнедеятельности (материальной и духовной).

Достаточно интенсивно ведется исследование кодов культуры в области топонимической лексики. Ученые, рассматривающие процесс создания имен собственных как особого типа кодирования историко-культурологической информации, выделяют разные, но имеющие точки соприкосновения коды культуры. Например, известный белорусский ономаст А.М. Мезенко выделяет при изучении урбанонимии 8 кодов культуры: топоморфный, антропоморфный, физико-географический, флористический, фаунистический, эмоционально-характерологический, цветовой, темпоральный [Мезенко, 2011]. Белорусский топонимист Т.Ю. Васильева при рассмотрении белорусских ойконимов тоже выделяет 8 кодов: антропоморфный, ландшафтный, пространственный, топоморфный, временной, растительный, атрибутивный, духовный [Васильева, 2012]. Российский исследователь Е.И. Сьянова, изучавшая названия физико-географических объектов Воронежской области, выделяет 9 кодов культуры: географический (природно-ландшафтный), зооморфный, фитоморфный, локативный, антропоморфный, цветовой, темпоральный, историко-социальный и этноморфный (кванторный) [Сьянова, 2007]. В наших преды-

дущих работах, характеризуя названия населенных пунктов Рославльского района Смоленской области, мы выделили и описали 8 кодов культуры: антропоморфный, ландшафтный, пространственный, временной, топоморфный, растительный, атрибутивный, духовный (см., например: [Королева, 2020]). Однако в зависимости от топо-

нимического материала, который собирается и анализируется в том или ином регионе, коды могут быть и иные.

Полученные лингвистами результаты позволяют утверждать, что в целом топонимический код отражает ментальную сферу носителей языка.

Таблица 1. Карточка топонима Угра

Table 1. Chart of a toponym Ugra

Поле	Текст
Топоним	Угра́
Регион	Смоленская область
Разряд	Ойконим
Тип объекта	Поселок
Общие сведения	Рабочий поселок (с 1966 года), районный центр, расположен в 240 км к востоку от Смоленска
Упоминание в документах	Одно из первых упоминаний в памятниках письменности относится к XVIII в.: «Къ тои дрвни на реке Угре пашни пахатнай перелогомъ и лесомъ поросло всего и съ пустошми 12 волокъ...» [ГИМ, ф. 440, д. 1399, л. 6. 1702 г.]
Происхождение топонима	Название поселок получил по наименованию реки Угры, левого притока реки Оки в бассейне Волги. Название реки имеет очень древнее происхождение. Г.П. Смолицкая, автор «Топонимического словаря Центральной России», со ссылками на М. Фасмера, О.Н. Трубачева и др. считает его балтизмом. Исходными, возможно, следует считать латышское Uogre и с литовским Ungurė «река угрей». Балтийское происхождение поддерживается наличием литовских названий рек в бассейне Западной Двины Uga и Ugr [Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. С. 361–362]. Авторы «Топонимического словаря Смоленской области» приводят несколько иное балтийское соответствие – литовское имя нарицательное ungu «луговая» [Будаев Д. И., Махотин Б. А. Топонимический словарь Смоленской области. С. 269]
Словообразовательная модель	Угр - а
Наименование жителей	Угра́нцы, -цев и угри́нцы, -цев; угра́нец, -нца и угри́нец, -нца
Производные	Угра́нский, -ая, -ое и угри́нский, -ая, -ое
Близкие топонимы	
Историко-культурная информация	На Угранской земле родился один из основоположников Смоленской поэтической школы М.В. Исаковский, и поэтому в поселке Выходы создан музей песни М. Блантера и М. Исаковского «Катюша». Долгие годы с Угрой была связана жизнь русского писателя И.С. Соколова-Микитова, в честь которого сегодня открыт музей
Список литературы	<i>Источники</i> ГИМ – Государственный исторический музей. Ф. 440. Документы по вотчинам за 1672–1702 гг. Д. 1399. Семь документов по делам монастырских вотчин. 1700–1702 гг. <i>Литература</i> Смоленская область. Энциклопедия. Т. 2. Смоленск : СГПУ, 2003. С. 524. Королева И. А. Смоленская ономастика. Смоленск : Маджента, 2012. С. 15–16. Смоленская область. Краеведческий словарь. М. : Московский рабочий, 1978. С. 219–220. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М. : Армада-пресс, 2002. С. 361–362. Будаев Д. И., Махотин Б. А. Топонимический словарь Смоленской области. Смоленск : Смядынь, 2009. С. 268–269.
Карта с названием	
Картинки	
Автор обзора	д.ф.н. И.А. Королева

Таблица 2. Карточка топонима *Духовщина*

Table 2. Chart of a toponym *Духовщина*

Поле	Текст
Топоним	Духовщина
Регион	Смоленская область
Разряд	Ойконим
Тип объекта	Город
Общие сведения	Центр Духовщинского района, находится в 50 км от Смоленска; образован в 1777 году
Упоминание в документах	Одно из ранних упоминаний о Духовщине относится к XVII веку: «Села Духовщины на мешанине Агрошкевиче с селдеи съ дву бочек анборки взято пошлин...» [РГАДА, ф. 145/1, д. 9, л. 55. 1675 г.]
Происхождение топонима	Письменные источники свидетельствуют, что на месте современного города Духовщины в конце XIII – начале XIV вв. стоял женский монастырь. Освященный во имя Святого Духа, он получил название Духовского. Возникшая вокруг монастыря в XV веке Духовская слобода, заселенная ремесленниками и торговцами, стала впоследствии ядром будущего города, получившего этот статус по указу Екатерины II в 1777 году (до этого времени Духовщина была дворцовым селом). Суффикс <i>-щин(а)</i> в географических названиях имеет пространственное территориальное значение. Следовательно, Духовщина образовалась не только на месте монастыря и одноименной слободы, но и в связи с окружающей местностью, в нее вошли земельные угодья, принадлежащие нескольким селеньям, объединенным какими-либо общими условиями (территориальными, административными, экономическими и др.) [Г.П. Смолицкая. Топонимический словарь Центральной России. С. 98–99]
Словообразовательная модель	<i>Духов + щин(а)</i>
Наименование жителей	Духовщинцы, -цев; духовщинец, -нца
Производные	Духовщинский, -ая, -ое
Близкие топонимы	Духовщинская возвышенность (Смоленская область)
Историко-культурная информация	Духовщинцы гордятся своим прошлым: с городом связаны имена Федора Глинки, поэта и декабриста; П.К. Козлова, знаменитого путешественника и друга Н.М. Пржевальского; В.М. Вахтерова, известного педагога и методиста; Григория Александровича Потемкина, великого преобразователя России, друга Екатерины II. Возможно – и скорее всего – именно в честь Г.А. Потемкина императрица сделала Духовщину городом
Список литературы	<i>Источники</i> РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 145/1. Смоленский приказ. Д. 9. Книга записная всяким явочным товаром в Смоленске при голове Тихоне Лукьянове. 1675 г. <i>Литература</i> Будаев Д. И., Махотин Б. А. Топонимический словарь Смоленской области. Смоленск : Смядынь, 2009. С. 87. Королева И. А. Смоленская ономастика. Смоленск : Маджента, 2012. С. 9. Смоленская область. Краеведческий словарь. М. : Московский рабочий, 1978. С. 59. Смоленская область. Энциклопедия. Т.2. Смоленск : СГПУ, 2003. С. 142–143. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М. : Армота-пресс, 2002. С. 98–99.
Карта с названием	
Картинки	
Автор обзора	д.ф.н. И.А. Королева

Об этом же пишет А.М. Мезенко в специальном исследовании «Имя внутригородских объектов и менталитет белорусов» [Мезенко, 2003]. Она считает, что одним из подходов к изучению проблемы ментальности того или иного социума можно считать анализ ментальности этнических общностей через изучение их топонимии [Мезенко, 2003, с. 288]. Именно в топонимах в свернутом виде синтезированы определенные модели восприятия окружающей действительности, то есть знания о картине мира, и – что немало важно – сохраняются передаваемые из поколения в поколение элементы культуры. Интересны наблюдения белорусского ономаста о некоторых отличительных чертах белорусов, нашедших отражение в названиях внутригородских объектов. Вывод исследователя однозначен: названия улиц не случайны, они самым тесным образом связаны с историей, социальной организацией, политической жизнью, культурой общества. Помимо того, в названиях заложена оценка определенного явления объективной действительности по шкале «плюс – минус», «свой – чужой» и пр. Тонкие наблюдения, сделанные А.М. Мезенко, касаются образа белоруса: любовь к родным местам, четкая ориентация в пространстве, приверженность народной культуре, общий прагматизм в восприятии мира. В целом для белорусской урбанонимии свойственно совмещение двух полей культур – белорусской и русской, что объясняется историей страны [Мезенко, 2003].

Совмещение двух культур – русской и белорусской – проявляется в топонимической системе русско-белорусского приграничья, к которому относится Смоленская область, имеющая границу с Республикой Беларусь протяженностью 463 км. Смоленщина граничит с Витебской (Велиж, Рудня, Красный) и с Могилевской (Монастырщина, Хиславичи, Ершичи, Шумячи) областями Беларуси (СОЭ). Анализ культурной составляющей в топоосновах смоленско-витебского приграничья выявил много общих черт в номинировании географических объектов. Это позволило говорить о специфике приграничных территорий и со стороны менталитета ее жителей, называвших эти географические объекты [Смоленщина и Витебщина..., 2014].

Как пишет белорусский исследователь В.М. Генкин, «приграничные территории становятся периферийными для каждой из систем. Образуя некие буферные зоны, которые имеют черты, присущие и той, и другой стороне. Кроме того, на приграничных территориях чужие элементы нередко появляются в силу историко-политических причин» [Генкин, 2012, с. 70].

Проиллюстрируем заложенные в топоосновах приграничных названий коды культуры на примере анализа названий приграничных смоленских районных центров (подробно о них см.: [Королева, 2012, с. 5–18]).

Так, антропоморфный код представлен в названии *Хиславичи*. Оно образовано от княжеского имени *Хислав* (вариант *Хослав* – «добрая слава»). На старых картах топоним зафиксирован именно как *Хославичи*. Суффикс *-ич(и)* типичен для названий приграничной зоны, он имеет пространственное значение. Возможно, в названии отражено имя князя, в чей удел входило поселение.

Фаунистический код заложен в основе топонима *Ершичи*. Поселение расположено на берегах реки Ипать, в которой водилось и водится довольно много рыбы, особенно ершей. В топониме не произошло перехода *e* в *o*, что, вероятнее всего, свидетельствует о весьма древнем появлении ИС, и представлен типичный для приграничья суффикс *-ич(и)*.

Духовный код заложен в основе топонима Монастырщина. Суффикс *-щин(a)* указывает на территорию, расположенную вокруг монастыря. Действительно, на рубеже XIII–XIV вв. в этих местах располагался монастырский скит, положивший начало поселению.

Производственный (ландшафтный) код культуры реализуется в основе топонима *Рудня*. В названии отражен тот период истории, когда на Смоленщине значительных успехов достигло рудное дело – выплавка железа из местной болотной руды. *Руднями* называли места, где происходила переработка такой руды.

Руда по цвету напоминает кровь: она красная, красноватая. Таким образом, частично реализован и цветовой код. *Рудня* как имя нарицательное пришло из старопольского языка через старобелорусский язык.

Топоморфный (гидроморфный) код представлен в основе топонима *Велиж*. Город рас-

положен на Западной Двине, которая, по мнению белорусского исследователя В.А. Жучкевича, в верхнем течении в прошлом называлась *Веля* «великая». Суффикс *-иж-* (*-еж-*) обозначает принадлежность населенного пункта к какому-либо объекту, в частности к реке (Жучкевич, 1974).

Эмоционально-характеристический код культуры реализуется в основе названия *Красный*. Прилагательное *красный* выражало значение «красивый, прекрасный», которое и отразилось в названии поселения, основанного в конце XIII века.

Сложный код представлен в топооснове *Шумячи*. Населенный пункт расположен на реке Шумячке, получившей свое название из-за шумного, быстрого течения. С одной стороны, способ номинации типичен – реализуется топоморфный (гидроморфный) код. С другой стороны, достоверно, что один из потомков бывшего московского князя Дмитрия Шемяки, бежавшего в Литву, Юрий Шемяка во второй половине XV в. в своем уделе на западном берегу реки Шумячки построил усадьбу, о чем упоминается в летописи. Это и положило начало поселению. Таким образом, имеет место и антропоморфный код культуры.

Выводы

Региональная топонимика в настоящее время является востребованной для исследований областью. Наиболее перспективные разработки осуществляются в лингвокультурологическом аспекте.

Топонимы, будучи словами естественного языка, выступающего универсальным языком культуры, в большинстве случаев отсылают к конкретным культурным реалиям, которые, в свою очередь, образуют специфические «языки» культуры – коды. Система кодов отражает ментальную сферу носителей языка, которая обусловлена этнокультурной природой знаний о мире. Культурное осмысление мира представляется В.Н. Топоровым следующим образом: «Культура... не только то место, где рождаются смыслы, но и то пространство, где они обмениваются, “проводятся” и стремятся быть переведенными с одного языка культуры на другой» [Топоров, 1989, с. 7].

Сегодня, когда идет процесс своеобразного размывания культурных границ, вопрос о культуре имеет важное онтологическое значение, а изучение проблем национально-культурной самобытности и региональной уникальности обретает особую актуальность.

Большую роль в сохранении историко-культурной информации, содержащейся в основах ИС, играет созданная в Институте языкознания РАН электронная информационная система «Топонимия России». Она имеет большой потенциал для дальнейшего развития: это многолетний открытый и многоэтапный проект, предполагающий включение в нее электронных баз из других областей, привлечение новых исследователей.

В электронной базе данных не акцентируется внимание на коде культуры, но он, как мы показали выше, заложен в информативном пространстве топонима. В связи с этим можно предложить составителям «Топонимии России» выделить информацию, значимую в культурном плане, в самостоятельное поле «Код культуры». Это позволит расширить представление о номинируемом объекте и его национально-культурной специфике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березович Е. Л., 2009. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : Пространство и человек. М. : Либроком. 328 с.
- Болотов В. И., 1993. Лингвистический статус имени собственного и его функционирование в тексте // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 15. Ономастика. Кн. 1. Ч. 1. Имя и культура. М. : ИЭА РАН. С. 37–46.
- Васильева Т. Ю., 2012. Коды культуры – ойконимия: проблемы взаимосвязи // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность : сб. ст. по материалам докл. и сообщ. конф. (Смоленск, 4–5 окт. 2012 г.). Смоленск : Маджента. С. 65–69.
- Воробьев В. В., 1997. Лингвокультурология : (Теория и методы). М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов. 331 с.
- Генкин В. М., 2012. Современная смоленская ойконимия: к проблеме разграничения универсального, ареального и регионального // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность : сб. ст. по материалам докл. и сообщ. конф. (Смоленск, 4–5 окт. 2012 г.). Смоленск : Маджента. С. 69–74.

- Гордова Ю. Ю., 2018. Источники материала региональных ономастических исследований // Филология: научные исследования. № 4. С. 51–57.
- Гордова Ю. Ю., 2020. Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009–2019. М. : ЛЕНАНД. 128 с.
- Королева И. А., 2016. Информативное поле имен собственных // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. № 4. С. 16–22.
- Королева И. А., 2020. Коды культуры в топонимии Рославльского района Смоленской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. № 1. С. 40–47.
- Королева И. А., 2012. Смоленская ономастика. Смоленск : Маджента. 220 с.
- Королева И. А., 2015. Топонимы как свернутый лингвокультурный код // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 8 : Филологические науки. С. 31–38.
- Красных В. В., 2002. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис. 284 с.
- Маслова В. А., 2004. Лингвокультурология. М. : Академия. 208 с.
- Мезенко А. М., 2003. Имя внутригородского объекта в истории : Об урбанонимах Беларуси XIV – начала XX в. Минск : Высш. шк. 301 с.
- Мезенко А. М., 2011. Урбанонимия как язык культуры // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63), № 2, ч. 1. С. 388–392.
- Мезенко А. М., Васильева Т. Ю., Галковская Ю. М., Дорофеенко М. Л., 2017. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум / под ред. А. М. Мезенко. Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова. 180 с.
- Смоленщина и Витебщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние, 2014 / под ред. А. В. Максимова. Смоленск : Маджента. 280 с.
- Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х., 2009. Теория и методика ономастических исследований. М. : Либроком. 256 с.
- Сьянова Е. И., 2007. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихоперья) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 24 с.
- Телия В. Н., 1995. О методологических основаниях лингвокультурологии // XI Международная конференция «Логика, методология, философия науки». М. ; Обнинск : ИФ РАН. С. 102–106.
- Толстой Н. И., Толстая С. М., 1995. О словаре «Славянские древности» // Славянские древности : Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 1. М. : Междунар. отношения. С. 5–14.
- Топоров В. Н., 1989. Пространство культуры и встречи в нем // Восток – Запад : Исследования. Переводы. Публикации. М. : ГРВЛ. Вып. 4. С. 6–17.

СЛОВАРИ

- Будаев Д. И., Махотин Б. А. Топонимический словарь Смоленской области. Смоленск : Смядынь, 2009. 352 с.
- Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск : БГУ, 1974. 448 с.
- Смоленская область : Краеведческий словарь. Смоленск : Моск. рабочий. 240 с.
- Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М. : Армада-пресс, 2002. 416 с.
- СОЭ – Смоленская область. В 2 т. Т. 2 : энцикл. / отв. ред. Г. С. Меркин. Смоленск : СГПУ. 624 с.

REFERENCES

- Berezovich E.L., 2009. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect: Space and People]. Moscow, Librokom Publ. 328 p.
- Bolotov V.I., 1993. *Lingvisticheskiy status imeni sobstvennogo i ego funktsionirovanie v tekste* [The Linguistic Status of a Proper Name and Its Functioning in the Text]. *Materialy k serii «Narody i kultura»*. Вып. 15. *Onomastika. Kn. 1. Ch. 1. Imya i kul'tura*. [Materials for the Series "Peoples and Cultures". Iss. 15. Onomastics. Book 1. Part 1. Name and Culture]. Moscow, IEA RAN, pp. 37-46.
- Vasileva T.Yu., 2012. *Kody kulturey – oykonimiya: problemy vzaimosvyazi* [Codes of Culture – Oikonymy: Problems of Interrelation]. *Smolensk i Smolenshchina v imenakh i nazvaniyakh: istoriya i sovremennost: sb. st. po materialam dokl. i soobshch. konf. (Smolensk, 4–5 okt. 2012 g.)* [Smolensk and Smolensk Region in Names and Titles: History and Modernity. Collection of Articles on Proceedings of Reports and Conference Messages (Smolensk, October 4–5, 2012)]. Smolensk, Madzhenta Publ., pp. 65-69.
- Vorobev V.V., 1997. *Lingvokulturologiya: (Teoriya i metody)* [Linguaculturology: (Theory and Methods)]. Moscow, Izd-vo Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. 331 p.
- Genkin V.M., 2012. *Sovremennaya smolenskaya ojkonimiya: k probleme razgranicheniya*

- universalnogo, arealnogo i regionalnogo [Modern Smolensk Oikonymy: On the Problem of Differentiating the Universal, Areal, and Regional]. *Smolensk i Smolenshchina v imenakh i nazvaniyakh: istoriya i sovremennost: sb. st. po materialam dokl. i soobshch. konf. (Smolensk, 4–5 okt. 2012 g.)* [Smolensk and Smolensk Region in Names and Titles: History and Modernity. Collection of Articles on Proceedings of Reports and Conference Messages (Smolensk, October 4–5, 2012)]. Smolensk, Madzhenta Publ., pp. 69-74.
- Gordova Yu. Yu., 2018. Istochniki materiala regionalnykh onomasticheskikh issledovaniy [Sources of Material for Regional Onomastic Research]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], no. 4, pp. 51-57.
- Gordova Yu. Yu., 2020. *Aktualnye sposoby obrabotki i predstavleniya onomasticheskikh dannykh: 2009–2019* [Actual Methods of Processing and Presentation of Onomastic Data: 2009–2019]. Moscow, LENAND Publ. 128 p.
- Koroleva I.A., 2016. Informativnoe pole imen sobstvennykh [Informative Field of Proper Names]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series “Philology, Pedagogy, Psychology”], no. 4, pp. 16-22.
- Koroleva I.A., 2020. Kody kultury v toponimii Roslavl'skogo rayona Smolenskoy oblasti [Codes of Culture in the Toponymy of the Roslavl District of Smolensk Region]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, Pedagogika, Psihologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series “Philology, Pedagogy, Psychology”], no. 1, pp. 40-47.
- Koroleva I.A., 2012. *Smolenskaya onomastika* [Smolensk Onomastics]. Smolensk, Madzhenta Publ. 220 p.
- Koroleva I.A., 2015. Toponimy kak svernutyy lingvokulturnyy kod [Toponyms As a Collapsed Linguacultural Code]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Vyp. 8: Filologicheskie nauki*, pp. 31-38.
- Krasnykh V.V., 2002. *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and Cultural Linguistics]. Moscow, Gnozis Publ. 284 p.
- Maslova V.A., 2004. *Lingvokulturologiya* [Linguaculturology]. Moscow, Akademiya Publ. 208 p.
- Mezenko A.M., 2003. *Imya vnuti gorodskogo obyekt v istorii: Ob urbanonimakh Belarusi XIV – nachala XX v.* [Urban Place Names in History: On the Urban Place Names in the 14th – Early 20th Centuries Belarus]. Minsk, Vysshaya shkola Publ. 301 p.
- Mezenko A.M., 2011. Urbanonimiya kak yazyk kultury [Urbanonymy As a Language of Culture]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Socialnye kommunikatsii»* [Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. Series: Philology. Social Communications], vol. 24 (63), no. 2, part 1, pp. 388-392.
- Mezenko A.M., Vasileva T.Yu., Galkovskaya Yu.M., Dorofenko M.L., 2017. *Belorusskoe Poozere: kultura – onomastika – socium* [Belarusian Poozerie: Culture – Onomastics – Society]. Vitebsk, VGU im. P.M. Masherova. 180 p.
- Maksimov A.V., ed., 2014. *Smolenshchina i Vitebshchina v yazykovykh i kulturnykh kontaktakh: istoriya i sovremennoe sostoyanie* [Smolensk Region and Vitebsk Region in Linguistic and Cultural Contacts: History and Current State]. Smolensk, Madzhenta Publ. 280 p.
- Superanskaya A.V., Staltmane V.E., Podolskaya N.V., Sultanov A.H., 2009. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and Methodology of Onomastic Research]. Moscow, Librokom Publ. 256 p.
- Syanova E.I., 2007. *Onomasticheskiy kod v mentalnom prostranstve dialektonositeley (na materiale govorov Voronezhskogo Prihoporya): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Onomastic Code in the Mental Space of Dialect Carriers (Based on the Dialects of the Voronezh Khopyor Region). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 24 p.
- Teliya V.N., 1995. O metodologicheskikh osnovaniyakh lingvokulturologii [On the Methodological Foundations of Cultural Linguistics]. *XI Mezhdunarodnaya konferentsiya «Logika, metodologiya, filosofiya nauki»* [The 11th International Conference “Logic, Methodology, and Philosophy of Science”]. Moscow, Obninsk, IF RAN, pp. 102-106.
- Tolstoy N.I., Tolstaya S.M., 1995. O slovare «Slavyanskije drevnosti» [About the Dictionary “Slavic Antiquities”]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar. V 5 t. T. 1* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. In 5 Vols. Vol. 1]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 5-14.
- Toporov V.N., 1989. Prostranstvo kultury i vstrechi v nem [The Space of Culture and Meeting in It]. *Vostok-Zapad: Issledovaniya. Perevody. Publikatsii* [East-West. Research. Translations. Publications]. Moscow, GRVL, iss. 4, pp. 6-17.

DICTIONARIES

Budaev D.I., Mahotin B.A. *Toponimicheskiy slovar Smolenskoj oblasti* [Toponymic Dictionary of Smolensk Region]. Smolensk, Smyadyn Publ., 2009. 352 p.

Zhuchkevich V.A. *Kratkiy toponimicheskiy slovar Belorussii* [A Brief Toponymic Dictionary of Belarus]. Minsk, BGU, 1974. 448 p.

Smolenskaya oblast: Kraevedcheskiy slovar [Smolensk Region. Dictionary of Local Lore]. Smolensk, Moskovskiy rabochiy Publ., 1978. 240 p.

Smolickaya G.P. *Toponimicheskiy slovar Tsentralnoy Rossii* [Toponymic Dictionary of Central Russia]. Moscow, Armada-press Publ., 2002. 416 p.

Merkin G.S., 2003. *Smolenskaya oblast. V 2 t. T. 2: entsikl.* [Smolensk Region. In 2 Vols. Vol. 2. Encyclopedia]. Smolensk, SGPU. 624 p.

Information About the Author

Inna A. Koroleva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian Language, Smolensk State University, Przheval'skogo St, 4, 214000 Smolensk, Russia, innakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0597-6921>

Информация об авторе

Инна Александровна Королева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, 4, 214000 г. Смоленск, Россия, innakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0597-6921>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.11>

UDC 81'42
LBC 81.055.1

Submitted: 22.01.2021
Accepted: 30.08.2021

STRUCTURAL-AND-SEMANTIC ORGANIZATION OF ANTECEDENT-ANAPHORIC COMPLEX WITH PURPOSE SEMANTICS: COGNITIVE AND FUNCTIONAL ASPECTS

Lyubov V. Voronina

Ryazan State Agrotechnological University named after P.A. Kostychev, Ryazan, Russia;
Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Interior of Russia, Ryazan, Russia

Abstract. The focus is on the study of the antecedent-anaphoric complex (AAC) as a multipartite method of explicating judgments about the purpose. By way of a continuous sampling procedure, text fragments from verbal shorthand of interviews with political leaders were identified. Having used the methods of introspection, observation and comparison, linguistic modeling and transformation, the author outlined the structural features of AAC with the purpose semantics mainly represented via the proposition-nominal correlation between the initial unit and its referential substitute. Specifics of semantic relations between antecedent and substitute is described; cognitive, linguistic, pragmatic, communicative factors that determine the choice of a complex anaphora as the most optimal model for explicating judgments in an argumentative text type are considered among other prototypical ways of purpose semantics setting. The functions of reference means are analyzed by establishing left-side relationships with the secondary naming elimination of the propositional content within the initial component, right-side relationships in the antecedent-anaphoric complex, as well as in discourse succession. Functional specificity of the models under study is revealed through their cohesion with some subsequent discursive units or intervention of a text unit with the purpose semantics in another antecedent-anaphoric complex structure.

Key words: reference, secondary naming, anaphora, antecedent-anaphoric complex, antecedent, substitute, reference means.

Citation. Voronina L.V. Structural-and-Semantic Organization of Antecedent-Anaphoric Complex with Purpose Semantics: Cognitive and Functional Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 122-133. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.11>

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 22.01.2021
Дата принятия статьи: 30.08.2021

СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АНТЕЦЕДЕНТНО-АНАФОРИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА С СЕМАТИКОЙ ЦЕЛИ: КОГНИТИВНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Любовь Валентиновна Воронина

Рязанский государственный агротехнологический университет им. П.А. Костычева, г. Рязань, Россия;
Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Рязань, Россия

Аннотация. В фокусе внимания автора – изучение антецедентно-анафорического комплекса как сложного расчлененного способа экспликации суждений о цели. Материалом для анализа послужили выделенные методом сплошной выборки текстовые фрагменты стенограмм интервью с политическими лидерами, содержащие антецедентно-анафорический комплекс. Посредством интроспекции, наблюдения и сопоставления, лингвистического моделирования и трансформации выявлены особенности струк-

турной организации antecedентно-анафорического комплекса с семантикой цели на основе пропозитивно-именной корреляции начального компонента и референтного выражения. Установлена специфика смысловых отношений между antecedентом и субститутом, обозначены когнитивные, лингвистические, прагматические, коммуникативные факторы, детерминирующие выбор комплексной анафоры как оптимальной модели экспликации суждений в текст аргументативного типа в ряду типичных способов оформления семантики цели. Проанализирован функционал референтных выражений в аспекте определения как левосторонних отношений – элиминации повторной номинации пропозиционального содержания начального компонента, так и правосторонних связей внутри самого antecedентно-анафорического комплекса, реализующего семантику цели, и в рамках континуума дискурса. Описаны особенности функционирования исследуемых моделей в глубоком контексте при сцеплении их с последующими дискурсивными единицами, а также при интеграции текстовой единицы с семантикой цели в состав иного antecedентно-анафорического комплекса.

Ключевые слова: референция, повторная номинация, анафора, antecedентно-анафорический комплекс, antecedент, субститут, референтное выражение.

Цитирование. Воронина Л. В. Структурно-смысловая организация antecedентно-анафорического комплекса с семантикой цели: когнитивный и функциональный аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 122–133. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.11>

Введение

Анафорические отношения обсуждаются в лингвистической литературе в большей степени применительно к взаимодействию компонентов внутри предложения [Падучева, 1990; Уткин, 2003; Шлуинский, 2007], в меньшей – в рамках текста [Валгина, 2003; Воронкова, 2003] и в связи с понятиями референции и повторной номинации [Стросон, 1992; Сёрль, 1992].

Понимание референции как «отношения актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» [Арутюнова, 1992] соответствует основной цели языка – «констатации фактов о предметах, людях и событиях» [Стросон, 1992, с. 55] в аспекте их идентификации (принцип идентификации, по Р.Дж. Сёрлю [Сёрль, 1982, с. 182]) – и применительно к исследуемому antecedентно-анафорическому комплексу (далее – АКК) актуально для интерпретации субститута, или анафора, – «выражения, которое отождествляется с упомянутым ранее» [Прокопья, 2016, с. 6].

Объектом в данной научной работе выступает antecedентно-анафорический комплекс, реализующий семантику цели в дискурсивных единицах, функционирующих в жанре политического интервью.

Представляя собой пропозитивно-именную корреляцию, АКК может быть квалифицирован как комплексная дискурсивная ана-

фора: ее структурная и смысловая сложность обусловлена тем, что antecedент репрезентует «положение дел» в моно- или полиформате, в то время как референтное выражение (с нулевым денотатом) выполняет функцию гиперссылки, направляя внимание реципиента к начальному компоненту; развертывание анафорических отношений в плоскости дискурса, в рамках спонтанного текста, предполагает его членение на составные части (antecedent и субститут) с большей или меньшей степенью независимости и дистантности друг от друга.

В поле нашего зрения – факторы выбора расчлененного способа экспликации суждений о цели, их оформление в соответствии со спецификой языка и прагматическими установками субъекта, коммуникативной организацией смысла высказывания, а также выявление условий развертывания анафора в континууме текста (правосторонние отношения) и его [анафора] разрешения – отсылке к предшествующему фрагменту (левосторонние связи).

Материал и методы

Материалом исследования послужили опубликованные на официальном сайте президента РФ и других сайтах стенограммы интервью с российскими политическими лидерами. Методом сплошной выборки был сформирован корпус из более чем 1 200 единиц, который и был подвергнут многоаспект-

ному анализу в соответствии с целями данной научной работы.

Выявление специфики порождения высказываний о цели, особенности их экспликации и функционирования определило ведущие методы исследования – концептуальный анализ, интроспекцию, когнитивное моделирование, дискурс-анализ.

Учет изменения формата связей и ориентации на взаимодействие в out-формате обусловил потенциальное включение дискурсивных единиц с семантикой цели в 3D-анализ: с позиции говорящего – при кодировании суждения в высказывания, выборе формы и способов его выражения; с позиции слушающего – при восприятии, декодировании текста, его понимании и ответной реакции; наконец, в текстовом отношении – его структурной связанности (когезия) и смысловой цельности (когерентность).

Результаты и обсуждение

ААК с семантикой цели как комплексная дискурсивная анафора пропозитивно-именного типа

Общее представление о том, что анафора – это «отношение между языковыми выражениями (словами или словосочетаниями), состоящее в том, что в смысл одного выражения входит отсылка к другому» [Падучева, 1990, с. 32], ограничивает ее описание, во-первых, рамками предложения, во-вторых, исключением из поля зрения корреляции именной группы с пропозитивными выражениями. Однако иной взгляд на проблему повторной (вторичной) номинации, даже в аспекте внутрисентенциальной перспективы, показывает, что на поверхности – «оппозиция предметной / событийной анафорической номинации» [Уткин, 2003], поэтому референтные выражения в логическом ракурсе, как отмечает П.Ф. Стросон, «регулярно используются для референции к конкретному лицу, или единичному предмету, или отдельному событию, или месту, или процессу в ходе обычного высказывания о данном лице, предмете, месте, событии или процессе» [Стросон, 1992, с. 55]. Последнее имеет ключевое значение для нашего исследования, так как

референтом целевого высказывания выступают события (см. контекст (1)), процессы (2) или состояния (3), которые эксплицируются в дискурсе посредством текстовых единиц, чаще всего содержащих предикацию (в случае с предложно-падежными конструкциями в свернутом виде):

(1) **Мы никак туда** [президентские выборы в США] **официально не могли залезть**. Для этого, понимаете, нужно чувствовать нерв и особенности внутривнутриполитической жизни Соединенных Штатов (ИВП-1);

(2) Очень рассчитываю на то, **что ситуация будет развиваться в позитивном ключе**. Мы со своей стороны готовы приложить для этого все усилия (ИВП-2);

(3) Я хотел бы сотрудничать с теми людьми, которые стремятся к тому, чтобы **Россия стала сильнее, эффективнее, стала конкурентоспособной страной, самодостаточной**. Но для этого у людей, о которых мы с Вами говорим, должна быть ясная, четкая программа действий... (ИВП-3).

Использование ААК при выражении целевой семантики следует считать расчлененным способом экспликации цели на том основании, что, в отличие от типичных традиционных конструкций, в рамках простых и сложных предложений сообщение о цели линейно распадается на две части, между которыми устанавливается особый тип отношений.

В первой, независимой от последующей, – антецеденте – референтом выступает ситуация, которая репрезентуется в сознании субъекта в форме простых (атрибутивных / экзистенциальных) или сложных (конъюнктивных / дизъюнктивных) суждений и эксплицируется в речи в высказываниях, нерелевантных целевым (в них отсутствуют типичные грамматические показатели семантики цели). Они, будучи разными по структурной и семантической сложности, представляют собой: простые предложения с осложнениями (4), сложные предложения (5), фрагменты текстов (6):

(4) **Это набор мер, направленных на стимулирование роста мировой экономики, на создание новых рабочих мест**. При этом мы исходим из того, что для того, чтобы обеспечить решение этих важнейших задач, нам необходимо решить несколько подзадач (ИВП-4);

(5) Не хватает... понимания того, что чтобы быть успешными, стабильными, процветающими,

нужно, чтобы все люди, которые на этой территории проживают... **чувствовали, что эта территория – их Родина.** Для этого они должны почувствовать, что они могут реализовать себя полноценно здесь не хуже, чем на каких-то других территориях... (ИВП-5);

(6) В этой связи хотел бы сказать, что наше сотрудничество с Ираном и в ядерной сфере, и в сфере военно-технического сотрудничества не противоречит ни одному международно-правовому акту. Мы не сделали ни одного шага в нарушение каких бы то ни было международных документов, принятых в отношении Ирана. Наша ядерная программа, программа по строительству атомной электростанции в Бушере носит исключительно мирный характер и полностью контролируется инспекторами МАГАТЭ. Там и техника стоит, там постоянно присутствуют наблюдатели МАГАТЭ – нет ни одной претензии к нашей программе по строительству атомной электростанции. Мы и в будущем намерены действовать только таким образом (ИВП-6).

Понимание того, что содержание антецедента – это сообщение о цели, достигается только при наличии второго компонента ААК. Например, в высказывании **Нация должна быть физически и психически здоровой* элемент антиципации континуума текста неочевиден.

Второй компонент – анафор, анафорический элемент, субститут [Падучева, 1990], – напротив, обнаруживает свою жесткую структурно-смысловую зависимость от предшествующей части ААК, которая обеспечивается включением специализированных средств повторной номинации (по Н.С. Валгиной) / референтных выражений (по П.Ф. Стросону) / референциальных средств (по А.А. Кибрику). Не обладая собственной семантикой, они становятся формальными показателями, маркерами для интерпретации левосторонних смысловых отношений субститута с антецедентом. Так, вариантами продолжения приведенного выше высказывания (**Нация должна быть физически и психически здоровой*) могут быть следующие: **К этому мы приложим все усилия* (= ассоциативное изъяснение) / **Потому мы и прикладываем к этому все усилия* (= ассоциативное следствие) / **Это наша первоочередная задача* (= прямая цель); *Для этого мы приложим все усилия* (= ассоциативная цель).

Лексико-грамматическая «упаковка» развернутого, полноценного пропозициональ-

ного содержания первого компонента в целевую рамку, форму, которую задает референтное выражение, обеспечивает континуум текста в актуальном для говорящего направлении: **Мы приложим усилия к оздоровлению нации* / **Мы приложим усилия для оздоровления нации* / **Здоровье нации – наша задача.*

Факторы выбора ААК как способа выражения семантики цели в политическом дискурсе

Суждения, получая ту или иную материальную оболочку в соответствии с возможностями данного языка, коммуникативными намерениями говорящего и в зависимости от его прагматических установок, с одной стороны, и внешних факторов общения, с другой стороны, выходят за рамки интроспекции, предполагающей исключительную ориентацию на внутренний мир субъекта, его потребности, особенности восприятия действительности, и становятся достоянием внешнего мира, интегрируясь в дискурс – «максимальную языковую единицу» [Кибрик, 2003, с. 11], не всегда эксплицитную [Дейк, 2000, с. 43].

Выбор «упаковки» – «способа передачи сообщения» [Чейф, 1982, с. 278] – обусловлен рядом факторов лингвистического, коммуникативного, прагматического и когнитивного порядка.

Так, компактные по объему, семантически выхолощенные, но формирующие необходимую грамматическую рамку (*для + N₂*), ассоциируемую исключительно с целевой семантикой, референциальные выражения в исследуемых антецедентно-анафорических комплексах меняют модальный статус денотата, перенося его в иную модальную плоскость – интенциональную, и становятся, по нашим данным, самым частотным способом организации анафорических отношений в ААК с семантикой цели [Воронина, 2020].

Теоретически всякая двухкомпонентная синтаксическая конструкция с семантикой цели может быть трансформирована в ААК с большей или меньшей степенью смыслового совпадения. Например, даны две более или менее идентичные ситуации: 1) необходимость развивать экономику страны; 2) необ-

ходимость развивать экономику страны максимально быстрыми темпами. Обе репрезентуются в сознании субъекта в плоскости потребности, каждая предполагает определенный набор действий, направленных на реализацию задуманного, – готовность сделать все возможное.

Первая ситуация, объективно нейтральная, наиболее вероятно будет эксплицирована типичными грамматическими средствами выражения семантики цели: **Мы сделаем все возможное для развития экономики страны / *Мы сделаем все возможное, чтобы развивать экономику страны*. Вторая содержит оценочный компонент (максимально быстрыми темпами), который потребует своей манифестации и соответствующей выделенности в потоке речи – в начальном компоненте лексическими средствами intersubъектной модальности необходимости (**Необходимо развивать экономику страны максимально быстрыми темпами*) или посредством оценочных лексем (**Наша цель / наша первоочередная задача – развивать экономику страны максимально быстрыми темпами*); в субституте – коммуникативно: референциальное средство повторно акцентирует содержание антецедента (*для этого*) и организует правосторонние связи континуума текста, сообщая о средствах достижения заявленной цели (**Для этого мы сделаем все возможное*).

Исследование корпуса политических интервью показало, что выбор расчлененного способа экспликации цели обусловлен актуализацией коннотативного слоя семантики текстовой единицы в субституте (компонент «ресурсы»). Цель также должна представляться субъекту значимой (что подчеркивается лексически): он *готов, должен, обязан сделать нечто (все возможное)* для достижения поставленных целей / решения заявленных задач:

(7) Я думаю, что помочь им можно, но для этого **нужно прежде всего** сделать так, чтобы **наконец воцарился мир** и чтобы абхазы, грузины, осетины могли находиться в **нормальном полноценном диалоге**. И тогда можно разрешить самые сложные вопросы (ИДМ-1).

Порождение и моделирование суждений, их непосредственная одномоментная экспли-

кация в устной форме дискурса осуществляется в рабочей памяти, объем которой незначителен, потому линейно протяженные высказывания неактуальны: как отмечает А.А. Кибрик, дискурс «порождается не как плавный поток, а толчками, квантами» [Кибрик, 2003, с. 22], каждому из них соответствуют клаузы, или «просодические фразы», которые представляют собой «лингвистическое выражение того, что в данный момент находится в... фокусе сознания говорящего» [Чейф, 2008, с. 81]. Следовательно, речь не что иное, как словесный эквивалент следующих друг за другом фокусов сознания. В этой связи предложение «антецедент – анафор» не просто конгруэнтно последовательным речевым экспликациям, оно предполагает некий бэкбриджинг – возврат к предшествующей мысли, ее дублирование в новом ракурсе, а затем последующее развитие.

Описанная выше последовательность речевых сигналов, с одной стороны, нарушает принцип их восприятия, которое является «строго линейно упорядоченной, разворачивающейся слева направо» [Бирвиш, 1988, с. 94], с другой – служит подтверждением позиции У. Чейфа о том, что мысли имеют безусловный приоритет над звуками [Чейф, 2008, с. 83], а потому нарушаемая в синтаксических конструкциях с ААК последовательность, на наш взгляд, не мешает восприятию, а, наоборот, обеспечивает максимальное внимание адресата к излагаемой информации.

Очевиден факт ощутимой, по мнению Е.Р. Даниловой, органичности комплексной анафоры в жанре политического интервью [Данилова, 2016, с. 178]. Данный тип дискурса, предполагающий незамедлительную реакцию респондента на порой неудобные вопросы, стимулирует использование средств, дающих время на размышление. Оптимальными для этого являются расчлененные способы выражения мысли, поскольку они создают дополнительную возможность говорящему изменить направление интерпретации сказанного.

Кроме того, суждения о цели всегда значимы, а потому требуют коммуникативной выделенности – особенно в рамках аргументативного типа изложения, характерного для жанра интервью. Акцентирование цели в та-

ких конструкциях происходит дважды: сначала в антецеденте выделяется новая значимая информация (комплексная рема), затем включается референциальное средство и выносится в начало анафорического компонента, что способствует актуализации содержания антецедента в сознании субъекта путем отсылки к нему. К тому же корреляция «антецедент – анафор» с точки зрения экспрессивности высказывания намного насыщеннее традиционных способов экспликации цели: позиция анафора требует постановки паузы, ударной позиции, особой интонации.

Например, существуют два события – встреча лидеров государств и их желание / потребность решить проблему. В речи они эксплицируются в высказываниях о цели, оформленные как типичными для цели способами: **Лидеры 8 государств собрались вместе, чтобы решить важнейшие задачи современности*, так и расчлененно: **Необходимо решать важнейшие задачи современности. Для этого собрались политические лидеры 8 государств*. При этом второй вариант наиболее вероятно будет функционировать в тех жанровых разновидностях дискурса, для которых характерно обоснование (позиции, действий): структуры ААК с семантикой цели и обоснования, говоря словами Я.С. Яскевича, с его «ответом на вопрос “что и как?”» [Яскевич] релевантны (*что?* – антецедент, *как?* – анафор). Типичное оформление – с констатацией того или иного события, процесса, состояния – актуально для жанров новостей и аналитической статьи.

**Развертывание правосторонних
контекстуальных связей ААК
с семантикой цели
в политическом дискурсе**

Трех аспектов функциональности антецедентно-анафорического комплекса – а) экспликации суждения расчлененным способом в связи с когнитивными обстоятельствами, в соответствии с прагматическими установками субъекта и жанровой спецификой дискурса; б) стремления говорящего элиминировать повторную номинацию пропозиционального плана антецедента в субституте; в) структурной жесткости ААК – отнюдь не достаточно

для понимания его функционала в рамках более широкого контекста.

Интеграция синтаксических структур с антецедентно-анафорическим комплексом обеспечивает линейное развертывание континуума текста:

1) в рамках собственно ААК с семантикой цели (субституте);

2) при включении исследуемых ААК в более широкий контекст;

3) при интеграции текстовой единицы с семантикой цели, организованной типичными традиционными для ее выражения языковыми способами, в структуру иного ААК.

При развертывании континуума текста в рамках ААК со значением цели актуализируется прагматический слой семантики высказывания в ситуациях, типичных для целевого контекста:

– акцентации цели как единственно значимой для субъекта:

(8) Но мы готовы оказать содействие и официально властям Сирии, и здоровой части оппозиции в том, чтобы они нашли между собой какие-то точки соприкосновения и договорились о политическом будущем своей страны. **Именно для этого** мы организовали в Москве серию встреч представителей оппозиции и представителей правительства Асада (ИВП-7);

– ситуации неприятия цели:

(9) Может быть, если бы мы занялись этим целенаправленно, мы, наверное, выявили этих людей, если они существуют. Но у нас **такой цели нет и задачи** (ИВП-3);

– оценки ресурсов с точки зрения их достаточности и предпочтения:

(10) Мы знаем, что и у Китая есть уже существенные достижения. Например, в сфере интернета вещей, в сфере цифровой торговли. **Но этого для успешного развития** в ближайшей перспективе нам всем – и Китаю, и России – **будет совершенно недостаточно** (ИВП-8);

(11) Мы... будем бесконечно спорить по проблемам Сирии или по каким-то другим мировым проблемам, их достаточно много, по ближневосточной проблеме начнем дискутировать... **Для этого лучше находить другие площадки, другие форумы**, их достаточно: ООН, например; Совет Безопасности (ИВП-1).

В силу того, что субститут обладает коммуникативной и смысловой силой, а также подчеркнутой интонацией завершения, актуальной для ситуаций пояснения, обоснования и т. п., функционирование антецедентно-анафорических комплексов с семантикой цели в дискурсе специфично потому, что они, во-первых, выступают своего рода финальными клаузами, то есть завершают тематический фрагмент речевого события:

(12) Россия всегда последовательно выступала в поддержку межкорейского диалога. Мы готовы и впредь прилагать для этого все необходимые усилия (ИДМ-2);

во-вторых, способны вносить добавочную информацию в основную ткань текстовой единицы, служить пояснением, комментарием к ее компоненту (структурно разрывать антецедент):

(13) Я, конечно, очень надеюсь на то, что Администрация Соединенных Штатов Америки вместе со специальными службами, которые **для этого созданы**, вместе с усилиями компаний, за это отвечающих, все-таки эту проблему решит (ИДМ-3).

Антецедентно-анафорические комплексы с семантикой цели способны интегрироваться в более широкий контекст. Частотными для них выступают контексты обусловленности – причины (13) и следствия (14):

(14) Мы в ближайшие годы не планируем повышать возраст выхода на пенсию. Но не потому, что у нас для этого нет объективных оснований, а потому, что такие решения обязательно требуют очень серьезного обсуждения и общественного согласия (ИДМ-4);

(15) Потому что мы знаем... сотрудники правоохранительных органов... «крышуют» какие-то преступления, для этого преодолевают расстояние в сотни и тысячи километров. И возникает совершенно удивительная ситуация, когда люди, приехавшие абсолютно из другого региона непонятно для чего, занимаются «правоохранительной» деятельностью, а местные правоохранительные структуры, местная милиция об этом даже не знает (ИДМ-5).

Развитие континуума текста при включении текстовой единицы с семантикой цели в состав инога ААК связано с установлением логико-смысловых отношений между

компонентами комплекса в нескольких направлениях.

Развертывание континуума по линии «цель» осуществляется в следующих ситуациях: неприятие субъектом целевого события (16), его актуализация (17), (18), оценка (19), (20), расширение позиции субъекта (21):

(16) Я не для того стал Президентом страны, чтобы удовлетворять личные амбиции. Мне **это совершенно ни к чему**, если интересами России пренебрегают (ИВП-9);

(17) Изначально, когда АТЭС создавался, во главу угла была поставлена цель либерализации мировой экономики. И мы намерены **этот вопрос** сделать ключевым в ходе обсуждения во Владивостоке (ИВП-10);

(18) Мы ставим перед собой цель развития нашего общества, дальнейшей его демократизации и **по этому пути** будем двигаться дальше, не собираемся **с него** сворачивать (ИВП-10);

(19) Сегодня кто-то хочет использовать бойцов «Аль-Каиды» либо людей из других организаций, но с такими же крайними взглядами для достижения своих целей в Сирии. **Это очень опасная и недальновидная политика** (ИВП-10);

(20) ...Мы понимали, что есть различного рода намерения силой восстановить территориальное единство страны, использовать войска, я думал, что **это параноидальный сценарий**, который никогда не будет реализован (ИДМ-1);

(21) Вы знаете, что мы на востоке страны сейчас возводим новый космодром как раз для целей народного хозяйства, для гражданских целей. Мне представляется, что **Республика Корея могла бы принять участие и в этой работе** (ИВП-11).

Функционирование подобных конструкций в политическом дискурсе способствует формированию отношения аудитории к содержанию цели, сообщаемой адресантом. Кроме того, семантика имени в составе референциального средства, направляющего внимание к антецеденту, позволяет оценить масштаб целевого события с позиции говорящего (контекстуальные синонимы *вопрос, политика, сценарий*).

Развертывание континуума по линии «ресурсы» осуществляется в аспекте их наличия (22), конкретизации (23), условий достижения цели (24):

(22) В основе должны лежать принципы равенства, уважения международного права, недели-

мости безопасности, неприменения силы или угрозы силой. Сегодня эта задача становится все более актуальной. **Ее решению призван способствовать предстоящий саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (ИВП-12);**

(23) ...Мы продолжим создавать специализированные многофункциональные спортивные объекты, повышать квалификации педагогов по адаптивной физкультуре, чтобы люди с ограниченными возможностями здоровья имели равные возможности для занятий спортом и самореализации. **Большая работа на этом направлении идет в рамках специальных программ «Развитие физической культуры и спорта» и «Доступная среда» (ИВП-13);**

(24) Наша задача – восстановить прибрежную среду. И без помощи ученых и специалистов, в первую очередь географической и смежных наук, сделать это будет невозможно (ИВП-14).

Интегрируясь в дискурс, анафора способствует дальнейшему развертыванию текста, обогащению исходной единицы новыми синтаксическими связями и смысловыми отношениями.

Выводы

Эксплицированная цель по своей природе декларативна. Ее манифестация в политическом дискурсе – вопрос не столько речевых стратегий, сколько дипломатических уловок.

Обстоятельства субъективного порядка формируют ситуации намеренной декларации цели в ходе спонтанной речи, обуславливают ее принятие или непринятие, интерпретацию, оценку субъектом. В речевом потоке такие высказывания редко функционируют сами по себе. Они вплетаются в структурно-семантическую ткань дискурсивной единицы, погружаются в глубокий контекст, сообщающий о причинах действий, релевантности желаемого результата реальному, условиях достижения цели и т. д. Следовательно, выражение целевой семантики осуществляется за рамками конкретной структуры, рассредоточивается по тексту, актуализируя при этом разные аспекты целенаправленного действия или субъекта целенаправленного действия. Появляется объективная необходимость в повторной номинации целевого события, которая реализуется посредством референтных выражений, самые частотные из которых – реду-

цированные именные группы с анафорическими местоимениями.

Квалификация АКК как расчлененного способа экспликации целевой семантики детерминирована особенностями организации комплекса. Это двухкомпонентные структуры, в основе которых – корреляция выражений с пропозициональным значением и референциальных средств, обеспечивающих развертывание право- и левосторонних связей субститута в дискурсе на разных уровнях: как в рамках собственно синтаксической конструкции, в состав которой включен антецедентно-анафорический комплекс, так и в более широком контексте – при его взаимодействии с другими синтаксическими структурами, в том числе интеграции в конструкции, включающие иные ААК, с последующим развертыванием континуума в направлениях «цель» и «ресурсы».

Выбор, осуществляемый говорящим в процессе спонтанной речи в пользу исследуемых конструкций, не только когнитивно обусловлен, но и определяется действием ряда факторов – лингвистических, коммуникативных, прагматических.

Двухчастная структура («антецедент – субститут») позволяет говорящему дважды фокусировать внимание адресата («фокус сознания») на одном и том же событии, но не дублировать его, а высвечивать в разных ракурсах: сначала как утверждение его наличия (денотат), а затем как устремление к нему (референция к цели). Этот факт во многом определяет коммуникативную организацию смысла текстовой единицы, предполагающую подчеркнутую выделенность АКК в потоке речи (коммуникативный фактор), а также однозначный выбор грамматической формы референциального средства (*для этого*), ассоциируемой с целевой семантикой (лингвистический фактор).

Потенциальная актуализация коннотативного слоя значения текстовой единицы с АКК в обоих компонентах семантической структуры цели вкупе с рядом просодических средств акцентации смысла образуют комплекс средств, обеспечивающих успешную реализацию установок адресанта на убедительность, экспрессивность, оценочность коммуникации (прагматика), что в свою очередь

позволяет нам считать ААК с семантикой цели наиболее оптимальным способом из ряда альтернативных, типичных способов выражения целевой семантики с точки зрения жанровой обусловленности и аргументативного формата экспликации суждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1992. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). М. : Радуга. С. 5–41.
- Бирвиш М., 1988. Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс. С. 93–152.
- Валгина Н. С., 2003. Теория текста. М. : Логос. 193 с.
- Дейк Т. А. ван, 2000. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. 308 с.
- Воронина Л. В., 2020. Вопросы релевантности референта и референтного выражения антецедентно-анафорического комплекса, реализующего семантику цели в политическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Филология. № 5. С. 16–25.
- Воронкова А. В., 2003. Стратегии обработки дискурсивной анафоры пропозитивно-именного типа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел. 28 с.
- Данилова Е. Р., 2016. Комплексная анафора в риторико-стилистическом аспекте жанра политической речи // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8, № 3, ч. 1. С. 178–183.
- Кибрик А. А., 2003. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук. М. 89 с.
- Падучева Е. В., 1990. Анафорическое отношение // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 32.
- Прокопья В. К., 2016. Механизмы анафоры при речепорождении и речепонимании: экспериментальное исследование на материале русского языка : дис. ... канд. филол. наук. СПб. 276 с.
- Сёрль Р. Дж., 1992. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). М. : Радуга. С. 179–202.
- Стросон П. Ф., 1992. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). М. : Радуга. С. 55–87.
- Уткин Е. Б., 2003. Семантические особенности анафорических отношений в относительно-распространительных сложноподчиненных предложениях // Русская сопоставительная словесность: взгляд молодых. URL: http://www.ksu.ru/f10/publications/2003/rsf_molodye_19.htm (дата обращения: 20.01.2021).
- Чейф У., 1982. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М. : Прогресс. С. 277–316.
- Чейф У., 2008. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления // Вопросы языкознания. № 4. С. 78–88.
- Шлуинский А. Б., 2007. Анафорические отношения в сложном предложении. URL: https://ilingran.ru/Shluinsky/ash1/AnaforicheskieOtnosheniya_2007 (дата обращения: 04.06.2020).
- Яскевич Я. С. Обоснование // Гуманитарная энциклопедия. Концепты научного дискурса. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7097> (дата обращения: 04.06.2020).

ИСТОЧНИКИ

- ИВП-1* – Интервью В.В. Путина холдингу Bloomberg. 01.09.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52830> (дата обращения: 21.06.2020).
- ИВП-2* – Интервью В.В. Путина телеканалу ORF. 04.06.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57675> (дата обращения: 21.06.2020).
- ИВП-3* – Интервью В.В. Путина телеканалу NBC. 02.03.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57027> (дата обращения: 22.06.2020).
- ИВП-4* – Интервью В.В. Путина Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс. 01.09.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19143> (дата обращения: 21.06.2020).
- ИВП-5* – Интервью В.В. Путина телеканалу ARD. 17.11.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47029> (дата обращения: 22.06.2020).
- ИВП-6* – Интервью В.В. Путина телеканалу «Аль-Джазира». 10.02.2007. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24035> (дата обращения: 03.07.2020).
- ИВП-7* – Интервью В.В. Путина американскому журналисту Чарли Роурзу для телеканалов CBS и PBS. 29.09.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50380> (дата обращения: 03.07.2020).

- ИВП-8* – Интервью В.В. Путина Медиакорпорации Китая. 06.06.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57684> (дата обращения: 03.07.2020).
- ИВП-9* – Интервью В.В. Путина ТАСС. 13.11.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47009> (дата обращения: 03.07.2020).
- ИВП-10* – Интервью В.В. Путина телеканалу Russia Today. 06.09.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16393> (дата обращения: 04.07.2020).
- ИВП-11* – Интервью В.В. Путина южнокорейской телерадиокомпании KBS. 12.11.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19603> (дата обращения: 04.07.2020).
- ИВП-12* – Интервью В.В. Путина ведущим СМИ Китая. 19.05.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/21031> (дата обращения: 04.07.2020).
- ИВП-13* – Интервью В.В. Путина российским и иностранным СМИ. 06.03.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20080> (дата обращения: 04.07.2020).
- ИВП-14* – Интервью В.В. Путина журналу «Вокруг света». 23.09.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46660> (дата обращения: 04.07.2020).
- ИДМ-1* – Интервью Д.А. Медведева телеканалам «Russia Today», «Первый информационный кавказский» и радиостанции «Эхо Москвы». 05.08.2011. URL: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/799478-echo/> (дата обращения: 07.07.2020).
- ИДМ-2* – Интервью Д.А. Медведева корейским СМИ. 09.11.2010. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/9467> (дата обращения: 07.07.2020).
- ИДМ-3* – Интервью Д.А. Медведева американской газете «Уолл-стрит джорнэл». 08.07.2010. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/8082> (дата обращения: 07.07.2020).
- ИДМ-4* – Ответы Д.А. Медведева на вопросы журналистов «Российской газеты». 11.10.2010. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/9486> (дата обращения: 16.08.2020).
- ИДМ-5* – Встреча Д.А. Медведева с журналистами «Российской газеты». 08.11.2010. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/9457> (дата обращения: 16.08.2020).
- in Foreign Linguistics. Iss. 13. Logic and Linguistics (Problems of Reference)]. Moscow, Raduga Publ., pp. 5-41.
- Birvish M., 1988. Naskolko lineyno uporyadochennoy yavlyaetsya yazykovaya obrabotka [How Linearly Ordered is Language Processing]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Iss. 23. Cognitive Aspects of Language]. Moscow, Progress Publ., pp. 93-152.
- Valgina N.S., 2003. *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow, Logos Publ. 193 p.
- Dejk T.A. van, 2000. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, BGK im. I.A. Boduena de Kurtene. 308 p.
- Voronina L.V., 2020. Voprosy relevantnosti referenta i referentnogo vyrazheniya antetsedentno-anaforicheskogo kompleksa, realizuyushchego semantiku tseli v politicheskom diskurse [Relevance of the Reference and Referential Mean Within the Antecedent-Anaphoric Complex with Purpose Semantics in Political Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of the MSR University. Series: Russian Philology], no. 5, pp. 16-25.
- Voronkova A.V., 2003. *Strategii obrabotki diskursivnoy anafory propozitivno-imennogo tipa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Strategies for Processing the Discursive Anaphora of the Propositive-Nominal Type. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Orel. 28 p.
- Danilova E.R., 2016. Kompleksnaya anafora v ritoriko-stilisticheskom aspekte zhanra politicheskoy rechi [Complex Anaphora in the Rhetorical and Stylistic Aspect of the Genre of Political Speech]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and Social-Educational Idea], vol. 8, no. 3, part 1, pp. 178-183.
- Kibrik A.A., 2003. *Analiz diskursa v kognitivnoy perspektive: dis. ... d-ra filol. nauk* [Discourse Analysis from a Cognitive Perspective. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 89 p.
- Paducheva E.V., 1990. Anaforicheskoye otnosheniye [Anaphoric Relationship]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., p. 32.
- Prokopenya V.K., 2016. *Mekhanizmy anafory pri recheperozhdenii i recheponimanii: eksperimentalnoye issledovaniye na materiale russkogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [The Mechanisms of Anaphora in Speech Production and Comprehension: An Experimental Study Based on the Russian Language. Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 276 p.

REFERENCES

Arutyunova N.D., 1992. Lingvisticheskie problemy referentsii [Linguistic Problems of Reference]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike Vyp. 13. Logika i lingvistika (problemy referentsii)* [New

- Sjorl R.Dzh., 1992. Referentsiya kak rechevoy akt [Reference As a Speech Act]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 13. Logika i lingvistika (problemy referentsii)* [New in Foreign Linguistics. Iss. 13. Logic and Linguistics (Problems of Reference)]. Moscow, Raduga Publ., pp. 179-202.
- Strosron P.F., 1992. O referentsii [On Reference]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XIII: Logika i lingvistika (problemy referentsii)* [New in Foreign Linguistics. Iss. 13. Logic and Linguistics (Problems of Reference)]. Moscow, Raduga Publ., pp. 55-87.
- Utkin E.B., 2003. Semanticheskie osobennosti anaforicheskikh otnosheniy v otnositelno-rasprostranitelnykh slozhnopodchinennykh predlozheniyakh [Semantic Features of Anaphoric Relations in Relatively Proliferative Complex Sentences]. *Russkaya sopostavitel'naya slovesnost': vzglyad molodykh*. URL: http://www.ksu.ru/f10/publications/2003/rsf_molodye_19.htm (accessed 20 January 2021).
- Chejfu U., 1982. Dannoe, kontrastivnost, opredelennost, podlezhashchee, topiki i tochka zreniya [Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11. Sovremennye sintaksicheskie teorii v amerikanskoj lingvistike* [New in Foreign Linguistics. Iss. 11. Contemporary Syntactic Theories in American Linguistics]. Moscow, Progress Publ, pp. 277-316.
- Chejfu U., 2008. Rol introspektsii, nablyudeniya i eksperimenta v ponimani myshleniya [The Roles of Introspection, Observation, and Experimentation in Understanding the Mind]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 78-88.
- Shluinskiy A.B., 2007. *Anaforicheskie otnosheniya v slozhnom predlozhenii* [Anaphoric Relations in a Complex Sentence]. URL: https://iling-ran.ru/Shluinsky/ashl/AnaforicheskieOtnosheniya_2007 (accessed 4 June 2020).
- Yaskevich Ya.S. Obosnovanie [Justification]. *Gumanitarnaya entsiklopediya. Kontsepty nauchnogo diskursa* [Humanitarian Encyclopedia. Scientific Discourse Concepts]. URL: <https://gmarket.ru/concepts/7097> (accessed 4 June 2020).
- Intervyu V.V. Putina holdingu Bloomberg. 01.09.2016* [Vladimir Putin's Interview to Media Company Bloomberg. September 1, 2016]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52830> (accessed 21 June 2020).
- Intervyu V.V. Putina telekanalu ORF. 04.06.2020* [Vladimir Putin's Interview to ORF TV Channel. June 4, 2020]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57675> (accessed 21 June 2020).
- Intervyu V.V. Putina telekanalu NBC. 02.03.2018* [Vladimir Putin's Interview to NBC TV Channel. March 2, 2018]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57027> (accessed 22 June 2020).
- Intervyu V.V. Putina Pervomu kanalu i agentstvu Assosheyted Press. 01.09.2013* [Vladimir Putin's Interview to Channel One and the Associated Press Agency. September 1, 2013]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19143> (accessed 21 June 2020).
- Intervyu V.V. Putina telekanalu ARD. 17.11.2014* [Vladimir Putin's Interview to ARD TV Channel. November 17, 2014]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47029> (accessed 22 June 2020).
- Intervyu V.V. Putina telekanalu «Al'-Dzhazira». 10.02.2007* [Vladimir Putin's Interview to Al-Jazeera TV Channel. February 10, 2007]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24035> (accessed 3 July 2020).
- Intervyu V.V. Putina amerikanskomu zhurnalistu Charli Rourzu dlya telekanalov CBS i PBS. 29.09.2015* [Vladimir Putin's Interview to American Journalist Charlie Rose for CBS and PBS TV Channels]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50380> (accessed 3 July 2020).
- Intervyu V.V. Putina Mediakorporatsii Kitaya. 06.06.2018* [Vladimir Putin's Interview to Media Corporation of China. June 6, 2018]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57684> (accessed 3 July 2020).
- Intervyu V.V. Putina TASS. 13.11.2014* [Vladimir Putin's Interview to TASS. November 13, 2014]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47009> (accessed 3 July 2020).
- Intervyu V.V. Putina telekanalu Russia Today. 06.09.2012* [Vladimir Putin's Interview to Russia Today TV Channel. September 6, 2012]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16393> (accessed 4 July 2020).
- Intervyu V.V. Putina yuzhnokoreyskoy teleradiokompanii KBS. 12.11.2013* [Vladimir Putin's Interview to the South Korean Television and Radio Company KBS. November 12, 2013]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19603> (accessed 4 July 2020).
- Intervyu V.V. Putina vedushchim SMI Kitaya. 19.05.2014* [Vladimir Putin's Interview to China's Leading Media Companies. May 19, 2014]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/21031> (accessed 4 July 2020).

SOURCES

- Intervyu V.V. Putina rossiyskim i inostrannym SMI. 06.03.2014* [Vladimir Putin's Interview to Russian and Foreign Media. March 6, 2014]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20080> (accessed 4 July 2020).
- Intervyu V.V. Putina zhurnalu «Vokrug sveta». 23.09.2014* [Vladimir Putin's Interview to Magazine "Vokrug Sveta". September 23, 2014]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46660> (accessed 4 July 2020).
- Intervyu D.A. Medvedeva telekanalam «Russia Today», «Pervyy informatsionnyy kavkazskiy» i radiostantsii «Ekho Moskvy». 05.08.2011* [Dmitriy Medvedev's Interview to "Russia Today", "Pervyj informacionnyj kavkazskij" TV Channels, and "Ekho Moskvy" Radio Station. August 5, 2011]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/799478-echo> (accessed 7 July 2020).
- Intervyu D.A. Medvedeva koreyskim SMI. 09.11.2010* [Dmitriy Medvedev's Interview to South Korean Media. November 9, 2010]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/9467> (accessed 7 July 2020).
- Intervyu D.A. Medvedeva amerikanskoj gazete «Uoll-strit dzhornel». 08.07.2010* [Dmitriy Medvedev's Interview to the Wall Street Journal. July 8, 2010]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/8082> (accessed 7 July 2020).
- Otvety D.A. Medvedeva na voprosy zhurnalistov «Rossiyskoj gazety». 11.10.2010* [Dmitriy Medvedev's Answers to "Rossiyskaya Gazeta" Journalists. October 11, 2010]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/9486> (accessed 16 August 2020).
- Vstrecha D.A. Medvedeva s zhurnalistami «Rossiyskoj gazety». 08.11.2010* [Dmitriy Medvedev's Meeting with "Rossiyskaya Gazeta" Journalists. November 8, 2010]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/9457> (accessed 16 August 2020).

Information About the Author

Lyubov V. Voronina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Humanities, Ryazan State Agrotechnological University named after P.A. Kostychev, Kostycheva St, 1, 390044 Ryazan, Russia; Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Interior of Russia, 1-ya Krasnaya St, 18, 390043 Ryazan, Russia, lv-voronina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4333-6685>

Информация об авторе

Любовь Валентиновна Воронина, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Рязанский государственный агротехнологический университет им. П.А. Костычева, ул. Костычева, 1, 390044 г. Рязань, Россия; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. 1-я Красная, 18, 390043 г. Рязань, Россия, lv-voronina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4333-6685>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.12>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 02.06.2021
Accepted: 30.09.2021

LINGUISTIC PROGMATICS OF ENGLISH BORROWINGS IN RUSSIAN MASS COMMUNICATION DISCOURSE

Olga S. Volkova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper focuses on linguistic and pragmatic peculiarities of English borrowings used in the discourse of mass communication in Russian. The analysis of Russian-language web content has enabled the author to identify the symbolic significance of shoe names borrowed from the English language. The system of values referred to a fashionable lifestyle was revealed and described; the thematic domains, such as sports, healthy lifestyle, active life position, and eco-activism are highlighted. The shoe names borrowed from English are regarded in the article in terms of translingual units and are defined as linguistic signs, which belong to another language, but the speakers, who are the agents of network communication, use them *ad hoc* to convey the ideas through switching the language code. Translingual units are found out to be universal symbols in the context of global mass culture. Having crossed the borders of the languages, they broadcast new values. Meanwhile, they spontaneously go through the main stages of linguistic adaptation and actively penetrate the network content of mass communication. The article presents the techniques of the borrowed shoe names translingual adaptation. The identified techniques include translingual derivation, partial grammatical categorization, conversion and blending, which consists in the occasional composition of the original, graphically unadapted English stem – a proper noun denoting a brand name of the shoe manufacturer, and a Russian suffixoid *-ovsk-*, which forms relative adjectives with the generalized meaning of sharing characteristics, prescribed to the object, indicated by the root morpheme. Phonetic assimilation of translingual shoe names presupposes following pronunciation rules of the Russian language, including the reduction of vowels in the first pre-stressed syllable; devoicing voiced consonants at the end of a word; palatalization; coexistence of diphthongized and monophthongized variants of vowel pronunciation, which indicates the incompleteness of phonetic adaptation.

Key words: borrowing, translingual unit, mass communication discourse, linguistic adaptation, values of web communication, fashionable lifestyle, shoe names.

Citation. Volkova O.S. Linguistic Progmatics of English Borrowings in Russian Mass Communication Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 134-145. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.12>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 02.06.2021
Дата принятия статьи: 30.09.2021

ЛИНГВОПРАГМАТИКА АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ОБУВИ)

Ольга Сергеевна Волкова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема лингвопрагматического использования английских заимствований в дискурсе массовой коммуникации на русском языке. На материале русскоязычного сетевого контента (письменного и устного) выявлена символическая значимость заимствованных англоязычных именовании обуви, установлена ценностная специфика модного образа жизни и выделены тематические области ее реализации: спорт, здоровый образ жизни, активная жизненная позиция, экоактивизм,

при описании которых употребляются заимствованные англоязычные именованья обуви. Заимствованные номинации обуви определены как транслингвальные единицы – языковые знаки, принадлежащие другому языку, но ситуативно применяемые носителями – агентами сетевой коммуникации для передачи своих идей посредством переключения языкового кода. Транслингвальные единицы представляют собой универсальные символы в контексте глобальной массовой культуры и, пересекая границы языков, транслируют новые ценности. При этом они спонтанно проходят основные этапы лингвистической адаптации и активно включаются в сетевой контент массовой коммуникации на принимающем языке. В статье охарактеризована фонетическая ассимиляция транслингвальных названий обуви, которая отражает свойственную нормам произношения русского языка редукцию гласных в первом предупредительном слоге, оглушение звонких согласных звуков на конце слова, палатализацию, сосуществование дифтонгизированных и монофтонгизированных вариантов произношения гласных, сигнализирующие о незавершенности фонетической адаптации. Представлены приемы транслингвальной адаптации заимствованных номинаций обуви: транслингвальная деривация, частичная грамматическая категоризация, конверсия и блендинг.

Ключевые слова: заимствование, транслингвальная единица, дискурс массовой коммуникации, лингвистическая адаптация, ценности сетевой коммуникации, модный образ жизни, названия обуви.

Цитирование. Волкова О. С. Лингвопрагматика английских заимствований в русскоязычном дискурсе массовой коммуникации (на материале названий обуви) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 134–145. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.12>

Введение

Изучение заимствований иноязычной лексики в отечественной лингвистике опирается на теорию ассимиляции и адаптации чужих слов как иноязычных вкраплений [Реформатский, 1967; Леонтьев, 1966; Князева, 1970]. Мотивация и стадии заимствования в условиях опосредованных и непосредственных языковых контактов детально описаны в работах современных исследователей [Крысин, 1968; 2002; Кимягарова, 1989; Диброва, 2008; Свинцова, 2006]. С начала XXI в. лингвисты наблюдают активное проникновение англоязычной лексики в практику массовой коммуникации на русском языке. В своих исследованиях они анализируют специфику адаптации английских слов к словообразовательным и грамматическим нормам русского языка [Дьяков, Скворецкая, 2013; Пономарёва, 2001], семантический аспект освоения англицизмов в разных регистрах речи [Павленко, 1998; Прокутина, 2009]. Обосновывая причины интенсивного заимствования англицизмов в современный русский язык, ученые, наряду с историко-культурным [Крысин, 1968; Дьяков, 2003], выделяют прагматический фактор [Китанина, 2005], полагая, что лингвистическое изучение процесса заимствования следует проводить на коллекциях текстов, принадлежащих к различным сферам коммуникации. Например, опубликованы данные об адаптации англицизмов в экономическом, юридическом, политическом, филологи-

ческом дискурсах, в сфере игровой, рекламной индустрии [Горностаев, 2017], однако малоисследованной, но значимой для изучения особенностей транслингвальной адаптации остается тема заимствования англоязычной лексики в современной массовой коммуникации о модном образе жизни, прагматика и стилистика ее употребления в речи.

В данной статье предполагается обоснование гипотезы о транскультурной значимости английских заимствований в русскоязычном дискурсе о модном образе жизни, отраженной в прагматике спонтанного появления новой единицы в тезаурусе русскоязычного агента сетевой коммуникации о модном образе жизни при обсуждении ценностей и символов массовой культуры.

Введение в настоящее исследование понятия транскультурной значимости заимствованной единицы опирается на сформулированные в современной теории коммуникации положения о транслингвизме, или трансязычии [Canagarajah, 2002; Gardner-Chloros, 2009], как динамичном развитии языков в условиях опосредованных и непосредственных языковых контактов. Обосновывая коммуникативную ценность того или иного заимствования исследователи указывают на особые социокультурные условия, при которых, в связи с ростом количества людей, владеющих одним или несколькими иностранными языками наряду со своим родным, в процессе интеракции они прибегают к употреблению в речи

транслингвальных единиц – языковых знаков, принадлежащих другому языку, ситуативно применяемых («ad hoc») для передачи своих идей посредством переключения языкового кода [Kochetova, Pyinova, 2020]. Транслингвальные единицы, одновременно попадая в несколько языковых сред, приобретают универсальную ценность в контексте глобальной массовой культуры, тем самым демонстрируя транскультурную значимость заимствования.

Материал и методы

Анализ сетевой коммуникации о модном образе жизни возможен через изучение тезауруса агента сетевой коммуникации о модном образе жизни. Прагматика появления транслингвальных единиц заключается в формировании потребности употребления единиц, необходимости подбора языковых единиц для номинации новых предметов или явлений. Именно такими единицами выступают транслингвальные образования.

Источником для отбора языковых единиц послужили тексты русскоязычных журнальных публикаций, блогов о модном образе жизни, отзывов интернет-магазинов, содержащих заимствованные из английского языка номинации обуви (общее количество – 54 лексические единицы в 154 контекстах). Был проведен лингвопрагматический анализ употребления транслингвальных единиц и особенностей их адаптации, проходящей в условиях спонтанной коммуникации о модном образе жизни в сетевом контенте. Общая методика анализа предполагала сочетание приемов описания словообразовательных процессов адаптации англоязычного заимствования к нормам русского языка, формирования семантики и синтагматики использования в русскоязычном тексте с приемами лингвопрагматической интерпретации контекстуального употребления.

Результаты и обсуждение

Языковая адаптация заимствований

Фонетическое освоение заимствованного слова проявляется в изменении его звукового облика, которое происходит по законам языка-реципиента. Степень адаптации может

быть различной. Если в заимствованном слове все звуки соответствуют единицам звукового состава языка-реципиента, то произнесение данного слова у его носителей не вызывает затруднений, однако чуждые языку-реципиенту звуки заменяются наиболее близкими по звучанию. Так, действующие в русском языке фонетические законы, например редукция гласных в первом предударном слоге, когда [o] произносится как [ʌ], распространяются и на транслингвы, которые в процессе фонетической ассимиляции начинают произноситься по аналогии с русскими словами: б[ʌ]тфорты, м[ʌ]касины. Фонетические законы произношения согласных требуют оглушения звонких согласных на конце слова: бро[к] вместо бро[г], кло[к], а не кло[г]; палатализации: с[л'ʌ]ипоны, тим[б'ʌ]ерленды. По нормам русского языка перед гласным [э] произносится мягкий согласный: [л'оф'эры], [сл'ип'эры], [конв'эры], однако процесс фонетической адаптации по данному параметру в ряде случаев еще не завершен: [лабутэны], [топ сайдэды], [гриндэры]. Сосуществование дифтонгизированных ([лоуф'эры], [оупэнттой]) и монофтонгизированных ([лоф'эры], [опэнттой]) вариантов произношения гласных сигнализирует о незавершенности процесса фонетической адаптации некоторых транслингвальных именовании обуви.

Под графическим освоением транслингвальных единиц понимается передача на письме перешедшего слова графическими средствами языка-реципиента, в нашем материале – кириллицей (например, *slipper* – *слипер*). Графическая адаптация транслингвального слова занимает не так много времени, как, например, грамматическая, однако и здесь единое графическое изображение устанавливается не сразу. Было отмечено, что на начальном этапе графической ассимиляции транслингвальных названий обуви в русскоязычных текстах встречаются варианты с графической передачей их первоначального написания, например *ankle boots*, *kitten heel*:

(1) Надеваем носки с **ankle boots** поверх леггинсов (I);

(2) Предпочитающие более комфортную обувь найдут в коллекции аккуратные **kitten heels** в стиле Одри Хепберн (II).

Иногда в скобках дается определение иноязычных названий обуви на русском языке. Это делается для уточнения нового, пока неизвестного читателю понятия:

(3) Туфли на низком каблучке (он же kitten heel) – самое правильное решение для тех, кто не в состоянии каждый день проявлять бытовой героизм и бегать на высоченных шпильках, но при этом пока не готов окончательно спуститься с небес на землю и отказаться от лодочек в пользу балеток, слиперов и прочих прозаично-удобных вариантов (III).

Неравномерную графическую адаптацию транслингвальных единиц со сходной морфемной структурой наблюдаем при переходе обувных названий *docksiderys* – *доксайдеры*, *Top-Siders* – *тон-сайдеры* / *тонсайдеры*. Отметим расхождения в слитном и дефисном написании последнего и упразднении прописных букв:

(4) Этим летом о морских круизах будут напоминать не только тельняшки, **тон-сайдеры** и эспадрильи на джутовой подошве, широкополые шляпы, короткие шорты и ледяное шампанское, но и коллекция декоративной косметики MAC «Hey, Sailor!» (IV).

Полностью графически адаптировавшись считаются транслингвальные единицы, которые в русском языке передаются на письме буквами русского алфавита. Это доказывает максимальную стадию графической адаптации: *derby* – *дерби*, *Mary Jane* – *Мэри Джейн*, *chelsea* – *челси*:

(5) Однако самой популярной моделью мужской обуви в женском гардеробе этой осенью стали **челси**, обыгравшие лидирующие прежде по популярности **оксфорды** разве что не всухую (V).

В случае актуализации нескольких языковых явлений при транслингвальном переходе объект или явление может получить номинацию с отличным от исходного объемом лексического значения, например *open toe* – *опентой*:

(6) Как всегда, летом будет актуальна обувь **опентой**. Первейшей из модниц вы сможете прослыть, если купите обувь не просто с открытым носочком, но и с пластиковыми вставками (VI). Заимствованное англоязычное словосочетание (*open toe* [adj + N]), обозначающее от-

крытый палец, транскрибируется и входит в принимающий язык как единая словоформа, графически передаваемая кириллицей без пробелов – *опентой* (модель обуви с вырезанным мысом).

Грамматическая адаптация представляет процесс подчинения формы транслингвальной единицы законам грамматики русского языка. Заимствованные слова – в нашем материале это парные имена существительные – демонстрируют частично или полностью, в зависимости от степени грамматической адаптации, признаки грамматических категорий: род, число, склонение, падеж.

Из 54 отобранных наименований обуви только 18,5 % заимствований имеют показатели грамматического рода и единственное число: *мокасин* (муж. род), *брог* (муж. род), *платформа* (жен. род), *конверс* (муж. род), *крипер* (муж. род), *кед* (муж. род), *лофер* (муж. род), *оксфорд* (муж. род), *слипон* (муж. род), *слипер* (муж. род); остальные 81,5 % – только множественное число: *челси*, *кроги*, *хилисы*, *слаучи*, *ридинги*, *джодпур*, *монки*, *томсы*.

Следует отметить, что схожие в английском языке по фонетическому и морфемному составу слова *flatfom* и *platform*, обозначающие форму подошвы, адаптировавшиеся к нормам русского языка в разные исторические периоды, приобрели разные грамматические характеристики: *flatfom* употребляется только в форме множественного числа и не имеет родовой принадлежности – *флатформы*, в то время как *platform* имеет формы единственного и множественного числа, а в единственном числе склоняется по парадигме женского рода: *платформа*, *туфли на платформе*. Это объясняется тем, что полисемичное слово *платформа* давно существует в русском языке с полной парадигмой грамматических показателей.

Подчинение транслингвальных единиц правилам русского языка привычно наделяет обувные лексемы показателем множественного числа, позволяя при этом упростить графическое исполнение, и в русском варианте сложносоставные слова пишутся слитно: *winklepicker* / *винкпикеры* (*winkle-picker* (n) – a shoe or boot with a narrow, sharply pointed toe, popular in the 1950s (COED) – туф-

ли или ботинки с узким, заостренным мысом, популярные в 1950-х гг. (здесь и далее перевод с английского наш)); *slip-on* / *слипоны*. В некоторых случаях финальный компонент, номинирующий тип обуви, в процессе перехода опускается: *oxford shoes* / *оксфорды*, *Birkenstock sandals* / *биркенштоки*. Грамматический показатель множественного числа при употреблении иноязычных названий обуви в русском языке не добавляется к основе с финальным гласным звуком: *tabi* / *таби*, *Derby shoes* / *дерби*, *chelsea boots* / *челси*.

В словосочетаниях, номинирующих обувь на основе метонимического переноса, в русском языке используется семантическое калькирование: *cowboy boots* / *ковбойские сапоги*, *kitten heels* / *кошачий каблук*. Данный прием позволяет коротко и емко описать модель, сохраняя порядок следования элементов транслингвальной единицы (*Dockside boat-shoes* / *яхтенные туфли*) или меняя его, адаптируя к привычному для носителя русского языка порядку: *glove shoes* / *туфли-перчатки*, *stretch leather ankle boots* / *полусапоги-носки*.

Анализируя процессы адаптации заимствованных названий обуви, мы наблюдаем конверсию – переход слов из одной части речи в другую, в частности переход существительных (имен собственных, номинирующих компанио-производителя обуви) в прилагательные при помощи русского суффикса *-вск/-овск-*, образующего относительные имена прилагательные с общим значением свойственности тому или характерности для того, что названо мотивирующим словом. При этом заимствованная корневая морфема графически не всегда ассимилируется. В результате формируется весьма продуктивная деривационная модель с различными вариантами графической репрезентации:

а) дефисное написание корневой и аффиксальной морфем:

- (7) **Etonic-овских** ботинок (VII);
- (8) в **ЕССО-вских** ботинках (VIII);
- (9) модели **Puma-вских** балеток (IX);

б) написание с апострофом в русской и английской алфавитных раскладках:

(10) **Reebok'овские** кроссовки; переместили традиционные **adidas'овские** полоски с плеч на боковую сторону формы (X);

(11) ...Исключение составляют **Mizuno'вская** волна и **Nike'овские** воздушные подушки (XI);

в) использование кавычек для заимствованной номинации бренда:

(12) На Ямале снова изымают «пиратские» диски и контрафактные «**ADIDAS'овские**» кроссовки (XII).

Слова, образованные от транслингвальных обувных номинаций с помощью конверсии из существительного в глагол, немногочисленны. Восприятие модели N → V позволяет участникам коммуникации о моде распознать семантику транслингвального деривата, например *boots* (n) – *буцать* / *бутсать* (v), *to bump* (v) – *bumps* (n) – (*но*)*бампкать* (v):

(13) В кроссовках этих фирм бегали и **буцали** мяч только советские футболисты (XIII);

(14) ...И первоначально относилось к обуви для зала, в которой можно «**бампкать и буцать**» (XIV).

Итак, в процессе употребления транслингвальных названий обуви коммуниканты сетевого дискурса спонтанно уподобляют словоформы к фонографическим и грамматическим нормам русского языка, используя следующие приемы: транслитерация с элементами оглушения финального консонанта, редукция гласных в первом предупредительном слоге, частичная грамматическая категоризация, конверсия.

Контекстуальная адаптация

Ценности массовой культуры транслируются через текстовый контент постов в микроблогах, социальных сетях, на онлайн-каналах, посвященных моде и красоте, шопингу, путешествиям, спорту и здоровому образу жизни. Употребление транслингвальных названий обуви в контексте данной тематики имеет характер саморепрезентации автора как человека, сведущего в новинках, последних тенденциях моды и стиля. Иноязычная лексика, спонтанно инкорпорируемая в речь, забавляет и увлекает слушателя или читателя, также владеющего иностранным языком и мастерством переключения кода, а менее продвинутыми в языковом плане адресатами незнакомые, чужие, заимствованные названия

воспринимаются как маркер просвещенности и информированности адресанта, показатель опыта заграничных поездок, где именно так эти новинки и называются. Регулярность употребления в речи модных блогеров транслингвальных единиц воспринимается массовой аудиторией как маркер достатка – возможности путешествовать за границу, посещать элитные торговые центры и аутлеты, приобретать дизайнерскую обувь.

Массовая культура на современном этапе своего развития отражает ценности, конвенции и представления, сформировавшиеся за последние 5–10 лет и составляющие модный образ жизни. Они воплощены в четких когнитивных установках носителей массовой культуры о публично одобряемых и порицаемых аспектах модного образа жизни. Так, здоровый образ жизни, ставший базовым регулятивом, включает множество компонентов: активная жизненная позиция, правильное питание, регулярные занятия спортом, сознательное отношение к здоровью, правильная организация пространства и тайм-менеджмент, экоактивизм и многое другое.

Публичное обсуждение модных тем в рамках сетевого общения позволяет блогерам создать положительный имидж посредством вербальной самоидентификации как приверженца здорового образа жизни, разделяющего ценности современной массовой культуры. Агенты сетевого общения демонстрируют знания по актуальным темам для подтверждения следования тенденциям. Эксплицитная речевая самоидентификация представителей массовой культуры в большинстве случаев сопровождается указанием на безусловный характер данного параметра, имплицитная индикация ведения правильного, здорового образа жизни чаще воспринимается адресатом через распознавание значения употребляемых в речи транслингвальных лексических единиц, принадлежащих к тематическим полям «мода», «спорт», «правильное питание», «путешествия». Так, блогер, публикуя видеообзор о требованиях, предъявляемых к спортивной обуви, в действительности не всегда является профессиональным спортсменом, чаще демонстрация знаний в области специализированной спортивной обуви – это элемент имиджа сто-

ронника модного образа жизни, в современной массовой сетевой культуре они называются лидерами мнений.

Употребление трансязычных названий специализированной спортивной обуви обусловлено доступностью и широкой популярностью ее моделей от иностранных производителей среди российских потребителей и отсутствием в русском языке номинирующих их лексических единиц, которые отражали бы весь комплекс неотъемлемых характеристик товара и его предназначение для конкретного вида спорта / спортивной дисциплины.

Наиболее часто встречаются транслингвальные номинации спортивной обуви для бега: *трейнеры* (от англ. *trainer*) предназначены для длительных тренировок; *трейловые кроссовки*, очевидно от *трейлраннинг* (англ. *trailrunning*), предназначены для занятий бегом по природному рельефу в свободном темпе или в рамках соревнования; *минимусы* (от лат. *minimus* – транслингвальная единица, используемая во всех языках, но свою популярность в русском языке приобрела через английский вариант американского бренда «New Balance Minimus») – минималистичные кроссовки, имитирующие бег босиком.

Активная жизненная позиция как элемент модного образа жизни блогера требует демонстрации знаний в области туризма и путешествий. Упоминания просто «удобной обуви» уже недостаточно для привлечения и поддержания интереса подписчиков. Стремление выделиться, быть не как все, предложить читателям информацию большего объема по сравнению с другими членами цифрового сообщества заставляет авторов модных блогов употреблять транслингвальные названия специальной обуви: *треккинговые ботинки* (англ. *trek* (verb) – to go on a long and difficult journey on foot (MMD) – путешествовать, гулять, особенно длительно, пешком):

(15) ...Самый важный элемент экипировки в походах и путешествиях. Высокое голенище и плотная стелька надежно фиксируют стопу и помогают преодолеть пешком даже самые большие расстояния... Если вы примерите **треккинговые ботинки** на ровной поверхности, например, на полу или асфальте, то они могут показаться вам слишком жесткими (XV).

Массовая культура цифровой коммуникации популяризирует транслингвальные единицы и явления, которые за ними стоят, например занятие *хайкингом* (*hiking* – the activity of walking for long distances in the countryside. Someone who does this is called a hiker (MMD) – туризм – пешие прогулки на природе на большие расстояния. Человек, который этим занимается – турист):

(16) Наибольшее число любителей природы предпочитают хайкинг. Хайкеры предпочитают высокую скорость движения с малым грузом за плечами. **Обувь для хайкинга** отличается малым весом, эффективной вентиляцией и посадкой с плотной фиксацией голеностопа... (XVI).

Путешествия, как наземные, так и морские, являются неотъемлемой составляющей модного образа жизни, они сопровождаются облачением туриста в специальную обувь для морских вояжей, которая получает транслингвальную номинацию:

(17) **Топсайдеры** – были задуманы как обувь для моряков и яхтсменов, но уже давно не влекут за собой покупку яхты – по крайней мере, не настаивают на ее наличии. Единственное, чем действительно нужно обладать, чтобы носить **топсайдеры**, так это готовность пренебречь носками – с палубной обувью их носить категорически не рекомендуется (XVII).

Саморепрезентация личности блогера, происходящая в рамках освещения популярных и модных тем, предполагает «правильное», то есть одобряемое обществом, современное и при этом оригинальное и индивидуальное решение проблем экологии: обувь, изготавливаемая популярными брендами из био-разлагаемых материалов или продуктов вторичной переработки, представляется как актуальная тенденция 2020-х гг.:

(18) ...Они изготовили кроссовки Alphaedge4D, используя текстиль, созданный из переработанного океанического мусора (XVIII).

Модный блогер позиционирует себя как приверженец экологического мышления – человек, руководствующийся новыми морально-этическими принципами, стремящийся к отказу от использования сырья животного происхождения для сохранения биоразнообразия планеты:

(19) Предпринимательницы хотят создать «новую роскошь» – экологичную и произведенную без

жестокости по отношению к животным. Тейлор и Томас отмечают, что хотя люксовый сегмент стремится к устойчивому развитию, найти **экообувь** можно разве что у Стеллы Маккартни (XIX).

Указанная идея передается с помощью транслингвального префиксоида *eco-/эко-*. Убежденные экоактивисты проецируют концепцию вегетарианства – отказа от потребления продуктов животного происхождения – на выбор материалов, из которых изготовлена обувь:

(20) Помимо шлепанцев, в ассортименте бренда найдутся кроссовки с голенищем ковбойских сапог, спортивные сандалии со шнурками и ботинки с пришитыми бахилами. Наглядный пример того, что экологичные и на 100 % **веганские вещи** могут быть ультрамодными (XIX).

Модный образ жизни подчеркивается агентами сетевого общения с помощью демонстрации принадлежности к определенным социальным группам и выбора аристократичных видов спорта, и как следствие – употребление ими в данных контекстах трансязычной обувной лексики:

(21) **Гольф-обувь** – специальная обувь. И здесь мы находим элементы, уникальные именно для этой области. Например, для того чтобы облегчить игроку принятие правильной стойки для удара («коленки внутрь»), пятка **Etonic-овских** ботинок с внешней стороны скошена на 6 градусов, благодаря чему положение ноги во время удара будет более правильным (VII).

Наблюдаемый в примерах прием графической и грамматической адаптации заимствованных названий обуви представляет собой грамматический блендинг.

Немаловажным параметром модного образа жизни коммуниканты в цифровом пространстве считают комфорт и удовольствие, на которые также ссылаются через многочисленные транслингвальные номинации моделей спортивной обуви и таким образом реализуют интенцию о привлечении еще большего количества лиц, заинтересованных в ведении здорового образа жизни и поддержании привлекательной внешности:

(22) Покупая **трейловые кроссовки**, помните, что самое главное условие – удобство... Второй важнейший момент – правильно подобранный размер.

Не стоит покупать **трейловые кроссовки** впритык... (XX).

Модной тенденцией жизни считается в русской блогосфере стремление к порядку и эргономичной организации пространства. Движение Fly Lady (дословно: «реактивные хозяйки»), уже не первый год удерживающее позиции лидера среди наставников домохозяек, обучает всех желающих хитростям ведения быта с удовольствием. Семантика глагола *fly* («when something such as a bird, insect, or aircraft flies, it moves through the air» (COED) – когда что-то, например птица, насекомое или самолет, летит, оно движется по воздуху) изначально заложена в концепции движения Fly Lady – парящие леди-«пчелки», легко и быстро выполняющие работу по дому. Метафорический перенос исходного значения *fly* наблюдаем в номинации *флай-обувь* «летательная обувь»: одна из первых рекомендаций блога – обуться в удобную пару обуви на шнуровке. *Флаюшки* (димиутивное обращение к домохозяйкам, практикующим данный подход) верят, что работа по дому требует собранности и организованности, что невозможно продемонстрировать в домашних плюшевых тапочках или босиком. Для этого *флай-обувь* (лучше кеды на белой подошве) шнуруют так, чтобы их невозможно было снять в любой момент и позволить себе прервать «полет».

Заключение

Лингвопрагматика англоязычных заимствований в русскоязычном дискурсе массовой коммуникации выражается в спонтанном подборе русскоязычным агентом и включением в свой тезаурус англоязычных номинаций, необходимых для выражения мнения при обсуждении ценностей и символов массовой культуры.

Актуальной в сетевой массовой коммуникации является дискуссия о модном образе жизни, которую лидеры мнений, или агенты сетевой коммуникации, инициируют по следующим темам: активная жизненная позиция, правильное питание, регулярные занятия спортом, сознательное отношение к здоровью, правильная организация пространства и тайм-менеджмент, экоактивизм и др. При раскры-

тии указанных ценностей массовой культуры агенты активно включают в свою речь транслингвальные номинации обуви, которые символизируют модный образ жизни, тем самым расширяя тезаурус участников сетевой коммуникации. Проведенный анализ прагматических особенностей текстового контента о модном образе жизни позволил выявить приемы транслингвальной адаптации англоязычных названий обуви к фонографическим, грамматическим и лексическим нормам русского языка: транслитерация с элементами оглушения финального консонанта, редукция гласных в первом предупредном слоге, транслингвальная деривация, частичная грамматическая категоризация и блендинг, конверсия. Перспективы исследования видятся в тематической систематизации транслингвальной адаптации англоязычных единиц в тезаурусе трансязычной личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горностаев С. В., 2017. Грамматическая адаптация англоязычных заимствований сферы игровой индустрии в русском языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 1. С. 76–84. DOI: 10.18522/1995-0640-2017-1-76-84.
- Диброва Е. И., 2008. Избранные работы по русско-музыку: в 2 т. М.: ТВТ Дивизион. Т. 1. 429 с.; Т. 2. 470 с.
- Дьяков А. И., 2003. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура: сб. ст. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во. С. 35–43.
- Дьяков А. И., Скворецкая Е. В., 2013. Суффикс -инг завоевывает свои позиции в русском словообразовании // Сибирский филологический журнал. № 4. С. 180–186.
- Кимягарова Р. С., 1989. Типы и виды адаптаций заимствованной лексики в русском языке нового времени (XVIII–XX вв.) // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. Вып. 6. С. 69–78.
- Китанина Э. А., 2005. Прагматика иноязычного слова в русском языке. Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ». 415 с.
- Князева Г. Ю., 1970. Понятие ассимиляции заимствований и методика ее исследования // Лингвистика и методика в высшей школе. М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 5. С. 124–130.

- Крысин Л. П., 1968. Иноязычные слова в современном русском языке. М. : Наука. 204 с.
- Крысин Л. П., 2002. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. № 6. С. 27–34.
- Леонтьев А. А., 1966. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. № 7. С. 60–67.
- Павленко Г. В., 1998. Семантический аспект освоения англицизмов // Семантика языковых единиц. В 2 т. Т. 1 : докл. VI Междунар. конф. М. : Спорт. жизнь ; СпортАкадемПресс. С. 192–194.
- Пономарёва З. Н., 2001. Графический образ иноязычного слова в современных русских текстах // Мир русского слова. № 1. С. 75–77.
- Прокутина Е. В., 2009. Употребление нестандартной лексики англоязычного происхождения в средствах массовой информации // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 8. С. 208–219.
- Реформатский А. А., 1967. Введение в языковедение. М. : Просвещение. 542 с.
- Свинцова С. В., 2006. Специфика структурно-семантических изменений англоамериканизмов в процессе их адаптации в испанском языке США // Вестник Саратовской государственной академии права. № 4 (49). С. 204–207.
- Sanagarajah S., 2002. Multilingual Writers and the Academic Community: Towards a Critical Relationship // Journal of English for Academic Purposes. № 1. P. 29–44.
- Gardner-Chloros P., 2009. Code-Switching. Cambridge : Cambridge University Press. 242 p. URL: https://www.academia.edu/12864556/Code-Switching_by_Gardner-Chloros (date of access: 23.01.2021).
- Kochetova L. A., Pyinova E. Yu., 2020. English Academic Discourse in Translinguistic Context: Corpus-Based Study of Lexical Markers // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 5. P. 25–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2020.5.3>.
- III* – Журнал «BAZAAR». URL: <https://bazaar.ru/fashion/vybor/10-luchshikh-par-lodochek-nanizkom-kablukel/> (дата обращения: 08.09.2019).
- IV* – Журнал «VOGUE». URL: <http://www.vogue.ru/beauty/news/429778/> (дата обращения: 11.10.2019).
- V* – Журнал «ELLE». URL: <http://www.elle.ru/moda/fashion-blog/sapogi-osen-zima-2015-2016-foto/> (дата обращения: 12.09.2019).
- VI* – Модный словарь обуви на каблучках. URL: <http://irkfashion.ru/fashion/modn-obzor/?id=3360> (дата обращения: 16.09.2019).
- VII* – Журнал «Golf Style». URL: <https://issuu.com/evgeniysvechnikov/docs/golfstylerussia> (дата обращения: 02.02.2021).
- VIII* – Отзовик. URL: https://otzovik.com/review_423317.html (дата обращения: 03.10.2019).
- IX* – Онлайн-магазин «Wildberries». URL: <https://www.wildberries.kg/catalog/922678/otzyvy> (дата обращения: 03.10.2019).
- X* – Новая форма сборной Уэльса 2018. URL: <https://footykits.ru/novaya-forma-sbornoj-uelsa-2018/> (дата обращения: 04.10.2019).
- XI* – Кроссовки-внедорожники. URL: <https://www.skisport.ru/articles/read/64658/> (дата обращения: 04.10.2019).
- XII* – Уральское таможенное управление. URL: <https://utu.customs.gov.ru/news/document/53862> (дата обращения: 04.10.2019).
- XIII* – Познавательный журнал «Школа жизни». URL: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/78252/> (дата обращения: 03.10.2019).
- XIV* – Что такое футзалки. URL: <http://futsalki.mozello.com/stati/cto-takoe-futzalki/> (дата обращения: 03.10.2019).
- XV* – Онлайн-магазин «Scandinavian Outdoor». URL: <https://scandinavianoutdoor.ru/obuv/trekkingovaya-obuv/> (дата обращения: 11.01.2019).
- XVI* – Выбираем обувь: хайкинг, трекинг, альпинизм, город. URL: <https://www.kant.ru/news/695328/> (дата обращения: 11.01.2020).
- XVII* – Все, что вам нужно знать о топсайдерах. URL: <https://kiozk.ru/article/vse-cto-vam-nuzno-znat-o-topsajderah> (дата обращения: 02.02.2021).
- XVIII* – Adidas Aplhaedge4D: кроссовки для защитников природы. URL: <https://yandex.ru/turbo/graziamagazine.ru/s/fashion/adidas-aplhaedge4d-kroscovki-dlya-zashchitnikov-prirody/> (дата обращения: 05.02.2021).
- XIX* – Без кожи: 7 актуальных марок веганской обуви. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/style/style/240957-eco-shoes?from=readmore> (дата обращения: 12.02.2021).
- XX* – 10 лучших трейловых кроссовок. URL: <https://newrunners.ru/mag/10-luchshih-trejlovyh-krossovok/> (дата обращения: 08.12.2019).

ИСТОЧНИКИ

- I* – Социальная сеть «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/wall-90443930> (дата обращения: 09.01.2021).
- II* – Журнал «Glamour». URL: <https://www.glamour.ru/shopping/pod-kablukom-tuffli-i-sumki-iz-novyh-kollekcij-christian-louboutin> (дата обращения: 06.12.2020).

СЛОВАРИ

COED – Collins Online English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (date of access: 15.09.2020).

MMD – MacMillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/hiking> (date of access: 03.01.2020).

REFERENCES

Gornostaev S.V., 2017. Grammaticheskaya adaptatsiya angloyazychnykh zaimstvovaniy sfery igrovoy industrii v russkom yazyke [Grammatical Adaptation of English Loanwords of Gaming Industry in the Russian Language]. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], no. 1, pp. 76-84. DOI: 10.18522/1995-0640-2017-1-76-84.

Dibrova E.I., 2008. *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku: v 2 t.* [Selected Works on Russian Language. In 2 Vols.]. Moscow, TVT Divizion, vol. 1. 429 p.; vol. 2. 470 p.

Dyakov A.I., 2003. Prichiny intensivnogo zaimstvovaniya anglitsizmov v sovremennom russkom yazyke [The Reasons for Intensive Borrowing of Anglicisms in Modern Russian]. *Yazyk i ku'tura: sb. st.* [Language and Culture. Collection of Articles]. Novosibirsk, Novosibirskoye knizhnoye izd-vo, pp. 35-43.

Dyakov A.I., Skvoretzkaya E.V., 2013. Suffiks -ing zavoevyyaet svoi pozitsii v russkom slovoobrazovanii [The Suffix -ing Wins Its Positions in the Russian Word-Building]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 4, pp. 180-186.

Kimyagarova R.S., 1989. Tipy i vidy adaptatsiy zaimstvovannoy leksiki v russkom yazyke novogo vremeni (XVIII–XX vv.) [Borrowed Vocabulary Adaptation Types in the Russian Language of Modern Times (18th – 20th Centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], iss. 6, pp. 69-78.

Kitanina Ye.A., 2005. *Pragmatika inoyazychnogo slova v russkom yazyke* [The Pragmatics of Foreign Words in the Russian Language]. Rostov-on-Don, RGEU «RINH». 415 p.

Knyazeva G.Yu., 1970. Ponyatie assilyatsii zaimstvovaniy i metodika yeyo issledovaniya [The Concept of Borrowings Assimilation and the Methodology of Its Study]. *Lingvistika i metodika v vysshey shkole* [Linguistics and

Methodology in Higher Education]. Moscow, Izd-vo MGPIYa im. M. Toreza, iss. 5, pp. 124-130.

Krysin L.P., 1968. *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign Words in Modern Russian Language]. Moscow, Nauka Publ. 204 p.

Krysin L.P., 2002. Leksicheskoe zaimstvovanie i kalkirovanie v russkom yazyke poslednykh desyatiletiy [Lexical Borrowing and Translation Loans in the Russian Language of the Last Decades]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 27-34.

Leontyev A.A., 1966. Inoyazychnye vkrapleniya v russkuyu rech [Foreign Inclusions in Russian Speech]. *Voprosy kultury rechi* [Culture of Speech Issues], no. 7, pp. 60-67.

Pavlenko G.V. 1998. Semanticheskii aspekt osvoeniya anglitsizmov [The Semantic Aspect of Anglicism Adaptation]. *Semantika yazykovykh edinit. V 2 t. T. 1: dokl. VI Mezhdunar. konf.* [Semantics of Linguistic Units. In 2 Vols. Vol. 1. Reports at the 6th International Conference]. Moscow, Sportivnaya zhizn Publ., SportAkademPress Publ., pp. 192-194.

Ponomaryova Z.N., 2001. Graficheskiy obraz inoyazychnogo slova v sovremennykh russkikh tekstakh [A Foreign Word Graphic Image in Modern Russian Texts]. *Mir russkogo slova*, no. 1, pp. 75-77.

Prokutina E.V., 2009. Upotrebleniye nestandartnoy leksiki angloyazychnogo proiskhozhdeniya v sredstvakh massovoy informatsii [Use of Nonstandard Vocabulary of the English Origin in Mass Media]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 8, pp. 208-219.

Reformatskiy A.A. 1967. *Vvedeniye v yazykovedeniye* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Prosveshcheniye Publ. 542 p.

Svintsova S.V. 2006. Spetsifika strukturno-semanticheskikh izmeneniy angloamerikanizmov v protsesse ikh adaptatsii v ispanskom yazyke SShA [Some Specific Features of the Structural and Semantic Changes of Anglo-Americanisms in the Process of Their Adaptation into the US Spanish]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava* [Saratov State Law Academy Bulletin. Academy Journal], no. 4 (49), pp. 204-207.

Canagarajah S., 2002. Multilingual Writers and the Academic Community: Towards a Critical Relationship. *Journal of English for Academic Purposes*, no. 1, pp. 29-44.

Gardner-Chloros P., 2009. *Code-Switching*. Cambridge, Cambridge University Press. 242 p. URL: https://www.academia.edu/12864556/Code-Switching_by_Gardner-Chloros (accessed 23 January 2021).

Kochetova L.A., Ilyinova E. Yu., 2020. English Academic Discourse in Translinguistic Context: Corpus-Based Study of Lexical Markers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 5, pp. 25-37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>.

SOURCES

- Socialnaja set «VKontakte»* [“VKontakte” Social Networking Service]. URL: <https://vk.com/wall-90443930> (accessed 9 January 2021).
- Zhurnal «Glamour»* [Glamour Magazine]. URL: <https://www.glamour.ru/shopping/pod-kablukom-tuffli-i-sumki-iz-novyh-kollekcij-christian-louboutin> (accessed 6 December 2020).
- Zhurnal «BAZAAR»* [BAZAAR Magazine]. URL: <https://bazaar.ru/fashion/vybor/10-luchshikh-par-lodoček-na-nizkom-kabluk> (accessed 8 September 2019).
- Zhurnal «VOGUE»* [VOGUE Magazine]. URL: <http://www.vogue.ru/beauty/news/429778> (accessed 11 October 2019).
- Zhurnal «ELLE»* [ELLE Magazine]. URL: <http://www.elle.ru/moda/fashion-blog/sapogi-osen-zima-2015-2016-foto> (accessed 12 September 2019).
- Modnyj slovar obuvi na kablukah* [Fashionable Dictionary of High-Heels]. URL: <http://irkfashion.ru/fashion/modn-obzor/?id=3360> (accessed 16 September 2019).
- Zhurnal «Golf Style»* [Golf Style Magazine]. URL: <https://issuu.com/evgeniysvechnikov/docs/golfstylerussia> (accessed 2 February 2021).
- Otzovik*. URL: https://otzovik.com/review_423317.html (accessed 3 October 2019).
- Onlayn-magazin «Wildberries»* [Wildberries Online Shop]. URL: <https://www.wildberries.kg/catalog/922678/otzyvy> (accessed 3 October 2019).
- Novaja forma sbornoj Ujelsa 2018* [New 2018 Welsh National Team Uniforms]. URL: <https://footykits.ru/novaya-forma-sbornoj-uelsa-2018/> (accessed 4 October 2019).
- Krossovki-vnedorozhniki* [Off-Road Running Shoes]. URL: <https://www.skisport.ru/articles/read/64658> (accessed 4 October 2019).
- Uralskoe tamozhennoe upravlenie* [The Urals Customs]. URL: <https://utu.customs.gov.ru/news/document/53862> (accessed 4 October 2019).
- Poznavatelnyj zhurnal «Shkola zhizni»* [“Shkola zhizni” Educational Magazine]. URL: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/78252> (accessed 3 October 2019).
- Chto takoe futzalki* [What are Futsal Shoes]. URL: <http://futsalki.mozello.com/stati/chto-takoe-futzalki> (accessed 3 October 2019).
- Onlayn-magazin «Scandinavian Outdoor»* [Scandinavian Outdoor Online Shop]. URL: <https://scandinavianoutdoor.ru/obuv/trekkingovaya-obuv> (accessed 11 January 2019).
- Vybiraem obuv: hajking, trekking, alpinizm, gorod* [Choosing Shoes for Hiking, Trekking, Mountain Climbing, and the City]. URL: <https://www.kant.ru/news/695328> (accessed 11 January 2020).
- Vse, chto vam nuzhno znat o topsajderah* [Everything You Need to Know About Topsiders]. URL: <https://kiozk.ru/article/vse-cto-vam-nuzhno-znat-o-topsajderah> (accessed 2 February 2021).
- Adidas Alphaedge4D: krossovki dlja zashhitnikov prirody* [Adidas Alphaedge4D: Sneakers for Environment Activists]. URL: <https://yandex.ru/turbo/graziomagazine.ru/s/fashion/adidas-alphaedge4d-krossovki-dlya-zashhitnikov-prirody> (accessed 5 February 2021).
- Bez kozhi: 7 aktualnyh marok veganskoj obuvi* [Leatherless: 7 Popular Vegan Shoe Brands]. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/style/style/240957-eco-shoes?from=readmore> (accessed 12 February 2021).
- 10 luchshih trejlovyh krossovok* [10 Best Trail Running Sneakers]. URL: <https://newrunners.ru/mag/10-luchshih-trejlovyh-krossovok> (accessed 8 December 2019).

DICTIONARIES

- Collins Online English Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed 15 September 2020).
- MacMillan Dictionary*. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/hiking> (accessed 3 January 2020).

Information About the Author

Olga S. Volkova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, olgavolkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2163-7129>

Информация об авторе

Ольга Сергеевна Волкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, olgavolkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2163-7129>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.13>

UDC 81'367.627
LBC 81.052

Submitted: 08.02.2021
Accepted: 30.09.2021

THE CATEGORY OF REPRESENTATION OF THE NUMERAL

Anatolii L. Sharandin

Derzavin Tambov State University, Tambov, Russia

Abstract. The article considers the categorical nature of the numeral as a part of speech from the standpoint of the theory of representation. Language representation enables the author to identify and describe primary and secondary syntactic functions exemplified by cognitive communicative and discursive forms. They demonstrate different degrees of the quantitative attribute manifestation in terms of its completeness and intensity in various forms of the numeral. Major means of its representation have been revealed and characterized: in the main syntactical position – a constituent of numerical (cardinal) phrase (*tri stola*); as well as in the secondary syntactic positions – adjectival numeral (*tretiy*), or ordinal; adverbial numeral (*trizhdy*), and substantivized numeral (*troika*). In them, the quantitative attribute is diversely expanded due to the interaction of the numeral with those parts of speech for which its non-basic syntactic positions are thought to be the main ones. The scale of quantity representation shows a decrease in completeness and intensity degree: from the prototypical trait in cardinal numerals to the minimal extent in substantivized forms. The syntactic nature of the category of representation makes it possible to present sufficiently and diversely the part-of-speech semantics of the numeral.

Key words: numeral, category of representation, adjectival numeral, adverbial numeral, substantivized numeral, scale of quantity representation.

Citation. Sharandin A.L. The Category of Representation of the Numeral. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 146-157. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.13>

УДК 81'367.627
ББК 81.052

Дата поступления статьи: 08.02.2021
Дата принятия статьи: 30.09.2021

КАТЕГОРИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО

Анатолий Леонидович Шарандин

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Аннотация. В статье с позиций теории репрезентации, традиционно применяемой к пониманию частеречной специфики глагола, осмысливается категориальная природа числительного как части речи. Языковая репрезентация позволяет описать знания о первичных и вторичных синтаксических функциях, представленных когнитивными коммуникативно-дискурсивными формами. Они демонстрируют различную степень реализации количественного признака с точки зрения его полноты и яркости в разных формах числительного. Выделены его репрезентанты в основной синтаксической позиции – в составе нумеративного (счетного) оборота (типа *три стола*) и в неосновных синтаксических позициях – адъективный нумератив (порядковые числительные типа *третий*), адвербиальный нумератив (наречные формы типа *триж-*

ды) и субстантивный нумератив (существительные типа *тройка*). В них количественный признак оказывается осложненным в результате взаимодействия числительного с теми частями речи, для которых его неосновные синтаксические позиции являются основными. Шкала количественности демонстрирует уменьшение степени полноты и яркости восприятия количественного признака в направлении от прототипического (количественные числительные) до минимального в субстантивных формах. Синтаксический характер категории репрезентации позволяет отразить в большем объеме и разнообразии частеречную семантику числительного.

Ключевые слова: числительное, категория репрезентации, адъективный нумератив, адвербиальный нумератив, субстантивный нумератив, шкала количественности.

Цитирование. Шарандин А. Л. Категория репрезентации числительного // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 146–157. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.13>

Введение

В самом общем виде понятийное содержание слова «репрезентация» осмысливается как представление одного в другом и посредством другого. Естественно, такое толкование в дальнейшем получило в разных сферах научных знаний конкретизацию, чтобы оказаться востребованным в качестве термина и научного определения. В результате мы имеем употребление термина «репрезентация» в философии, психологии, социологии, теории познания, лингвистике и т. д. Например, в общефилософском смысле «репрезентация – это сущность, выступающая в познавательной деятельности человека в качестве заместителя некоторой другой сущности. Это опосредованное, “вторичное” представление идеальных и материальных объектов, их свойств, отношений и процессов» [Энциклопедия эпистемологии...]. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой понятие репрезентации отражено в дефиниции «репрезентативной функции языка», то есть «функции языка, определяющей речевой акт в его отношении к референту, или предмету мысли» [Ахманова, 1969, с. 508].

В лингвистических работах термин «репрезентация» сочетается с термином «категория». По мнению С.А. Кузнецова, первым, кто обосновал категорию репрезентации (на материале английского глагола), был А.И. Смирницкий [Кузнецов]. Согласно А.И. Смирницкому, категория репрезентации «есть категория, которая представляет процесс в различных вариациях – как чистый процесс или же как процесс, осложненный другими (предметными или “признаковыми”) моментами»

[Смирницкий, 1959, с. 246–247]. В результате эти «вариации» оказываются представленными в разных формах, которые отразили и тем самым репрезентировали «степень полноты» и «яркости» процесса как глагольного признака. Вместе с тем о представлении процесса в различных глагольных образованиях писал еще А.А. Шахматов: «Часть речи, называемая глаголом, включает в себе не только названия активного признака простые, но также обособленные теми или иными сопутствующими представлениями» [Шахматов, 1941, с. 460].

Употребление термина «репрезентация» в сочетании с термином «категория» обуславливает восприятие данного сочетания в качестве терминологического, что и позволяет включать его в систему грамматических терминов, связанных с категориальным описанием глагола как части речи. Наиболее полно рассмотрение понятийного содержания термина «категория репрезентации» было представлено в отношении русского глагола в работе Л.Л. Буланина «Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории» (1983). Следуя за своими предшественниками, он трактует категорию репрезентации как регулярное категориальное противопоставление личных и неличных форм, основное различие между которыми видит в плане восприятия содержания: с какой степенью полноты и насколько ярко процесс представлен в той или иной глагольной форме именно как процесс [Буланин, 1983]. В сущности, категория репрезентации имеет синтаксическое обоснование, поскольку рассматриваемые глагольные формы были связаны с синтаксической функцией,

которую они выполняли в качестве членов предложения. При этом она осмысливается как иерархически организованная система, структура которой определяется степенью и яркостью выражения частеречной семантики в той или иной синтаксической позиции. Кроме того, данная категория характеризуется признаком обязательности и определяет ту или иную часть в целом в системе частей речи.

На наш взгляд, выделение категории репрезентации, которая характеризует глагол в целом, заслуживает внимания и концептуально перспективно. Она позволяет выявить содержательную сущность репрезентантов и увидеть их назначение в коммуникативном процессе. Объединение данных репрезентантов в одну парадигму в этом случае, наряду с парадигмами грамматических категорий, дает возможность использовать ее в качестве характеризующего признака части речи, в качестве категории-параметра и не противопоставлять жестко морфологию и синтаксис, а учитывать их единство в плане грамматической характеристики части речи. Однако, принимая в целом позицию Л.Л. Буланина о выделении данной категории, мы считаем несколько безапелляционным его утверждение о том, что категорией репрезентации вообще обладает только глагол как часть речи [Шарандин, 2017а].

Несомненно, категория репрезентации в качестве характеризующего признака глагола значительно усиливает грамматическую сторону его описания. Она позволяет включить в изучение и определение глагола как части речи не только морфологию, но и синтаксис, представленный разнообразием употреблений в разных синтаксических позициях, причем не только в главных (основных), но и во второстепенных (неосновных) позициях [Шарандин, 2009; 2017б]. Однако согласиться с мнением Л.Л. Буланина о том, что категория репрезентации присуща только русскому глаголу как части речи, представляется не совсем корректным и убедительным. Но при этом критерии ее выделения в глаголе могут быть приняты *за основу* для выделения и осмысления данной категории *в отношении других частей речи*.

Результаты и обсуждение

Категория репрезентации рассматривается нами как *система когнитивных коммуникативно-дискурсивных форм лексем*. Это структуры словесного типа, которые объединены общностью лексического значения в различных синтаксических позициях в составе высказывания и предстают в них в той или иной морфологической форме. Различия между ними определяются когнитивными и коммуникативными целями говорящего. Это приводит к созданию различных высказываний, в которых лексема эксплицирует разные в плане концептуальной структуры образования, репрезентирующие одно и то же концептуальное (лексическое) содержание [Шарандин, 2017в]. Например, глагол *закрывать / закрыть* в значении «сдвинуть, задвинуть что-н. для преграждения доступа. *З. дверь. З. окно*» (Ожегов, с. 180) не только употребляется в основной синтаксической позиции – предиката, но и имеет своих репрезентантов (представителей) в неосновных синтаксических позициях, в которых он представлен особыми формами. Так, в позиции определения глагол *закрывать / закрыть* оформлен как причастие (*закрывающий, закрытый*), в позиции обстоятельства – как деепричастие (*закрывая, закрыв*), а в позиции подлежащего и дополнения – в качестве девербатива (*закрывание, закрытие*).

В рамках статьи представлена точка зрения, согласно которой категория репрезентации присуща числительному с количественным значением типа *два, пять*. Традиционно числительное определяется как именная часть речи (имя числительное) и включает в свой состав слова, которые обозначают количество предметов (*три стола, пять столов, десять столов*). Это – узкое понимание числительного как части речи (Л.В. Щерба). Все исследователи сходятся во мнении об отражении количественных отношений в семантике числительного, что и позволяет видеть в количественных числительных, выражающих данные отношения, своего рода прототип числительного как части речи. Так, в «Русской грамматике» (1980) мы находим следующее определение: «Имя числительное – это часть речи, обозначающая количество и выражаю-

шая это значение в морфологических категориях падежа (последовательно) и рода (последовательно)» [Русская грамматика, 1980, с. 573]. Строго говоря, числительными являются слова типа *три, пять, два (две), оба (обе)*.

Не вдаваясь в детальный анализ состава числительного как части речи (подробно см.: [Чеснокова, 1997]), обратим внимание на связь семантики числительного не только с понятием количества, но и числа. Числовое значение указывает на связь со счетной системой, в основе которой – ряд натуральных чисел, обозначающих математическое понятие. Этот ряд представляет собой упорядоченную совокупность чисел, которые находятся в строгой последовательности в счетном ряду (*два, три, четыре, двадцать, двести*), но при этом они могут сочетаться друг с другом, образуя бесконечное количество натуральных чисел (*двадцать три, двести три*). Числовые значения отражают специфику математического мышления, в котором числа не отягощены связью с предметами. Поэтому в математических формулах они оказываются самостоятельными и полноценными членами предложения, обеспечивающими понимание и восприятие содержания этих формул, представленных в языке в виде высказываний, например: *К двум прибавить пять – будет семь. Два умножить на пять – будет десять*. Такое «поведение» числительных коррелирует с функционированием («поведением») знаменательных слов, являющихся членами предложения и определяющих содержание высказывания. Ср.: *Книга лежит на столе*.

Однако если числовое значение связано с предметом, то числительное уже имеет не значение числа как математического понятия, а количественное значение, которое характеризует признак предмета (*пять книг, два стола*). В результате происходит утрата числительным самостоятельности в составе высказывания, и числительное включается в состав некоторого количественного (счетного) оборота, или нумеративного словосочетания, который выступает в качестве единого и целостного члена предложения. В этом случае мы имеем другой вид отношений между количественным признаком и предметом – это отношения необходимого информативного восполнения.

Таким образом, числительное в составе математических формул и высказываний может рассматриваться как собственно понятийное слово. Оно отражает специфику математического мышления и является научным понятием. Числительное же с количественным значением отражает уже не математическое, а обыденное, практическое мышление, которое позволяет человеку воспринимать действительность в неразрывной связи количественного признака с предметом. Причем эта связь не пропадает и в том случае, когда предмет не называется в высказывании, но предметная ассоциация (ориентация на предмет) при этом присутствует и подсказывается контекстом, например: *«На опушке леса появились солдаты». – «Сколько?» – спросил командир. «Пять», – ответил разведчик*. Именно представление в обыденном сознании количественных отношений становится основным и системным для носителей языка, что находит отражение в языковой картине мира. Поэтому, на наш взгляд, состав числительного как части речи русского языка включает в себя слова с количественным значением, которое характеризуется признаком и обусловлено связью с предметами при их счете.

Как и в случае с глаголом, рассмотрим неосновные синтаксические позиции количественных числительных, для которых основной синтаксической позицией является синтаксическая позиция нумеративного оборота (комплекса) в целом. Большинство лингвистов считают, что в синтаксическом плане количественные числительные (но не числовые числительные!) несамостоятельны, поскольку их лексическая семантика – обозначение количества – требует информативного восполнения. Это достигается путем употребления количественных числительных в сочетаниях с существительными, и в результате данные сочетания образуют смысловое единство. Оно реализуется в синтаксически устойчивом образовании (словосочетании), которое выполняет функцию одного члена предложения. При этом атрибутивное согласование числительного с существительным представлено в косвенных формах (*пяти книг, пятью книгами*), тогда как в Им. п. и Вин. п. мы имеем формальное управление (*пять книг, пять девушек*).

Однако такого рода сочетания, на наш взгляд, не являются первичными и не определяются реальным опытом восприятия отношений между предметами и их количеством. Человек воспринимает прежде всего предметы, а затем подвергает их счету с той или иной целью, например: *На столе лежали пять книг.* Эта фраза представляет собой контаминацию двух мыслительных операций: *На столе лежали книги. Книг было пять. Эти пять книг принес сегодня отец.* Другими словами, сочетание *пять книг*, будучи неразложимым в определительном количественно-именном сочетании, оказывается разложимым в предметно-предикативном сочетании, в котором числительное выполняет предикативную функцию. Причем именно предикативная функция оказывается первичной. Поэтому, в принципе, числительное представлено количественно-предикативными словами (ср. качественно-предикативные слова в отношении слов типа *добрый / быть добрым*). Именно это позволяет воспринимать определенное или неопределенное количество как самостоятельный мыслительный признак по отношению к предметам, то есть как актуализированную информацию, востребованную в коммуникации. Однако данная актуализация чаще всего оказывается свернутой в нумеративном сочетании (обороте), преобразуясь в определительную функцию. В результате количественно-атрибутивное согласование определяет восприятие количества предметов. Количество не воспринимается в отдельности от предметов, которое оно определяет, а как бы сливается в единое целое с предметом и оказывается своего рода единым предметом (субъектом) или объектом мысли, выступая в качестве одного члена предложения (*Пять книг лежали на столе / Я увидел на столе пять книг*). В этом мы усматриваем специфику синтаксического употребления количественных числительных. Она в том, что их синтаксическая функция оказывается как бы двойственной – предикативно-определяющей. При этом предикативность числительного в количественно-именном сочетании в большей степени имеет скрытый характер, тогда как атрибутивность (определятельность) – эксплицитный характер. Однако связь с количественным признаком в предикативной по-

зиции всегда существует, что и обеспечивает количественному признаку в нашем сознании самостоятельную концептуализацию. Следовательно, синтаксическая позиция числительного вне счетного (нумеративного) оборота может рассматриваться в качестве вторичной, неосновной позиции.

В этом плане особый интерес вызывают прежде всего образования типа *второй, пятый*, то есть образования, которые обозначают отношение к порядку предметов при счете (*второй тайм, пятый номер*). Что происходит с числительным, когда оно попадает в позицию определения, присущую относительному прилагательному? Во-первых, слово, выражающее несамостоятельный количественный признак, получает статус самостоятельного члена предложения – согласованного определения. Во-вторых, количественный признак претерпевает концептуальные изменения: он уже связан не с количеством предметов при счете, а с порядком предметов при счете, то есть на первый план выступает семантика отношения, которая присуща относительным прилагательным как части речи. Ср.: *Отец купил ребенку пять книг о войне. Четыре книги ребенок прочитал за время каникул, но пятая книга так и осталась непрочитанной.* Данные изменения нашли отражение в морфологических характеристиках порядкового числительного. Оно стало изменяться по падежам, родам и числам, то есть так, как изменяется относительное прилагательное. Вот почему в некоторых исследованиях слова, обозначающие порядок предметов при счете, включаются не в состав числительного, а в состав прилагательного.

В связи с этим возникает вопрос об отношениях между количественным числительным (например, *пять*) и порядковым числительным (*пятый* соответственно). Являются ли эти отношения однопорядковыми и мы имеем два самостоятельных лексико-грамматических разряда (ЛГР) числительных или же мы имеем особую адъективную форму количественного числительного *пять* в позиции определения? Оценивая порядковые образования в плане лексической семантики, мы усматриваем их тождественность с количественными числительными. Различия же связаны с грамматикой, обусловленной разными синтак-

сическими позициями. Однако в этом случае перед нами не словообразование, а формообразование, представленное синтаксической деривацией (по Е. Куриловичу).

Вопрос же о том, что является показателем формообразования – нулевой формообразующий суффикс или флексия, выполняющая, наряду со словоизменительной, формообразовательную функцию, – спорный. Большинство лингвистов усматривает в этом случае нулевую суффиксацию.

Таким образом, порядковые числительные, будучи образованными от количественных числительных, демонстрируют концептуальные признаки отношения к счету предметов, которое позволяет определить порядковое место предмета. Другими словами, мы имеем результат взаимодействия количественного числительного и относительного прилагательного, когда количественное числительное из своей основной синтаксической позиции – несамостоятельного количественного признака предмета – попадает в основную позицию относительного прилагательного и предстает в ней как самостоятельный количественный признак. Это сопровождается морфологическими изменениями в характеристике количественного числительного, представленного в форме относительного прилагательного, но при этом не происходит разрыва с лексическим значением количественного числительного. Такого рода грамматические изменения в целом позволяют рассматривать порядковые числительные как когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы количественного числительного. В концептуальном плане восприятие количества в порядковых числительных осложнено отношением к порядку предметов при счете. В результате значение количества оказывается несколько затухающим, менее ярким и полным по сравнению с количественным восприятием, выраженным количественными числительными. Именно поэтому на шкале признака «количество» порядковые числительные не являются прототипическими.

Иерархические отношения в системе частей речи позволяют увидеть и взаимодействие числительного с наречием. В этом случае мы имеем восприятие количественного признака по отношению к глагольному призна-

ку. Например, в высказывании *Он уже трижды говорил об этом* образование *трижды* имеет количественное значение (три раза). В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова *трижды* определяется как наречие в значении «три раза», правда, при этом приведен пример *Трижды три – девять*, в котором *трижды* имеет числовое значение (Ожегов).

Как и в случае с порядковыми числительными, для нас важно, что *трижды* выполняет самостоятельную синтаксическую функцию – обстоятельство-определяющую (говорил *сколько раз* или *который раз*). С точки зрения денотативного значения *три* и *трижды* тождественны, а различия связаны с употреблением в разных синтаксических позициях. *Три*, употребляясь в нумеративном обороте, выполняет определяющую функцию по отношению к предмету, с которым числительное сочетается (*Я мог три раза прочитать стих и запомнить его – Мне достаточно было трех прочтений стиха, чтобы запомнить его*), а *трижды* – обстоятельство-определяющую (*Мне достаточно было прочитать трижды стихотворение, чтобы запомнить его*). Следовательно, перед нами формы одного слова, но только не морфологические, а синтаксические, обусловленные различиями в синтаксических позициях, которые связаны с морфологическим оформлением слов, употребленных в ней. Другими словами, синтаксическая позиция, которая является основной для наречий, обусловила неизменяемость наречных форм числительного: утрачивается категория падежа, которая была присуща количественному числительному (да и порядковым числительным).

В концептуальном же плане наречные формы типа *трижды* позволяют дополнить признаковую семантику, выраженную глаголом-предикатом, количественным обстоятельством признаком. Поэтому мы вправе видеть в этих образованиях когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы количественного числительного.

Таким образом, наряду с порядковыми числительными, которые являются репрезентантами частеречного концепта КОЛИЧЕСТВО, числительное имеет особые формы наречного типа в синтаксической позиции обстоятельства, которое характеризует действие

в количественном плане. В результате собственно количественное числительное в своей основной позиции определяет количественный признак по отношению к предмету (объекту), выраженному существительным, образуя с ним нумеративный оборот, а в случае употребления в роли обстоятельства характеризует действие, выражая самостоятельный дополнительный по отношению к предикату признак.

Иерархические отношения в системе частей речи позволяют выделить и субстантивные формы количественного числительного в качестве его когнитивных коммуникативно-дискурсивных форм. Речь идет о таких образованиях, как *тройка* и *тысяча*.

Слова *тысяча*, *миллион*, *миллиард* имеют разную трактовку в научной и учебной литературе. Одни лингвисты рассматривают их как числительные (А.А. Шахматов, А.Н. Тихонов), другие считают их существительными (А.А. Зализняк, М.В. Шульга). Некоторые лингвисты стремятся увидеть в них слова, не устоявшиеся в частеречном смысле. Так, по мнению В.В. Виноградова, слово *тысяча* занимает промежуточное положение между существительным и числительным, но при этом «втягивается в орбиту числительных». Об этом свидетельствует форма Тв. п. *тысячью*, которая аналогична форме *пятью* [Виноградов, 1947, с. 293]. Рассмотрение их как существительных связано с тем, что они имеют род (*моя тысяча*, *мой миллион*), изменяются по падежам и числам (*тысяча – тысячи*, *к тысяче*, *к тысячам*, *о тысяче*, *о тысячах*), то есть склоняются и управляют Род. п. существительных (В.В. Виноградов, А.Е. Супрун, И.Г. Милославский, «Русская грамматика»). Существует и точка зрения, согласно которой слова типа *тысяча* являются омонимами, представляющими существительные и числительные [Буланин, 1976, с. 87]. Однако, по мнению Л.Д. Чесноковой, «считать эти слова функциональными омонимами вряд ли возможно, так как они не могут выступать в том или ином тексте только как имена существительные без признаков числительных, признаки обеих частей речи в них представлены слитно и всегда сопутствуют один другому, с большей или меньшей актуализацией то одного, то другого. Такое явление для функцио-

нальных омонимов не типично» [Чеснокова, 1997, с. 118]. Поэтому Л.Д. Чеснокова определяет их как синкретичные образования, в которых объединены признаки имен числительных и признаки имен существительных (в том или ином их соотношении). Так, в слове *тысяча*, считает она, признаки числительного более сильны, чем в словах *миллион*, *миллиард* [Чеснокова, 1997, с. 118].

Прежде всего целесообразно обратить внимание на то, что в функции числительных данные слова входят в числовой ряд, образуют составные числительные (*триста девять тысяч*), могут употребляться вне сочетаний с существительными, не определяются прилагательными, не имеют форм числа [Чеснокова, 1997, с. 119–110]. Числовое значение позволяет рассматривать их в составе особого структурно-семантического типа слов, отражающих математическое мышление. Употребляется слово *тысяча* и в количественном значении, образуя нумеративный оборот с существительным (*Тысяча книг лежала на столе*). Употребление же слова *тысяча* во множественном числе, думается, привносит в высказывание дополнительный смысловой оттенок – неопределенности (*Тысячи книг лежали на столе*). В плане смысловых изменений это в какой-то степени коррелирует с употреблением во мн. ч., в частности, традиционно выделяемых абстрактных существительных типа *красота* (*Красоты нашего города всегда привлекали внимание туристов*). Такое употребление позволяет исследователям определять существительное *красоты* как конкретное. Известно, что и вещественные существительные типа *мед*, употребляясь во множественном числе, получают несколько иное содержательное осмысление: они обозначают уже не столько вещество как таковое, сколько конкретные виды, сорта того или иного вещества (*Продаваемые покупателям меда поражали своим своеобразным вкусом*). Вполне вероятно, что и слово *тысяча* во мн. ч. претерпевает семантические изменения, утрачивая количественную определенность и приобретая неопределенную количественность.

На наш взгляд, с точки зрения динамической теории частей речи в синкретичности слов типа *тысяча* можно видеть взаимодей-

стве частей речи, которое позволяет выделять количественные субстантивные формы, однако не имеющие производного характера, то есть *тысяча* – это субстантивная форма количественного числительного *тысяча*. Грамматические признаки существительного в этом случае объясняются наличием синтаксических условий, в которые вовлекается числительное, не теряя своей количественной семантики. К ним, в частности, можно отнести употребление числительного *тысяча* с определениями, например: *Он отдал другу последнюю тысячу рублей, который обещал эту тысячу возвратить через месяц*. Такая сочетаемость в большей степени присуща словам субстантивной номинативной семантики. Ее особенностью является то, что *тысяча* имеет родовой признак, который присущ существительным. В принципе, можно видеть и определенную счетность в таких сочетаниях, как *пять тысяч* (ср. *пять столов*), которая в большей степени присуща нумеративным сочетаниям числительного и существительного. Числительное *пять* как бы определяет сочетание *тысяча столов* (*пять тысяч столов*). Субстантивным характером числительных типа *тысяча* можно объяснить и возможность их употребления в переносном смысле в составе стилистических фигур (*тысяча проблем*), поскольку собственно числительные этим свойством не обладают. В случаях переносного употребления актуализируется не количественное, а оценочное значение (*Твое решение создало тысячу проблем для коллектива*). Употребляясь в виде субстантивной формы, числительные типа *тысяча* способны образовать производные со значением оценочности (*тысячонка, миллиончик, миллионище*), что собственно числительным несвойственно.

Таким образом, в употреблении слов *тысяча, миллион, миллиард* в субстантивном значении можно видеть, с позиций взаимодействия частей речи, особую субстантивную форму количественного числительного. В результате в них отражается та или иная степень гибридности, позволяющая рассматривать их в качестве особых форм именно числительного, поскольку их количественная семантика оказывается тождественной с их употреблением в синтаксической позиции ко-

личественных числительных. Другими словами, *тысяча*, например, не есть существительное, образовавшееся лексико-семантическим способом, в результате чего возникли бы омонимы, а представляет собой числительное. Субстантивное значение оказывается в этом случае результатом контекстуального употребления количественного числительного, что и позволяет данному образованию иметь гибридный характер: наряду с количественной семантикой как собственно лексической, оно включает субстантивную семантику, которая получает соответствующее грамматическое оформление (наличие грамматического признака рода и изменение по падежам и числам). В лексикографических изданиях представлена одна словарная статья, отражающая количественное определение, но при этом в рамках этой статьи указано употребление в субстантивном значении.

Наиболее ярко, на наш взгляд, межчастеречное взаимодействие числительного и существительного объективировано в русском языке в таких образованиях, как *тройка*. Традиционно такие образования определяются как существительные с количественной семантикой. Их статус как существительных основывается на грамматических признаках. В частности, они имеют родовую характеристику (*славная тройка лошадей*), изменяются по числам и падежам, то есть склоняются (*тройка – тройки, тройке, о тройке лошадей*). По мнению авторов учебника «Морфология современного русского языка», убедительным аргументом в пользу рассмотрения их в качестве существительных является «способность этих слов вступать в свойственные именам существительным словообразовательные отношения: от них образуются слова с уменьшительно-ласкательным, увеличительным, пренебрежительным и т. п. значениями» (*троечка*) (Морфология..., 2013, с. 320). В этом смысле авторы объединяют их с такими существительными, как *тысяча, миллион* (*тысячонка, миллионище*). В синтаксическом плане они характеризуются сочетаемостью с определениями (*русская тройка*). Следует заметить, что в случае со словами типа *тройка* может наблюдаться омонимия, например: *тройка* (обозначение количества) *лошадей* и *тройка* (обозначение оценки) *по литературе*.

Связь числительных с существительными прослеживается в истории появления и развития числительных (см., например: [Шульга, 2019]). Они формировались в основном на базе слов с предметным значением (В.З. Панфилов, А. Спиркин). В частности, М.В. Шульга связывает изменения в семантике *тысяча* с комплексным грамматическим процессом, который сопровождается утратой ряда субстантивных признаков, что и привело к переходу существительного *тысяча* в числительное *тысяча* [Шульга, 2019]. Думается, в настоящее время именно количественная семантика оказывается первичной в восприятии данного слова.

Что касается слов типа *тройка*, то они, на наш взгляд, представляют собой субстантивные формы количественных числительных, в частности *три*. С концептуальной точки зрения их субстантивная форма фокусирует в коммуникации тот ракурс восприятия, когда субстантивность формы обуславливает в какой-то степени менее жесткий характер их сочетаемости с предметными словами, большую степень их расчлененности. Субстантивная форма *тройка* с количественным значением как бы концентрирует на себе внимание в качестве предмета мысли в высказывании, например: *Тройка лошадей поразила внимание присутствующих своей слаженностью в движении. Особенно это было заметно в тройке на поворотах*. В отличие от *тысячи* как субстантивной формы числительного *тысяча*, субстантивная форма *тройка* связана с количественным числительным *три* производностью. Это и позволяет видеть в *тройке* именно субстантивную форму данного числительного, поскольку их объединяет лексическая тождественность – определенная количественность.

Итак, в концептуальном плане наличие субстантивных форм числительного позволяет в большей степени «дефокусировать» восприятие количества с позиции, требующей информативного восполнения (*карета, напряженная тройка лошадей, была подана к подъезду дворца*), на восприятие с позиции самостоятельного предмета мысли (*тройка лошадей была подана к подъезду дворца*). Сходство образования типа *тройка* с числительным определено лексической тожде-

ственностью, а различия обусловлены синтаксическими позициями. Это и позволяет видеть в словах типа *тройка* когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы количественного числительного, представленные в субстантивных образованиях. Именно этим и объясняется наличие тех грамматических особенностей, которые отмечают исследователи.

Заключение

Таким образом, числительное, как и глагол, способно иметь разные когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы, которые образуют категорию его репрезентации. Она демонстрирует шкалу полноты и яркости количественного признака. Наиболее полно и ярко данный признак представлен в нумеративных сочетаниях, в которых он ничем не осложнен и воспринимается как «лучший образец» (прототип) представления в обыденном сознании количества (количественности). В этом случае количество осмысливается как некий постоянный признак, воспринимаемый в единстве с предметом. В языковом сознании данное восприятие выразилось прежде всего в регулярном характере грамматической категории падежа.

В других же случаях количественный признак оказывается в восприятии преломленным и концептуально интерпретируемым в связи с употреблением в неосновных синтаксических позициях, которые накладывают некое «осложнение» на восприятие количества с точки зрения тех частей речи, для которых данные позиции являются основными. Такое взаимодействие числительного с ними оказывается грамматически отмеченным (морфологически и синтаксически). В результате этого взаимодействия можно выделить особые, когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы числительного: адъективный нумератив, адвербиальный нумератив и субстантивный нумератив.

Адъективный нумератив представлен порядковыми числительными, которые обозначают порядок предметов при счете, то есть они реализуют количественный признак как отношение к счету. Это позволяет им выполнять синтаксическую функцию определения как самостоятельного члена предложения.

Данная позиция позволяет реализовать согласовательные грамматические категории падежа, рода и числа, то есть морфологические характеристики относительного атрибутива (относительного прилагательного).

Адвербиальный нумератив является результатом взаимодействия числительного и наречия, когда употребление в синтаксической позиции обстоятельства позволяло охарактеризовать предикат высказывания в количественном аспекте (*побеждал на соревнованиях трижды*). Данная синтаксическая позиция обусловила неизменяемость количественной формы, то есть в позиции наречия утрачивалась изменяемость числительного по падежам.

Субстантивный нумератив, как и в случае с девербативом и деадъективом, оказывается на периферии в системе числительного. Однако в отличие от них, связанных с утратой модально-временных характеристик, присущих глаголу и качественному предикативу, субстантивный нумератив, являясь результатом взаимодействия количественного числительного с существительным, получает морфологическую поддержку со стороны грамматических категорий падежа и числа и грамматического признака рода. При этом не утрачивается несамостоятельный характер числительного в составе высказывания. Ср. высказывания со словом *тройка* как субстантивной формой числительного (*Тройка лошадей стояла у дворца; Хозяин приказал подготовить тройку лошадей*) и как существительным (*Ребенок получил тройку по литературе*). Даже в устойчивом сочетании *русская тройка* имплицитно содержится *лошадей*. Лексическая тождественность с количественным числительным удерживает субстантивные образования типа *тройка* (*тройка лошадей*) в составе числительного. Концептуальная же значимость субстантивного нумератива состоит в том, что он оказывается в качестве фигуры, а не фона восприятия количественности. Ср.: *Русская тройка / Тройка лошадей вызвала восхищение у зрителей*.

Таким образом, характеризуя числительное как часть речи с учетом категории репрезентации, можно дать следующее его определение. **Числительное** – это неосновная

(неядерная) часть речи, которая обозначает различные виды количества предметов при счете (определенное, неопределенное, дробное), оформленные падежными формами в составе нумеративного (счетного) оборота (комплетивного словосочетания) в качестве компонента, который находится в отношениях информативного восполнения с определяемым предметом, а нумеративное (счетное) сочетание выступает в роли единого члена предложения (подлежащего или дополнения). Кроме того, количественная семантика числительного в неосновных синтаксических позициях получает репрезентацию в особых, когнитивных коммуникативно-дискурсивных формах – адъективных (порядковые числительные), адвербиальных (наречные числительные) и субстантивных.

В целом же, подводя итоги рассмотрения репрезентации как категории, присущей частям речи, мы считаем, что взгляд Л.Л. Буланина на категорию репрезентации как характеризующую только глагол требует уточнения. Данная категория имеет основания для включения в системное описание и других частей речи. В частности, категориальную репрезентацию имеет качественный предикатив (качественно-предикативные слова). В качестве его репрезентантов, представленных в неосновных синтаксических позициях, выступают качественный атрибутив (полные качественные прилагательные), качественный адвербатив (наречные формы) и качественный деадъектив (субстантивные формы). На шкале качественности, фиксирующей степень ее полноты и яркости, они демонстрируют постепенное «угасание» качественного признака в субстантивных формах (деадъективах). На шкале количественности они показывают уменьшение степени полноты и яркости в восприятии количественного признака в направлении от прототипического (качественные числительные) до минимального его восприятия в субстантивных формах. В целом же синтаксический характер категории репрезентации позволяет представить в большем объеме и разнообразии частеречную семантику по сравнению с тем, когда мы характеризуем часть речи, указывая только основные ее синтаксические позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С., 1969. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл. 607 с.
- Буланин Л. Л., 1976. Трудные вопросы морфологии. М. : Просвещение. 207 с.
- Буланин Л. Л., 1983. Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. Л. : ЛГУ. С. 94–115.
- Виноградов В. В., 1947. Русский язык. М. ; Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во. 783 с.
- Кузнецов С. А. О категории репрезентации русского глагола. URL: <https://www.wikidocs.ru/preview/73207>.
- Морфология современного русского языка, 2013 / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев [и др.]. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. 454 с.
- Немченко В. Н., 1984. Современный русский язык. Словообразование. М. : Высш. шк. 255 с.
- Русская грамматика. В 2 т. Т. 1, 1980. М. : Наука. 783 с.
- Смирницкий А. И., 1959. Морфология английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз. 440 с.
- Чеснокова Л. Д., 1997. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. Ростов н/Д : Гефест. 291 с.
- Шарандин А. Л., 2009. Русский глагол: комплексное описание. Тамбов : Изд-во Першина. 586 с.
- Шарандин А. Л., 2017а. Категория репрезентации в трактовке Л.Л. Буланина и в аспекте когнитивно-дискурсивного подхода к описанию русского глагола // Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А.В. Бондарко и Л.Л. Буланина) : тез. докл. СПб. : Нестор-История. С. 169–170.
- Шарандин А. Л., 2017б. Категория репрезентации русского глагола в аспекте когнитивного коммуникативно-дискурсивного подхода к описанию языка // Проблемы русистики в аспекте современных научных направлений. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 49–104.
- Шарандин А. Л., 2017в. Коммуникативно-дискурсивные формы слова как результат процесса познания языка // Когнитивные исследования языка. М. : ИЯ РАН ; Тамбов : ТГУ. Вып. 29. С. 496–503.
- Шахматов А. А., 1941. Синтаксис русского языка. Л. : Учпедгиз. 620 с.
- Шульга М. В., 2019. Динамика форм имени числительного в современном русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 4. С. 88–104. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.7>.
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки. URL: https://epistemology_of_science.academic.ru.

СЛОВАРЬ

- Ожегов – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1986. 797 с.

REFERENCES

- Akhmanova O.S., 1969. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 607 p.
- Bulanin L.L., 1976. *Trudnye voprosy morfologii* [Difficult Questions of Morphology]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 207 p.
- Bulanin L.L., 1983. *Struktura russkogo glagola kak chasti rechi i ego grammaticheskie kategorii* [Russian Verb Structure As a Part of Speech and Its Grammatical Categories]. *Spornye voprosy russkogo yazykoznaniiya. Teoriya i praktika* [Disputable Issues of Russian Linguistics. Theory and Practice]. Leningrad, LGU, pp. 94-115.
- Vinogradov V.V., 1947. *Russkiy yazyk* [Russian Language]. Moscow, Leningrad, Gos. ucheb.-ped. izd-vo. 783 p.
- Kuznetsov S.A. *O kategorii reprezentatsii russkogo glagola* [On the Category of Representation of the Russian Verb]. URL: <https://www.wikidocs.ru/preview/73207>.
- Bogdanov S.I., Yevtyukhin V.B., Knyazev Yu.P. et al., 2013. *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Morphology of the Modern Russian Language]. Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU. 454 p.
- Nemchenko V.N., 1984. *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language. Word Building]. Moscow, Vyssh. shk. 255 p.
- Russkaya grammatika. V 2 t. T. 1* [Russian Grammar. In 2 Vols. Vol. 1], 1980. Moscow, Nauka Publ. 783 p.
- Smirnitsky A.I., 1959. *Morfologiya angliyskogo yazyka* [Morphology of the English Language]. Moscow, Izd-vo lit. na inostr. yaz. 440 p.
- Chesnokova L.D., 1997. *Imya chislitelnoe v sovremennom russkom yazyke. Semantika. Grammatika. Funktsii* [The Name of the Numeral in Modern Russian Language. Semantics. Grammar. Functions]. Rostov-on-Don, Gefest Publ. 291 p.
- Sharandin A.L., 2009. *Russkiy glagol: kompleksnoe opisaniye* [Russian Verb: A Complex Description]. Tambov, Izd-vo Pershina. 586 p.
- Sharandin A.L., 2017a. *Kategoriya reprezentatsii v traktovke L.L. Bulanina i v aspekte kognitivno-diskursivnogo podkhoda k opisaniyu russkogo glagola* [Russian Verb Category of Representation in the Interpretation of L.L. Bulanin and in the

- Aspect of the Cognitive-Discursive Approach to the Description of the Russian Verb]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Russkiy glagol» (k 50-letiyu vykhoda v svet knigi A.V. Bondarko i L.L. Bulanina): tez. dokl.* [Abstracts from the International Scientific Conference “Russian Verb” (To the 50th Anniversary of the Book by A.V. Bondarko and L.L. Bulanin)]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 169-170.
- Sharandin A.L., 2017b. Kategoriya reprezentatsii russkogo glagola v aspekte kognitivnogo kommunikativno-diskursivnogo podkhoda k opisaniyu yazyka [Category of Representation of the Russian Verb in the Aspect of the Cognitive Communicative and Discursive Approach to Language Description]. *Problemy rusistiki v aspekte sovremennykh nauchnykh napravleniy* [Problems of Russian Studies in the Aspect of Modern Scientific Directions]. Tambov, Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, pp. 49-104.
- Sharandin A.L., 2017v. Kommunikativno-diskursivnye formy slova kak rezultat protsessa poznaniya yazyka [Communicative and Discursive Word Forms As a Result of the Process of Linguistic Cognition]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies]. Moscow, IYa RAN; Tambov, TGU, iss. 29, pp. 496-503.
- Shakhmatov A.A., 1941. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian Language]. Leningrad, Uchpedgiz Publ. 620 p.
- Shulga M.V., 2019. Dinamika form imeni chislitel'nogo v sovremennom russkom yazyke [Evolution of Number Names in Modern Russian]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 4, pp. 88-104. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.7>.
- Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. URL: https://epistemology_of_science.academic.ru.

DICTIONARY

- Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1986. 797 p.

Information About the Author

Anatolii L. Sharandin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Derzavin Tambov State University, Internatsionalnaya St, 33, 392000 Tambov, Russia, sharandin@list.ru, post@tsutmb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

Информация об авторе

Анатолий Леонидович Шарандин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, ул. Интернациональная, 33, 392000 г. Тамбов, Россия, sharandin@list.ru, post@tsutmb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.14>

UDC 811.161.1'373
LBC 81.411.2-31

Submitted: 09.06.2021
Accepted: 30.09.2021

THE ROLE OF CONTEXT IN THE PROCESS OF SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF A LEXICAL UNIT

Tatiana M. Shkapenko

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Svetlana S. Vaulina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Abstract. The paper is devoted to the study of the role of context in the process of semantic derivation. The authors propose to distinguish between the term “semantic derivation” as a dynamic process of the appearance of a new word meaning and the term “polysemy” as the result of this process. Terminological distinction makes it possible to diversify research methods depending on the stage of semantic transformations. In the conditions of entirely completed polysemy, the speech context in which the polysemant is used serves as a means of identifying a specific lexico-semantic variant. At the current stage of semantic derivation, the context creates the necessary conditions for the emergence of a new meaning, and therefore the detection of innovative contexts in speech practice should be used for the purpose of linguistic monitoring of semantic transformations. The specific ways of changing the context in the process of neosemantization depend on the part of speech, which the word belongs to. Semantic derivation of adjective proceeds as a result of its attribution to the new object. The appearance of new meanings in the verbal units implies a change in the taxonomic class within the actant framework. In the case of a noun the context change is not of an obligatory nature and varies depending on the type of semantic transformations.

Key words: context, innovative context, semantic derivation, semantic transformations, polysemy, Russian language.

Citation. Shkapenko T.M., Vaulina S.S. The Role of Context in the Process of Semantic Transformations of a Lexical Unit. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 6, pp. 158-169. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.14>

УДК 811.161.1'373
ББК 81.411.2-31

Дата поступления статьи: 09.06.2021
Дата принятия статьи: 30.09.2021

РОЛЬ КОНТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

Татьяна Михайловна Шкапенко

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

Светлана Сергеевна Ваулина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению роли контекста в процессе семантической деривации. Авторы предлагают различать понятие семантической деривации как динамического процесса появления у слова нового значения и понятие полисемии как результат данного процесса. Четкое разграничение вышеуказанных терминов позволяет дифференцировать методы исследования в зависимости от стадии протекания семантических преобразований. В условиях уже сформировавшейся полисемии речевой контекст, в котором употребляется полисемант, служит средством идентификации конкретного лексико-семантического

варианта. На стадии протекания процесса семантической деривации контекст создает необходимые условия для возникновения нового значения, в связи с чем обнаружение инновационных контекстов в речевой практике должно использоваться с целью лингвистического мониторинга семантических преобразований. Конкретные способы изменения контекста в процессе неосемантизации зависят от частеречной принадлежности слова. Семантическая деривация прилагательного протекает в результате атрибуции признака новому объекту. Появление новых значений у глагольной лексики предполагает изменение таксономического класса членов актантной рамки. В случае семантической деривации существительного изменение контекста не носит облигаторного характера и варьируется в зависимости от конкретного типа семантических преобразований.

Ключевые слова: контекст, инновационный контекст, семантическая деривация, семантические преобразования, полисемия, русский язык.

Цитирование. Шкапенко Т. М., Ваулина С. С. Роль контекста в процессе семантических преобразований лексической единицы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 158–169. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.14>

Введение

Одной из основных проблем лексической семантики, как отечественной, так и зарубежной, долгое время являлось изучение полисемии. Внимание лингвистов было преимущественно направлено на установление моделей семантических сдвигов в значении слова (метафоризация, метонимизация, спецификация). В качестве основного материала исследования использовались толковые словари, фиксирующие факт многозначности слова в виде его отдельных лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ). В результате преобладания в науке структурного подхода акцент делался на внутреннем строении языка как автономной системы, в то время как роль человеческого фактора в изменении значения практически полностью игнорировалась. По мнению О.Б. Пономаревой, «в свете когнитивной лингвистики слово, будучи частью понятийной системы человека, обусловлено опытом его взаимодействия со средой и способностью к мышлению. <...> Появление производных значений объясняется тем, что в речи слова используются для наименования экстралингвистических объектов действительности – денотатов. Но в речи связь между именем и предметом устанавливается через сигнификат. За основу берутся свойства, выделенные у объекта, что позволяет *говорящему* (выделено нами. – Т. Ш., С. В.) подводить сигнификат под определенное понятие, обладающее соответствующим обозначением в языке» [Пономарева, 2006, с. 214–215].

Такое осмысление лексической производности с точки зрения истинного, а не декларируемого в силу формальных требований антропоцентрического подхода начинает постепенно влиять на осознание лингвистами невозможности появления у слова нового значения без когнитивного «вмешательства» человека. В этой связи учеными все чаще говорится о необходимости дифференцировать термины «полисемия» и «семантическая деривация» (далее – СД), рассматривать дериватологию как самостоятельную область семантических исследований, предпринимаются попытки эмпирического анализа речевых условий рождения нового смысла. В данной работе ставится цель систематизировать различные подходы к описанию полисемии и семантической деривации и выявить роль контекста как внешнего условия объективации новых значений, приписываемых лингвокреативным человеком уже существующему языковому знаку.

Материал и методы

Теоретико-методологическую основу работы составили исследования российских и зарубежных ученых, посвященные проблемам лексической семантики (Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, Д.Н. Шмелев, А.А. Зализняк, Г.И. Кустова, Е.В. Падучева, Р.И. Розина, И.М. Кобозева, J. Pustejovsky, С. Fillmore, G. Fauconnier и др.). Эмпирическая часть работы выполнена на современном языковом материале, однако изучение семантического развития слова невозможно без учета семантической рет-

роспективы. Как указывал Ю.М. Лотман, «статическое состояние – это частная (идеально существующая только в абстракции) модель, которая является умозрительным отвлечением от динамической структуры, представляющей единственную реальность» [Лотман, 2001, с. 30]. В связи с этим анализ активно протекающих в языке процессов проведен в синхронно-диахронической перспективе.

Результаты и обсуждение

Полисемия и семантическая деривация

Под полисемией понимается многозначность слов как единиц языковой системы. Согласно Д.Н. Шмелеву, «лексическая полисемия – способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности» [Шмелев, 1990, с. 382]. «Полисемия – наличие у одного и того же слова (у данной единицы выражения, характеризующейся всеми формальными признаками слова) нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» [Ахманова, 1969, с. 335].

В лингвистике существует значительное количество определений семантической деривации (см., например: [Зализняк, 2001; Падучева, 2004; Шкапенко, Ваулина, 2020]). При общем понимании семантической деривации как смыслового развития на основе исходного, или «прототипического», значения, споры вызывает интерпретация термина в качестве обозначающего исключительно процесс либо процесс и результат одновременно. Толкование термина в его метонимическом двуединстве представлено в публикациях Т.Н. Пархоменко [Пархоменко, 2012] и Анны А. Зализняк, указывающей, что «данный термин является, по-видимому, наиболее удачным – в частности потому, что ценой довольно незначительного насилия он может быть применен не только к процессу, но и к результату» [Зализняк, 2001, с. 13]. В то же время Е.В. Падучева указывает, что полисемию, или регулярную многозначность, «можно представить как следствие семантической деривации – это и будет динами-

ческая модель многозначности [Падучева, 2004, с. 147]. К динамическому пониманию семантической деривации склонялся и В.Г. Гак, который считал СД частным случаем полисемии, то есть развитием смысла в диахроническом аспекте [Гак, 1977, с. 230]. В данной работе СД также предлагается рассматривать исключительно в процессуальном смысле, поскольку подобный подход позволяет разграничить явление полисемии как уже свершившийся факт многозначности от динамического процесса преобразования семантики.

Контекст и различные подходы к его теоретическому описанию

Различные лингвистические и толковые словари предлагают в целом сходные определения термина «контекст». «Контекст – 1. Лингвистическое окружение данной языковой единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи. 2. Законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» [Ахманова, 1969, с. 206]. «Контекст – законченная в смысловом отношении часть текста, высказывания, позволяющая установить значение входящего в нее слова или фразы» (СТС, с. 286).

Как видим, определения не только содержат объяснение термина с точки зрения его внешней представленности, но и указывают на выполняемую контекстом смысловозначительную функцию. Иначе говоря, дефиниции имплицитно присущую языковым знакам полисемичность.

В работах различной проблематики находим более широкое понимание контекста, не ограничивающееся его вербальной формой экспликации. Так, И.В. Арнольд разделяет контекст на собственно лингвистический – языковое окружение лексической единицы, необходимое и достаточное для определения ее значения, и экстралингвистический – невербальный, представленный ситуацией общения [Арнольд, 2002, с. 37]. И.Г. Торсуева предлагает разграничивать контекст эксплицитный и имплицитный, который основан на пресуппозициях, позволяющих участникам общения иденти-

фицировать смысл речи [Торсуева, 1990, с. 238]. Существуют и другие классификации контекстов (подробно см.: [Воркачев, Воркачева, 2020]).

Многие исследователи указывают на значимость контекста в выборе одного из лексико-семантических вариантов полисеманта. Подчеркивается, что «роль контекста очень важна при явлении полисемии, так как только благодаря контексту возможно выявить определенное значение слова, возникающее в связи с его употреблением» [Галеева, Казихмедова, Янова, 2017, с. 791]. Предлагается разделение контекстов на однотипные и разнотипные: «контексты, выступая в которых слово называет предметы разных классов, называются разнотипными. В разнотипных контекстах реализуются разные словарные значения одного и того же слова» [Арбекова, 1977, с. 81–82].

Ученые, изучающие функциональные свойства контекста, отмечают, что «как средство семантической идентификации и инструмент лингвистического анализа контекст используется лишь при исследовании и описании употребления многозначных лексических и грамматических единиц» [Воркачев, Воркачева, 2020, с. 112–113]. Основная часть работ такого рода связана, по мнению С.Г. Воркачева и Е.А. Воркачевой, с установлением типов контекста в зависимости от их «разрешающей способности» снять полисемию языковой единицы в процессе восприятия речевого высказывания [Воркачев, Воркачева, 2020, с. 112–113]. Потребность в выборе конкретного значения слова возникает как при обмене сообщениями на одном языке, так и при межъязыковой коммуникации, и в первую очередь в процессе перевода с одного языка на другой.

Однако в какой бы тематической плоскости не осуществлялся анализ контекста, практически для всех работ характерен статичный подход к изучению полисемии как уже свершившегося языкового факта, зафиксированного словарями. Иначе обстоит дело с анализом контекста в динамическом аспекте, когда речь идет не о его роли в интерпретации лексико-семантических вариантов многозначного слова, а о роли в процессе появления нового значения. Примечательно, что тот неоспоримый факт, что именно контексты ста-

новятся вербальной / невербальной средой, разграничивающей значения полисемичного слова, не становится достаточно убедительным основанием для того, чтобы попытаться экстраполировать его на динамическую ситуацию порождения нового смысла. На наш взгляд, предположение об определяющей роли инновационного контекста в процессе семантической деривации представляется вполне оправданным и подлежащим лингвистической верификации.

Распространенные в лингвистике утверждения о том, что «языковое поведение слова (сочетаемость, состав грамматических форм и их значение, фразовое ударение и т. п.) определяется его значением, а значение изменчиво, подвижно» [Падучева, 2004, с. 4], создают впечатление, что значение изменяется само по себе, вслед за чем уже происходит изменение контекста. Сделать шаг от аксиомы о роли контекста как индикатора конкретного смысла многозначной леммы к гипотезе о том, что первым шагом к появлению у слова нового значения является его творческое употребление в инновационном контексте, мешает, вероятно, инертность мышления, а возможно, как это будет показано ниже, и гетерогенность языковых способов объективации контекста.

Большинство исследований, обращенных к проблематике полисемии или семантической деривации, нацелены на выявление и систематизацию основных типов изменения значения. Как говорит Дж. Пустеевский, такие работы просто перечисляют возможные расширения смысла («simply enumerates all possible sense extensions») [Pustejovsky, 1998a, p. 2]. В противовес данному вектору исследований в области лексической семантики Дж. Пустеевский декларирует функционально-динамический подход к изучению полисемии, при котором репрезентации различных смыслов интерпретируются им как «часть композиционного процесса». Данный подход описывается лингвистом в терминах «генеративных моделей лексикона» («generative models of the lexicon») и, кроме его работ, представлен также в статьях Ч. Филлмора [Fillmore, Kay, O'Connor, 1988].

В статье «The Generative Lexicon» («Генеративность и объяснение в семантике»)

Дж. Пустеевский подчеркивает, что предлагаемый им подход к изучению полисемии имеет динамический характер и направлен на поиски ответа на вопрос, каким образом новые смыслы могут возникать композиционно. Приводя примеры слов, меняющих свое значение в контексте, Дж. Пустеевский вводит термин «qualia structures», который можно интерпретировать как семантические «структурные качества» лексических единиц, предопределяющие генерирование ими семантических преобразований в рамках различных контекстов. По мнению исследователя, над этими квалиа-структурами действуют композиционные правила, инкорпорирующие специальные приемы для контекстуальной детерминации конкретного значения [Pustejovsky, 1998b, p. 289]. Дж. Пустеевский подчеркивает, что его теория генеративного лексикона отвечает на эмпирически сложные вопросы: каким образом слова могут иметь разные значения в разных контекстах и как новые смыслы могут возникать композиционно [Pustejovsky, 1998b, p. 289]?

О роли контекста в развитии у слова новых смыслов говорит и Ж. Фоконье. По его мнению, если для лингвистических штудий в двадцатом столетии характерным являлось интуитивное приписывание каждой форме значения независимо от контекста, то исследования значения в области прагматики показали, что допущение о существовании инвариантного значения было слишком упрощенным. Контекст имеет значение (Context matters) [Fauconnier, 2004, p. 658].

Н. Эванс и Д. Вилкинс, анализируя процесс семантического расширения на материале перцептивных глаголов, также приходят к выводу о предопределяющей роли контекста в изменении значения слова: значение *B* часто появляется (comes into existence), поскольку регулярно возникающий (новый) контекст обеспечивает процесс контекстуального обогащения от смысла *A* до смысла *B*. Впоследствии это контекстное значение может стать лексикализованным до такой степени, что больше не будет нуждаться в поддержке данным контекстом [Evans, Wilkins, 2000, p. 550]. Однако первичным условием для появления у слова нового значения является его употребление в инновационном лексическом окружении.

Контекстуальные условия семантической деривации предикатной лексики

Представляется очевидным, что характер лексико-синтаксической сочетаемости слова напрямую зависит от его частеречной принадлежности. Наиболее изучена с точки зрения синтагматических особенностей адъективная семантическая деривация (А.Н. Шрамм, Е.М. Вольф, М.В. Сандакова и др.). М.В. Сандакова указывает, что «свойства в мире не существуют вне предметов... Языковое представление свойства и его носителя посредством различных слов является результатом абстрагирующей деятельности нашего сознания» [Сандакова, 2010, с. 202]. Ученый отмечает, что процесс семантических преобразований прилагательного может в связи с этим получать единственную форму экспликации – изменять сочетаемость в результате переадресовки свойства от одного предмета к другому [Сандакова, 2010, с. 202], и выделяет регулярные модели СД прилагательного: метафоризация, метонимия и специализация отношения, под которой понимается добавление нового семантического компонента, сужающего или специализирующего значение [Сандакова, 2019, с. 123–124].

В качестве эмпирического свидетельства определяющей роли контекста в процессе СД прилагательного может служить использование так называемых правил-фильтров снятия многозначности в текстах Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Как разъясняют специалисты в области компьютерной лингвистики, «действие таких правил основано на том, что в контексте слово имеет только одно значение. Соответственно, если для каждого из значений данного слова удастся задать параметры контекста, в котором это значение реализуется, то эту информацию можно затем использовать для автоматического определения значения слова в тексте» [Рахилина, Карпова, Резникова, 2009, с. 422–421]. В качестве теоретической базы использованного подхода исследователи указывают концепции, связывающие семантику лексемы с ее поверхностной сочетаемостью, в том числе теорию «конструкционной грамматики» Ч. Филлмора [Fillmore, Kay,

О'Connor, 1988] и концепцию генеративного лексикона Дж. Пустеевского, в которой особое внимание российские лингвисты обращают на термин «соегсіон», интерпретируемый как «вынуждение» к сдвигу значения лексемы в составе комплексного выражения [Pustejovsky, 1991].

Если вопрос о синтаксической сочетаемости прилагательного решается достаточно просто на базе определяемых им существительных, то вопрос о синтаксической сочетаемости глагола более сложен, поскольку глагол имеет гораздо более распространенную цепочку логико-синтаксических валентностей. В связи с этим можно предположить, что СД глаголов выражается в изменениях существующей актантной рамки, в которую входят субъект, объект и обстоятельства совершения действия.

Р.И. Розина, анализируя категориальный сдвиг актантов на материале переносного употребления глаголов в сленге, задается вопросом об обязательной смене таксономического класса действующего субъекта. В результате анализа метафорических употреблений ряда глаголов автор приходит к выводу о том, что в случае одноместного предиката «субъект обязательно меняет свой таксономический класс» [Розина, 2002, с. 4]. Например, субъектом глагола *тормозить* «замедлять ход» вместо транспорта становится человек в производном сленговом значении «медленно действовать» или «медленно мыслить» [Розина, 2002, с. 4]. В случае многоместных предикатов в процессе метафоризации внутри актантной рамки возникают различные типы категориальных сдвигов. Так, может одновременно изменяться таксономический класс субъекта и объекта (*люди угнали лошадей – ветер угнал туман*) или только объекта (*женщина взяла стакан – военные взяли селение*). Могут одновременно изменяться таксономический класс субъекта и места его действия. Например, прямое значение глагола *слинять* подвергается метафоризации в результате замены субъекта действия на человека и смены места действия на участок конкретного пространства (*краски слиняли – ученик слинял с занятий*). Появление нового, разговорного значения у глагола *въехать* основывается на смене субъекта действия (транспорт → человек) и таксо-

номического класса обстоятельства (реальное пространство → интеллектуальный объект): *не въехал в тему* [Розина, 2002, с. 5]. В результате ученый приходит к умозаключению, что при деривации многоместных предикатов возможны различные варианты изменения таксономических классов актантов, однако в одном из них обязательно должен произойти категориальный сдвиг.

Указанные способы изменения таксономического класса субъекта и объекта стали продуктивным способом СД глаголов в 1990-е гг., когда адаптация языка к изменившимся экстралингвистическим условиям осуществлялась преимущественно на собственной языковой почве. Вариативность способов обмана в условиях первичного накопления капитала привела к СД глаголов *кинуть*, *обуть*, *наколоть*, жажда быстрого обогащения – к СД глаголов *срубить* и *скосить*, а естественная для «первоначальников» капитала брутальность нравов – к СД глагола *наехать*, *заказать* или *замочить*. Примечательно, что основным типом категориальных сдвигов стала замена типового неодушевленного объекта действия на объект одушевленный, что грамматически маркировало изменившийся тип социальных взаимоотношений.

Кроме изменений таксономических классов актантов, подробно описанных в работе Р.И. Розиной, СД глаголов может также происходить за счет добавления к глагольному действию отсутствующего в исходном употреблении объекта либо же, напротив, за счет его устранения. Так, глагол *болеть* со значением физиологического состояния при добавлении объекта *за кого* получает значение «будучи чьим-л. болельщиком, остро переживать успехи и неудачи предмета поклонения» (СТС, с. 51), в то же время глагол *зажигать*, имплицитно обозначающий обязательное наличие объекта, способного воспламениться: *зажигать (зажечь)* «заставить гореть» лампу, огонь, свет и т. п. (МАС, т. 1, с. 520), – в переносном значении лишается данного актанта и начинает употребляться в значении «отдыхать, веселиться»: *Мы так вчера зажигали!!! Мы зажгли!* (<https://www.slovonovo.ru>).

Изменения такого рода можно наблюдать и на примере более современных глагольных семантических дериватов. Так, актантная рамка глагола *перетереть* «1. Тре-

нием разорвать, разделить надвое. 2. Трением измельчить, истереть» (МАС, т. 3, с. 101) характеризовалась ранее обязательным наличием объекта воздействия. Его устранение привело к появлению нового значения глагола «обсудить что-то, особенно какие-то проблемы» (<https://teenslang.su>), активно употребляющегося в современных речевых практиках. Еще более необычной с точки зрения логики переноса и контекстуальных изменений представляется СД глагола *бомбить*. Субъект из прототипического самолета-бомбардировщика или управляющего им летчика заменяется человеком, занимающимся извозом, в то же время объект бомбардировок (города, здания и т. п.) устраняется из контекста. В результате новое значение объективируется в высказываниях типа *Вчера целый день бомбил*. Можно предположить, что в данном случае смысловозначительную роль выполняет референтная ситуация. Семантическая связь с исходным значением, скорее всего, основана на актуализации потенциальной семы 'уничтожительная дистрибутивность'. Процесс множественного уничтожения объектов, отраженный в прямом значении глагола *бомбить*, приравнивается лингвокреативным номинатором к процессу множественного отъема денег. Глагол в данном инновационном употреблении лишается привычного объекта, происходит элиминация включенного актанта при одновременной таксономической замене субъекта действия на частного водителя. Изменение прототипической ситуации становится единственным условием объективации нового значения, декодирование которого требует наличия у собеседника соответствующей пресуппозиции.

Изменения в актантной рамке могут со временем лишаться внешне выраженного характера, избавляться от контекстной поддержки. Например, СД глаголов *тащиться* (куда?), *валяться* (где?) происходит посредством устранения обстоятельственного значения и добавления к глаголам косвенного объекта, каузирующего эмоционально-оценочное состояние высокой степени удовольствия (*тащусь от тебя, от фильма; валяюсь от смеха* и т. п.). Данная контекстуально-смысловая поддержка со временем утрачивается, и глаголы начинают употребляться как автономные предикативные еди-

ницы, особенно в форме устойчивой разговорной реплики: *я тащусь, я валяюсь*.

Изменение актантной рамки внутри контекста может также быть связано с изменением глагольного управления. Так, глагол *топить*, привязанный референтно к отопительным приборам и имеющий основные словарные дефиниции «разводить и поддерживать огонь в печи», «обогревать (помещения), разводя огонь в печи или включая отопительные приборы, отапливать» (МАС, т. 4, с. 382), начинает сочетаться с существительным в винительном падеже с предлогом *за*, приобретаемая в результате значение «болеть за кого-то»: *Короче, топим за Сочи!* (текст рекламного баннера 2018 г. в Сочи).

Описывая глагольную СД с точки зрения изменений актантной рамки, Г.И. Кустова утверждает: «На самом деле одновременно происходят два противоположенных семантических процесса: с одной стороны, круг актантов расширяется, и глагол “вбирает” все большее количество новых объектов – и в этом смысле исходное значение и прототипическая ситуация действительно выступают как источник некой “абстрактной схемы”, под которую “подводятся” разные объекты; но с другой стороны, происходит “приспособление” глагола к новым типам объектов, семантическое согласование с их признаками, что приводит к более или менее заметному сдвигу значения и формированию новых, производных значений» [Кустова, 2000, с. 87]. Если же изменений типа актантов не происходит, то нет причин для изменения значения глагола.

Таким образом, анализ семантических преобразований глагольной лексики приводит к выводу о том, что условием объективации нового смысла глагола является изменение его контекстуального окружения. Это изменение происходит в условиях творческого, инновационного употребления слова индивидом, а уже впоследствии переходит из окказионального в узуальное.

Контекстуальные условия семантической деривации предметной лексики

Несмотря на то что в основе СД всех частей речей лежат схожие модели (метафо-

ризация, метонимизация и спецификация), когнитивные операции в основе сдвигов значений предикатной и предметной лексики значительным образом отличаются друг от друга. Невозможность автономного существования признаков вне определяемых объектов приводит к тому, что изменение их значения представляет собой операцию по наделению признаком или действием объекта / субъекта, не входящего в группу прототипических определяемых. Номинатор в данном случае обязательно употребляет характеристику в инновационном контексте: *дремлет человек – дремлет лес, глубокое озеро – глубокая мысль* и т. п. Контекстуальная объективация семантического сдвига является обязательным условием для возникновения нового значения предикатных слов.

Иначе обстоит дело с СД имен существительных. Они выполняют функцию номинации объектов, следовательно, в основе их СД лежит перенос имени с одного называемого объекта на другой, или смена референта. Номинативная метафора имеет целью наименование нового объекта старым именем на основе уловленного номинатором сходства, например: *лента* – о конвейере или о фильме, *взгляд* – о мнении и т. п. Номинативные акты данного типа направлены на конкретный денотат, еще не имеющий имени, и, как правило, не нуждаются в контекстуальной поддержке. Как справедливо замечает О.Б. Пономарева, «для существительных в развитии полисемии основным оказывается логический фактор, для глаголов в большинстве случаев логическая связь между исходным и производным значением перекрывается синтактико-фразеологическим окружением слова» [Пономарева, 2006, с. 214].

Действие номинативной метафоры может осуществляться как независимо от контекста (например, *шар* – геометрическая фигура, предмет такой формы, воздушный шар и т. п.), так и в обязательной связи с ним. В последнем случае метафорическая номинация имеет форму составного наименования N_{nom.} + N_{gen.}: *спутник Земли, нос корабля, подошва горы, кольцо колбасы, лукавки церквей*.

Формула атрибутивного сочетания активным образом используется также в дру-

гих типах СД существительных. Исследуя изменения значений русских существительных в языке коммерции и рекламы, Е.М. Кацман приходит к выводу о том, что «процессы расширения / сужения значения слова неразрывно связаны с изменением его сочетаемости» [Кацман, 2017, с. 46]. Так, появление инновационной сочетаемости у существительного *пакет* (*пакет акций, предложений, услуг, инициатив, требований* и т. п.) создает условия для деактуализации семы прототипического материального объекта («бумажный мешок для упаковки продуктов») и порождает новое, метафорическое значение «совокупность, комплекс». Если метафоризация существительного *пакет* находит выражение в конкретизирующем контексте, включающем генитивную конструкцию: *пакет* + сущ. Род. п. мн. ч., то в процессе СД слова *продукт* решающую роль в становлении нового значения играет инновационное сочетание слова с согласованным определением-прилагательным: *банковский, страховой, финансовый, инвестиционный, рекламный продукт* и т. п. Е.М. Кацман отмечает, что в данных отраслях продукт не имеет материального денотата, что сближает такие употребления с абстрактным ЛСВ («результат») [Кацман, 2017, с. 47].

Анализ СД существительного *рынок* приводит Е.М. Кацман к выводу о том, что происходит не только расширение значения слова, но и реиерархизация сем в его семантической структуре. На первое место выходит значение, отражающее экономическое понятие, – «сфера свободного товарно-денежного обращения», в то время как бывшее ранее главным значение «место торговли» фиксируется словарями уже как второе. Среди контекстов, объективирующих новый ЛСВ, исследователь указывает сочетания *свободный рынок, переход к рынку, туристический рынок, рынок жилья*. На наш взгляд, данного контекстуального материала, однако, явно недостаточно для того, чтобы вывести на новый уровень значимость понятия рынка, которое составило экономическую основу трансформации России. Даже беглый анализ примеров НКРЯ позволяет выделить калькируемые с английского языка сочетания, которые выступают в роли проводников новых смыслов. Рынок подвергается антропо-

морфизации (*невидимая рука рынка, рынок быстрее успокоится, рынок оказался нечувствительным к ситуации* и др.), внушает мысль о рынке как об универсальном регуляторе всех экономических процессов (*саморегулируемый рынок, рынок все отрегулирует*), как об универсальной форме конкуренции во всех областях (*рынок сбыта, рынок образовательных услуг, потребительский рынок, рынок труда, рынок жилья* и т. п.). Как видим, в случае реконцептуализации понятия задействованными становятся самые разные синтактико-семантические формы инновационных контекстов. В связи с этим чрезвычайно важным представляется понимание того, что «именно скрупулезный анализ контекста употребления слова позволяет выявить семы, актуализирующиеся в его значении, и **проследить возможное направление формирования нового значения** (выделено нами. – Т. Ш., С. В.)» [Кацман, 2017, с. 47].

Динамический подход к выявлению лингвокогнитивных условий реализации СД существительного отличает работу В.А. Белова «Семантическая деривация имен существительных». В исследовании, основанном на данных НКРЯ и результатах эксперимента толкования носителями современного русского языка новых ЛСВ слов, акцент делается не на «моделях или типах семантических изменений (которые достаточно полно описаны в лингвистике), а на самом процессе изменения» [Белов, 2020, с. 5]. Согласно сформулированной автором гипотезе, СД имени существительного «обусловлена изменением обозначаемой словом прототипической ситуации под влиянием *контекстуальной ситуации*, представленной в высказывании» [Белов, 2020, с. 5]. Анализируя процессы изменений значения слов (*стоянка, рассылка, силовики* и др.) на основе их обновленных контекстуальных употреблений, В.А. Белов подчеркивает особую роль, которую играют «конкретизаторы ситуации», указывающие на использование существительного в новом значении. Контексты, в которых существительные употребляются в новом значении, ученый, вслед за Н. Энфилдом, называет «связывающими» (*bridging contexts*), поскольку они маскируют переход от прагматической импликации к подлинной полисемии [Enfield, 2003, p. 28–29].

Заметим, что данный термин представляется вполне адекватным с точки зрения роли контекста в закреплении нового ЛСВ, однако с точки зрения условий порождения нового смысла более релевантным, на наш взгляд, является использование термина «инновационный контекст». Именно в результате употребления «старого» языкового знака в нетипичном для него, новом контекстуальном окружении происходит возникновение его нового содержания. Новая ситуация, эксплицированная в индивидуальном лингвокреативном высказывании, постепенно получает распространение в узусе, освобождается от рамок связывающего контекста и закрепляется в значении самого слова.

Заключение

Развитие у слова нового значения происходит в результате взаимодействия двух факторов: когнитивного (логического сдвига в значении) и речезыкового (употребления слова говорящим в инновационном контексте). Роль и соотношение этих факторов неодинаковы для различных частей речи. Процесс СД прилагательного происходит в результате приписывания свойства или признака новому объекту, что объективируется в инновационной синтагматике прилагательного. У глагола в область отраженных им лингвокогнитивных связей включаются субъект, объект и обстоятельства действия, следовательно, в процессе СД происходит обязательное изменение таксономического класса членов актантной рамки, влекущее за собой изменение контекста. Соотношение логического и речезыкового факторов в СД имени существительного зависит от типа семантического сдвига. Если речь идет о смене именуемого денотата, то логический фактор не всегда требует использования слова в инновационном контексте. Если происходит спецификация значения (расширение или сужение смысла, реконцептуализация), использование инновационного контекста употребления слова является необходимым условием его неосемантизации. При этом способность существительного сочетаться с другими существительными, глаголами и прилагательными обуславливает значительно более широкий спектр контекстуаль-

ных изменений. Их более подробное типологическое описание составляет перспективу изучения роли и моделей инновационного контекста в процессе семантической деривации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбекова Т. И., 1977. Лексикология английского языка. М. : Высш. шк. 240 с.
- Арнольд И. В., 2002. Стилистика. Современный английский язык. М. : Флинта : Наука. 384 с.
- Ахманова О.С., 1969. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл. 608 с.
- Белов В. А., 2020. Семантическая деривация имен существительных // Вестник Томского государственного университета. № 459. С. 5–14. DOI: 10.17223/15617793/459/1.
- Воркачев С. Г., Воркачева Е. А., 2020. Полисемия, контекст и трансляция смыслов // Современные исследования социальных проблем. Т. 12, № 5. С. 112–125. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-112-125.
- Гак В. Г., 1977. К типологии лингвистической номинации // Языковая номинация : Общие вопросы. М. : Наука. С. 230–293.
- Галеева Т. И., Казиахмедова С. Х., Янова Е. А., 2017. Явление полисемии как феномен лингвистики // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия: История и филология. Т. 27, вып. 5. С. 784–794.
- Зализняк Анна А., 2001. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. № 2. С. 13–25.
- Кацман Е. М., 2017. О семантических трансформациях русских существительных в языке коммерции и рекламы // Научный диалог. № 2. С. 44–56. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-2-44-56>.
- Кустова Г. И., 2000. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. № 4. С. 85–109.
- Лотман Ю. М., 2001. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб. : Искусство-СПб. 703 с.
- Падучева Е. В., 2004. Динамические модели в семантике лексики. М. : Яз. слав. культуры. 610 с.
- Пархоменко Т. Н., 2012. К вопросу о семантической деривации // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 4, № 4 (52). С. 87–90.
- Пономарева О. Б., 2006. Семантическая деривация и многозначность: неоднозначность и слияние смыслов в поэтическом тексте // Вестник Тюменского государственного университета. № 4. С. 212–217.
- Рахилина Е. В., Карпова О. С., Резникова Т. И., 2009. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог». М. : Изд-во РГГУ. С. 420–426.
- Розина Р. И., 2002. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вопросы языкознания. № 2. С. 3–15.
- Сандакова М. В., 2010. Прилагательное в атрибутивном словосочетании // Ярославский педагогический вестник. Т. 1, № 4. С. 202–207.
- Сандакова М. В., 2019. Способы семантической деривации и типы соотношений между значениями в семантической структуре прилагательного // Научный диалог. № 3. С. 117–131. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-3-117-131>.
- Торсуева И. Г., 1990. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 238–239.
- Шкапенко Т. М., Ваулина С. С., 2020. Проблемы терминологизации и теоретического описания уровней языковой деривации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 6. С. 204–215. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.16>.
- Шмелев Д. Н., 1990. Полисемия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 382.
- Enfield N., 2003. Linguistic Epidemiology: Semantics and Grammar of Language Contact in Mainland Southeast Asia. L. : Routledge Curzon. 397 p.
- Evans N., Wilkins D., 2000. In the Mind's Ear: The Semantic Extensions of Perception Verbs in Australian Languages // Language. № 76. P. 546–592. DOI: 10.2307/417135.
- Fauconnier G., 2004. Pragmatics and Cognitive Linguistics // The Handbook of Pragmatics / ed. by L. Horn, G. Ward. Oxford : Oxford University Press. P. 657–374.
- Fillmore C., Kay P., O'Connor M. K., 1988. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // Language. Iss. 64. P. 501–538.
- Pustejovsky J., 1991. The Generative Lexicon // Computational Linguistics. № 17 (4). P. 409–441.
- Pustejovsky J., 1998a. The Semantics of Lexical Underspecification // Folia Linguistica. Vol. 32, № 3/4. P. 1–28.
- Pustejovsky J., 1998b. Generativity and Explanation in Semantics: A Reply to Fodor and Lepore // Linguistic Inquiry. Vol. 29, № 2. P. 289–311.

СЛОВАРИ

- МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1981–1984. Т. 1. 1981. 698 с. ; Т. 2. 1983. 736 с. ; Т. 3. 1983. 752 с. ; Т. 4. 1984. 794 с.
- СТС – Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2003. 960 с.

REFERENCES

- Arbekova T.I., 1977. *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 240 p.
- Arnold I.V., 2002. *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 384 p.
- Akhmanova O.S., 1969. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 608 p.
- Belov V.A., 2020. Semanticheskaya derivatsiya imen sushchestvitelnykh [Semantic Derivation of Nouns]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 459, pp. 5-14. DOI: 10.17223/15617793/459/1.
- Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A., 2020. Polisemiya, kontekst i translyatsiya smyslov [Polysemy, Context and Meanings Transference]. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* [Modern Studies of Social Issues], vol. 12, no. 5, pp. 112-125. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-112-125.
- Gak V.G., 1977. K tipologii lingvisticheskoy nominatsii [On the Typology of Linguistic Nomination]. *Yazykovaya nominatsiya: Obshchie voprosy* [Language Nomination: General Questions]. Moscow, Nauka Publ., pp. 230-293.
- Galeeva T.I., Kaziahmedova S.H., Janova E.A., 2017. Yavlenie polisemii kak fenomen lingvistiki [Polysemy As a Linguistics Phenomenon]. *Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], vol. 27, iss. 5, pp. 784-794.
- Zaloznjak Anna A., 2001. Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: proekt «Kataloga semanticheskikh perekhodov» [Semantic Derivation in Synchrony and Diachrony: The Project of the “Catalog of Semantic Transitions”]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 13-25.
- Katsman E.M., 2017. O semanticheskikh transformatsiyakh russkikh sushchestvitelnykh v yazyke kommertsii i reklamy [On Semantic Transformations of Russian Nouns in the Language of Commerce and Advertising]. *Nauchnyi dialog*, no. 2, pp. 44-56. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-2-44-56>.
- Kustova G.I., 2000. Kognitivnye modeli v semanticheskoy derivatsii i sistema proizvodnykh znacheniy [Cognitive Models in Semantic Derivation and the System of Derived Values]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 85-109.
- Lotman Yu.M., 2001. *Semiosfera. Kultura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside the Thinking Worlds. Articles. Researches. Notes]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB Publ. 703 p.
- Paducheva E.V., 2004. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 610 p.
- Parkhomenko T.N., 2012. K voprosu o semanticheskoy derivatsii [On Semantic Derivation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], vol. 4, no. 4 (52), pp. 87-90.
- Ponomareva O.B., 2006. Semanticheskaya derivatsiya i mnogoznachnost: neodnoznachnost i sliyanie smyslov v poeticheskom tekste [Semantic Derivation and Polysemy: Ambiguity and Merging of Meanings in a Poetic Text]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], no. 4, pp. 212-217.
- Rakhilina E.V., Karpova O.S., Reznikova T.I., 2009. Modeli semanticheskoy derivatsii mnogoznachnykh kachestvennykh prilagatelnykh: metafora, metonimiya i ikh vzaimodeystvie [Models of Semantic Derivation of Polysemic Qualitative Adjectives: Metaphor, Metonymy and Their Interaction]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: materialy ezhegod. Mezhdunar. konf. «Dialog»* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the Annual International Conference “Dialog”]. Moscow, Izd-vo RGGU, pp. 420-426.
- Rozina R.I., 2002. Kategorialnyy sdvig aktantov v semanticheskoy derivatsii [Categorical Shift of Actants in Semantic Derivation]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 3-15.
- Sandakova M.V., 2010. Prilagatelnoe v atributivnom sochetanii [Adjective in an Attributive Word Combination]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], vol. 1, no. 4, pp. 202-207.
- Sandakova M.V., 2019. Sposoby semanticheskoy derivatsii i tipy sootnosheniy mezhdu

- znacheniyami v semanticheskoy strukture prilagatelno [Ways of Semantic Derivation and Types of Relations Between Meanings in Adjective Semantic Structure]. *Nauchnyi dialog*, no. 3, pp. 117-131. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-3-117-131>.
- Torsueva I.G., 1990. Kontekst [Context]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 238-239.
- Shkapenko T.M., Vaulina S.S., 2020. Problemy terminologizatsii i teoreticheskogo opisaniya urovney yazykovoy derivatsii [Problems on Terminology and Theoretical Description of Language Derivation Levels]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 6, pp. 204-215. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.16>.
- Shmelev D.N., 1990. Polisemija [Polysemy]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., p. 382.
- Enfield N., 2003. *Linguistic Epidemiology: Semantics and Grammar of Language Contact in Mainland Southeast Asia*. London, Routledge Curzon. 397 p.
- Evans N., Wilkins D., 2000. In the Mind's Ear: The Semantic Extensions of Perception Verbs in Australian Languages. *Language*, no. 76, pp. 546-592. DOI: 10.2307/417135.
- Fauconnier G., 2004. Pragmatics and Cognitive Linguistics. Horn L., Ward G., eds. *The Handbook of Pragmatics*. Oxford, Oxford University Press, pp. 657-374.
- Fillmore C., Kay P., O'Connor M.K., 1988. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone. *Language*, iss. 64, pp. 501-538.
- Pustejovsky J., 1991. The Generative Lexicon. *Computational Linguistics*, no. 17 (4), pp. 409-441.
- Pustejovsky J., 1998a. The Semantics of Lexical Underspecification. *Folia Linguistica*, vol. 32, no. 3/4, pp. 1-28.
- Pustejovsky J., 1998b. Generativity and Explanation in Semantics: A Reply to Fodor and Lepore. *Linguistic Inquiry*, vol. 29, no. 2, pp. 289-311.

DICTIONARIES

- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.] Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981-1984. Vol. 1, 1981. 698 p.; vol. 2, 1983. 736 p.; vol. 3, 1983. 752 p.; vol. 4, 1984. 794 p.
- Kuznetsov S.A., ed. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2003. 960 p.

Information About the Authors

Tatiana M. Shkapenko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Aleksandra Nevskogo St, 14, 236041 Kaliningrad, Russia, tshkapenko@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6892-4205>

Svetlana S. Vaulina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Aleksandra Nevskogo St, 14, 236041 Kaliningrad, Russia, svaulina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-2836>

Информация об авторах

Татьяна Михайловна Шкапенко, доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. Александра Невского, 14, 236041 г. Калининград, Россия, tshkapenko@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6892-4205>

Светлана Сергеевна Ваулина, доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. Александра Невского, 14, 236041 г. Калининград, Россия, svaulina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-2836>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2022 года 1939 руб. 38 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2022 is 1939.38 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

